

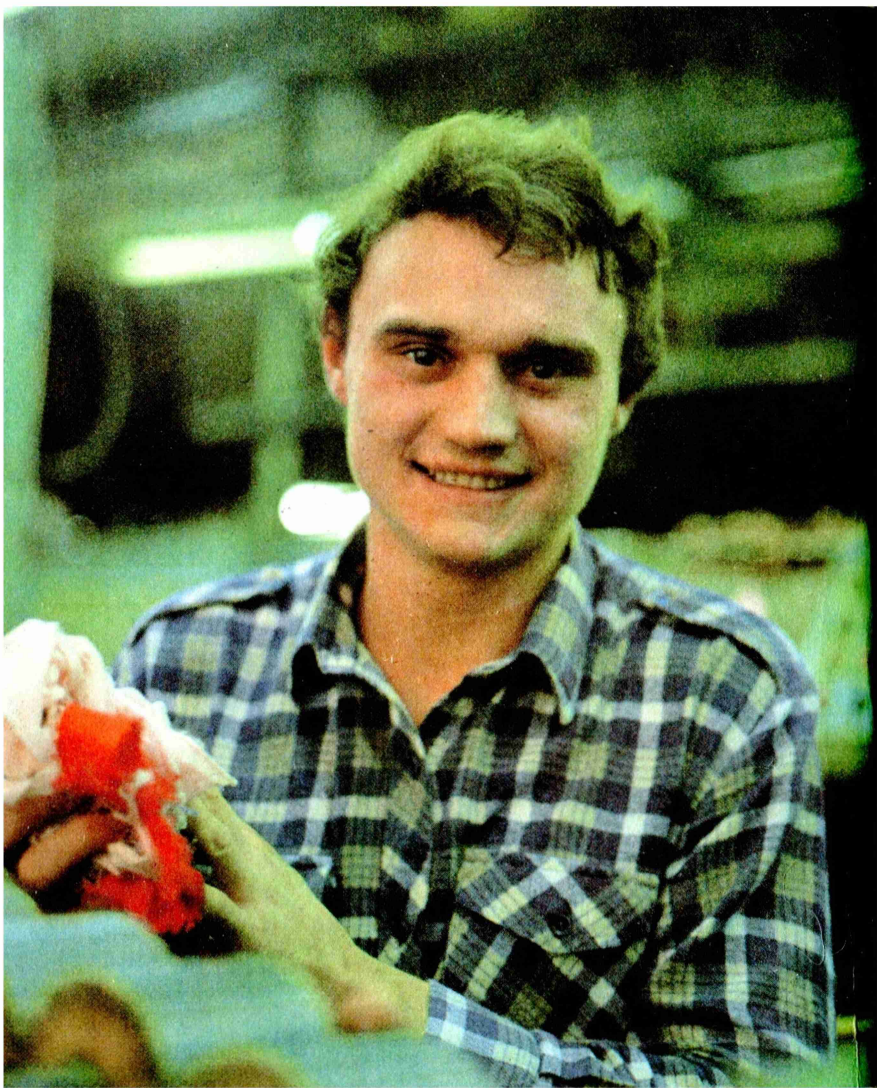
ЧЕЛОВЕК И ЗАКОН

ISSN 0132-0831

12

1988

Передовой токарь Московского завода автотракторного электро-оборудования О. Б. Кольцов успешно выполняет и общественные обязанности, являясь народным заседателем районного народного суда.

ЧЕЛОВЕК И ЗАКОН

№ 12 (216) ДЕКАБРЬ 1988
ИЗДАЕТСЯ С 1971 ГОДА

**Ежемесячный
научно-популярный
журнал
Министерства
юстиции СССР**

**Издательство
«Правда»
Москва**

Главный редактор
В. М. Сиренко

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В. А. Аболенцев, С. И. Бабошко,
Г. К. Большакова (заместитель
главного редактора),

В. А. Журавлев

(ответственный секретарь),

Б. В. Заботин, И. Н. Кузнецов,

В. Д. Поволяев,

И. С. Самощенко, П. И. Седугин,

Ю. С. Семенов, Е. В. Смирнова,

А. Я. Сухарев, А. А. Требков,

А. М. Филатов

Технический редактор И. П. КАЛАЧЕВА
Оформление В. А. БУРКИНА

Адрес редакции:
129850, ГСП, Москва, И-110, Олимпийский проспект, 22
Телефон 281-68-12

В номере

■ ПЕРЕСТРОЙКА: ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ И ПРАВО

- А. ВАКСЯН. Что он может, заводской юрист! О роли и задачах юридической службы на предприятии 5

■ ПРАВОВОЙ УНИВЕРСИТЕТ

- Д. ЕСИПЕНКО. Закон колхозной жизни 13
А. ЗАЙКИН, Н. БРИЛЛИАНТОВА. Трудовой договор 17

■ ДИСКУССИОННЫЙ КЛУБ

- Диалог на не совсем обычную тему. О правомерности применения исключительной меры наказания — смертной казни — размышляют писатель, доктор юридических наук А. Безуглов и старший помощник прокурора Московской области М. Хазин 21
Обсуждаем проблему. Письма читателей о пенсионной реформе 29

■ СОБЕСЕДНИК

У нас в гостях еженедельник «Ветеран»

- «Ветеран» встал на вахту. Беседа с главным редактором Ф. Н. Халтуриним 31

из почты журнала 35

БУДЕМ МИЛОСЕРДНЫ!

- П. ВАСИЛЬЕВ, Ф. КРЮЧКОВ. Глухота по-домодедовски 38

- Утверждать правопорядок в Вооруженных Силах. Беседа с начальником Управления военных трибуналов Министерства юстиции СССР, генерал-майором юстиции А. И. Мурановым 42

■ ЮРИДИЧЕСКИЙ ВСЕОБУЧ: ОПЫТ. ПРОБЛЕМЫ

НОВОЕ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

- И. СУХАРЕВ. Оплата труда адвокатов 49

РУКОВОДИТЕЛЮ О ЗАКОНЕ

- С. ГОЛОВИНА. Повышение квалификации 52

Юрист консультирует директора 55

СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА

- Н. ГАЛИНА. Хотя до свадьбы далеко 56

КНИЖНАЯ ПОЛКА 58

ЮРИДИЧЕСКИЙ ПРАКТИКУМ 60

МОЛОДЕЖИ О ПРАВЕ

- Н. ТАРАСОВ. Продаются ли подарки! 60

ОТ А до Я	
Правовая инспекция труда	64
СУДЕБНАЯ ХРОНИКА	66
ПО ПРОТЕСТУ ПРОКУРОРА	66

Л. КОСТОМАРОВ. Капля меда из горького хмеля. Записки воспитателя	68
---	-----------

Мини-детектив	94
----------------------	-----------

ОПЫТ ДРУЗЕЙ

Ф. ЛУКЬЯНОВ. Закон против разводов	95
---	-----------

ПО СТРАНАМ И КОНТИНЕНТАМ

С. СУХАЯ. Президентские выборы — взлеты и падения, иллюзии и реальность	97
--	-----------

С. ВЫСОЦКИЙ. Пунктирная линия. Повесть. Окончание.	106
---	------------

ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ ПРАВО!

Кроссворд	123
------------------	------------

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «ЧЕЛОВЕК И ЗАКОН» ЗА 1988 ГОД	124
---	------------

НА ОБЛОЖКЕ

Первая страница

Постоянное повышение квалификации — прямая служебная обязанность каждого руководителя и специалиста. Черноморец Нина Ивановна, председатель Московского районного народного суда г. Ленинграда, Кецба Астамур Шамильевич, председатель Гагринского городского суда, Зорина Вера Тимофеевна, председатель Макарьевского районного народного суда Костромской области, повышают квалификацию во Всесоюзном институте усовершенствования работников юстиции.

Четвертая страница

Фото В. Зимины

На внеочередной сессии Верховного Совета СССР одиннадцатого созыва Генеральный секретарь ЦК КПСС ГОРБАЧЕВ Михаил Сергеевич единогласно избран Председателем Президиума Верховного Совета СССР.

Первым заместителем Председателя Президиума Верховного Совета СССР избран ЛУКЪЯНОВ Анатолий Иванович.

На внеочередной сессии Верховного Совета РСФСР одиннадцатого созыва Председателем Президиума Верховного Совета РСФСР избран ВОРОТНИКОВ Виталий Иванович.

Председателем Совета Министров РСФСР избран ВЛАСОВ Александр Владимирович.

ЧТО ОН МОЖЕТ, ЗАВОДСКОЙ ЮРИСТ?

ЮРИСКОНСУЛЬТ ПОМОЖЕТ...

Не найдется, наверное, среди нас ни одного, кто бы в течение года не обратился за советом к заводскому, институтскому, фабричному, министерскому или иному юристу.

82 тысячи юрисконсульты работают в народном хозяйстве страны и ежегодно дают нам с вами около миллиарда консультаций. Много? Конечно. И сегодня хотелось бы рассказать о том, чем занимается юрист на предприятии, чем руководствуется он в своей работе, что помогает и что мешает ему, каковы задачи юридической службы в процессе перестройки.

Что хочется сказать в первую очередь? В отличие от всех остальных правоведов юрист, работающий в народном хозяйстве, оторван от коллег. Скажу несколько слов о себе. Когда в 1967 году я стал работать юрисконсультом небольшой торговой организации, то почувствовал себя словно на необитаемом острове. Вокруг — продавцы, товароведы, экономисты, многие другие специалисты, но ни одного юриста. Они говорят на одном языке, а я будто совсем на другом. Если чего-то не знаешь, хоть «караул» кричи, никто не поможет. Два года потребовалось, чтобы как-то нащупать свою колею, уяснить специфику, привести академические знания, полученные в вузе, в соответствие с практическими потребностями организации, научиться понимать людей и заставить чуть-чуть понимать себя.

Совсем иное положение, скажем, у работников прокуратуры, суда, арбитража, нотариата, других правоохранительных органов. Здесь есть у кого поучиться молодому специалисту. Правда, на крупных предприятиях, в объединениях и министерствах есть юридические отделы и бюро, но, во-первых, таких хозяйственных органов в общей массе немного, а во-вторых, сюда «молодого» не возьмут. Абсолютное же большинство организаций вообще не располагает юридической службой.

Юридическая служба на предприятиях сравнительно молода. Стоит сказать, что в Юридическом словаре, изданном в 1953 году, термина «юрисконсульт» нет. А в таком же словаре 1987 года юрисконсульту посвящено 28 строк.

Парадоксально низкое правовое положение юристов, работающих в народном хозяйстве, вызвало в конце концов их справедливое возмущение.

В 1971 году один из журналов опубликовал статью Р. Калистратовой «Дождется ли юридическая «Золушка» своего дня?». Название говорило само за себя. И вроде бы дождалась «Золушка». Всего через год — 22 июня 1972 года Совет Министров СССР принял своего рода табель о рангах юристов в народном хозяйстве — Общее положение о юридическом отделе. Наконец-то в этом до-

кументе регулировались правовое положение юрисконсультов, их права и обязанности.

Чем конкретно должен заниматься юрист предприятия? Между прочим, консультации в общем ряду обязанностей занимают весьма скромное место. Проведенное в свое время на ряде предприятий Минсельхозмаша СССР исследование, в частности, показало, что на правовые консультации сотрудников уходит не более семи процентов рабочего времени юридических служб. А теперь приведем весьма далекий от полноты «букет» функций заводских юристов: обеспечение законности в хозяйственной деятельности, в том числе контроль за законностью издаваемых нормативных и других актов правового характера; организация заключения и контроль исполнения хозяйственных договоров, претензионно-исковая работа (на это расходуется 52 процента полезного времени); обеспечение правовыми средствами совершенствования управления, сохранение социалистической собственности, высокого качества продукции, укрепления дисциплины труда; проведение правовоспитательной работы в коллективе.

ПОМОГИТЕ ЮРИСТУ

На бумаге все вроде гладко и легко. А на практике?

За отсутствием данных социологических исследований о соответствии фактического положения юристов в народном хозяйстве их правовому статусу обратимся к письмам читателей.

Вот что пишет юрисконсульт В. Бакало из Одессы: «Директор фабрики двенадцать раз увольнял юриста за то, что тот вносил представления об устранении грубых нарушений законности. И каждый раз прокуратура района принимала меры для восстановления юрисконсульта на работе. Дело кончилось увольнением директора». Строки из письма А. Казарец, юриста из г. Полонное Хмельницкой области: «Руководители, с которыми мне пришлось работать, а их за семь лет сменилось трое, самые разные по характеру люди, все как один считали, что главное для юрисконсульта — выигрывать все дела в арбитраже и суде. Когда я приезжал с заседания арбитража, то руководитель спрашивал только одно: выиграл ли я дело? Как будто мы там играли в футбол!.. Что касается внутри-заводских проблем, то никому из руководителей не нравилось, когда юрист выявлял недостатки, вносил предложения об их устранении. На такого рода деятельность юриста накладывалось своеобразное табу».

Юрисконсульт из Москвы Н. Колесников пытался в свое время убедить хозяйственных руководителей на законных основаниях изменить условия договора на поставку кирпича. Если бы это ему удалось сделать — экономия бы составила более 150 тысяч рублей. Но попытки ни к чему не привели. Юрисконсульту было сказано: «Это не ваше дело. Занимайтесь консультационной работой, визируйте приказы, а в хозяйственные дела не лезьте». В итоге «заранее спланированные» убытки — 151,6 тысячи рублей!!

Упразднение юридического отдела и сокращение должности юрисконсульта на предприятии по закону допускается лишь с согласия вышестоящей организации. Вопреки этому правилу директор одного из механических заводов (Киевская область) сократил должность юрисконсульта, как только она оказалась вакантной. Понадобилось вмешательство главка, чтобы она была восстановлена. Да-

лее: руководитель юридической службы предприятия должен находиться только в подчинении его руководителя. Так требует закон. А в одной из строительных организаций Чернигова руководитель подчинил юрисконсульта главному бухгалтеру. В большинстве союзных министерств юриделы почему-то включены в состав экономических управлений...

Примеры такого рода можно было бы приводить до бесконечности. Они свидетельствуют не только о нарушении Общего положения о юридическом отделе, но и о явной незащищенности юрисконсульта от настроений хозяйственного руководителя.

Правды ради надо сказать: далеко не везде попираются права юрисконсультов. Можно привести множество примеров, прямо противоположных тем, о которых шла речь выше. Когда, скажем, с приходом на предприятие юриста в несколько раз сократились непроизводительные потери, прекратились полностью случаи нарушения законодательства о труде, снизились недостатки при отгрузке или приемке продукции.

Однако вот что написала заместитель главного бухгалтера одной из строительных организаций Красноярска Н. Бисерова: «На предприятии нет ни одного руководителя подразделения, у которого было бы так много обязанностей и так мало прав, как у юриста. Вместе с тем по зарплате он скорее относится к рядовым служащим. При нынешнем положении юриста на производстве скрывается его инициатива, он не может эффективно влиять на рост прибыли и сокращение потерь».

ПОМОГИТЕ ХОЗЯЙСТВЕННИКУ

Между тем довольно солидная пачка писем, поступивших от хозяйственных руководителей и специалистов (неюристов), содержит резко отрицательные оценки деятельности юрисконсультов. Предметом критики стали прежде всего пассивность, отсутствие у юрисконсультов инициативы в решении насущных задач, стоящих перед предприятиями, явно «прокурорский», если угодно — контрольно-проверочный уклон их работы в ущерб конструктивному. В одном из писем содержится упрек юрисконсультам в том, что, получая зарплату на предприятии, они работают «на чужого дядю» (под «дядей» подразумеваются разного рода правоохранительные органы). По мнению ряда читателей, довольно низка эффективность деятельности работников юридических служб министерств и ведомств, а также исполкомов Советов народных депутатов. Занимаются они в основном обслуживанием собственных аппаратов, тогда как одна из главных их задач — методическое руководство правовой работой в соответствующих отраслях и регионах, оказание помощи низовым звеньям.

Нелестные оценки даются также и местным органам юстиции, органам государственного и ведомственного арбитража: помощь предприятиям не оказывается или она весьма незначительна, контрольные функции явно преобладают над всем остальным, на местах нередко отсутствует необходимый в работе минимум юридической литературы, проводимые кое-где с разной периодичностью совещания юрисконсультов малоэффективны, информационные письма «об опыте» часто содержат лишь призывы и лозунги, но как добиться реального повышения уровня организации той же договорной работы (а именно это сейчас наиболее важно) — не объясняют.

КТО ВИНОВАТ!

Что же, скажем деликатно, способствует не совсем удачному исполнению некоторыми юрисконсультами своих должностных обязанностей?

Главная беда, по-моему,— сравнительно низкая квалификация многих юрисконсульттов. А откуда ей взяться? В большинстве юридических вузов напрочь отсутствует хозяйственно-правовая специализация (целевая подготовка), а там, где она есть, совершенно не учитываются особенности отраслей (промышленность, АПК, строительство, транспорт, связь, бытовое обслуживание и пр.), где предстоит трудиться будущему юрисконсульту. Этого, между прочим, нельзя сказать о юридических техникумах, которые открываются ныне повсеместно. Однако специалистов со средним специальным образованием юрисконсультами почему-то берут крайне неохотно.

Не радует и сравнительно высокая текучесть кадров юрисконсульттов, вызванная зачастую крайне низкой заработной платой. В ином месте что ни год — новый юрисконсульт. Где уж мечтать о высокой квалификации, авторитете и знании специфики производства?

«Очень часто задаю себе вопрос,— пишет юрисконсульт А. Данилов из г. Абовяна (Армянская ССР),— почему юрисконсультами на предприятиях работают в основном люди преклонного возраста? Да, не всякий молодой человек пойдет на эту работу. Лично меня самые разные люди долго отговаривали от нее. Смысл примерно таков: работа эта неперспективная, неблагодарная и годится лишь для немолодых людей. Мои доводы: все это не так, именно там и должны трудиться наиболее инициативные специалисты.

Почему на протяжении долгого времени юристу отводилась второстепенная роль? Создается впечатление, что просто кому-то были выгодны беззакония, и только по этой причине юристы использовались столь не по-хозяйски...»

Наконец, в целом ряде отраслей — на транспорте, в торговле, местной промышленности, бытовом обслуживании, госагропроме, потребкооперации — юридическая служба чрезвычайно малочисленна.

Но есть и другая сторона проблемы.

С 1988 года подавляющее большинство объединений, предприятий действуют в условиях хозрасчета и самофинансирования. На них распространялись и действие Закона СССР о государственном предприятии (объединении). Между тем на 40 процентов хозяйств действие самого Закона пока не распространяется. Все это вызывает невероятные сложности в реализации правовых норм. Чтобы их преодолеть, юрисконсульту требуется подчас довольно много времени. Это также вызывает недовольство хозяйственников, иногда и справедливое.

...Был некогда у бурлаков такой закон: сбившегося с ноги учили, дважды сбившегося наказывали, окуная в реку, трижды — изгоняли из артели. Тех же, кто только держался за бечеву, делая вид, что тянет баржу, без лишних разговоров отпускали на все четыре стороны.

Абсолютное большинство юрисконсульттов трудятся, что называется, в одной упряжке с коллективом, но попадают среди них и те самые... лжебурлаки. Впрочем, пока что и среди других специалистов такие не перевелись.

Остро стоит проблема организации правового обслуживания небольших самостоятельных предприятий, организаций, учреждений с численностью менее тысячи человек. «Из более чем 500 организаций культуры города,— пишет юрисконсульт из Киева Н. Омельчук,— только каждое десятое имеет в штате юрисконсульта. А ведь число работающих здесь более 70 тысяч».

Перестройка и вызванные ею процессы обновления всех без исключения сторон жизни общества не могли не сказаться и на сфере нормотворчества, реализации законодательства. Множество законоположений (начиная от целого ряда статей Конституции СССР) подвергнуты справедливой критике. Общеизвестно: огромный массив законодательных актов нуждается в ревизии и пересмотре. Пересмотр же устаревших установлений требует времени, скрупулезной отработки каждой нормы. Все это скорее истинная беда права, чем его вина. Согласитесь, обвинять во всем этом юрисконсульта все равно, что требовать постоянно ясной погоды от метеоролога!

Что можно сейчас встретить почти повсеместно? Хозяйственный руководитель, пренебрегая нормами законодательства, выносит «волевое решение» и требует юриста «оформить» его надлежащим образом. Юрисконсульт, который сделать это не может, объявляется безынициативным, некомпетентным или «не болеющим душой» за дела родного предприятия. Немудрено, если даже по Центральному телевидению периодически раздаются призывы ретивых «поборников» ускорения не исполнять устаревшие инструкции, отказаться от правил, дискредитировавших себя в годы застоя.

Любой первокурсник — будущий юрист скажет вам: действующий нормативный акт надо исполнять независимо от того, устарел он или нет! Другое дело, что такой документ требует скорейшего изменения, дополнения или отмены. Необходимо так и ставить вопрос. В этом-то и состоит принцип законности, закрепленный ст. 4 Конституции СССР. Любое отступление от этого принципа — правовой нигилизм — ввергнет нас в хаос и анархию.

Наметилась и другая столь же прискорбная тенденция. Вот что пишет юрист А. Абрамов (Московская область): «Не секрет, что подавляющее большинство дел, скажем, по линии возмещения материального ущерба, возбуждается прокуратурами. Юрисконсульты же попросту не наделены правом предъявлять иски. Хозяйственные руководители крайне неохотно идут на такое из-за нежелания выносить сор из избы. Подобные ситуации складываются довольно часто и в других вопросах...»

Да, юрист не вправе самостоятельно ни распорядиться о возмещении ущерба, причиненного внутривзаводским браком, ни предъявить иск в арбитраж, ни подписать договор, ни даже самостоятельно отправить отзыв на претензию на сумму 10 рублей.

Все это вправе делать только хозяйственные руководители. Они же руководят на предприятии, по сути, и всей правовой работой, часто не будучи знакомы даже с азами законодательства. Что хотят, то и творят! Результаты этого самого негативизма известны всем. Вот только некоторые из них: более 40 процентов исков трудящихся о восстановлении на работе удовлетворяются судами, арбитражи страны заполнены так называемыми бесспорными исками, сплошь и рядом недопустимо затягиваются сроки заключения договоров поставки. «В Донецкой области,— пишет правовой инспектор труда Донецкого облсовпрофа А. Кошелев,— нередки случаи, когда на

некоторых промышленных предприятиях работы постоянно ведутся сверхурочно или в выходные дни. Так, в 1986 году здесь отработано 21 млн. человеко-часов сверхурочно и 2,7 млн. человеко-дней в выходные. Известны факты, когда люди работают по две смены подряд».

Не все, однако, так плохо и во взаимоотношениях хозяйственников и юристов и в общем состоянии правовой работы на предприятиях. Я опять-таки мог бы привести сотни примеров, противоположных тем, о которых вы прочитали выше. Не буду делать этого. В свое время периодические издания, в том числе и юридические журналы, были буквально забиты хвалебными одами в адрес активных, всезнающих юрисконсультов и юридически грамотных законопослушных хозяйственников. Кое-что в такого рода публикациях было явной натяжкой, но в большинстве своем они достаточно объективно освещали опыт правовой работы в народном хозяйстве.

Как же обстоят дела на самом деле в масштабах страны?

Берусь утверждать: этого не знает никто. Как оценить уровень законности или правовой работы, а значит, в какой-то мере и эффективность деятельности юридических служб на том или ином предприятии, пока неизвестно.

До сего времени критерии таких оценок не выработаны, за исключением «Формы — 1 договоры», отсутствует и какая-либо отчетность по этим вопросам.

ЧТО ДЕЛАТЬ!

В пункте 1 статьи 22 Закона СССР о государственном предприятии (объединении) есть, в частности, такая норма: предприятие должно повышать роль и ответственность юридической, бухгалтерской и других функциональных служб за соблюдение законности, договорной, финансовой дисциплины и качества продукции.

Как претворить в жизнь эту норму закона? «Неблагополучие постановки правовой работы на предприятиях, недостатки в деятельности их юридических служб бросаются в глаза,— пишет юрисконсульт из Киева Г. Козловский,— много лет мы говорим об этом, но все остается по-старому. По-прежнему не определено четко правовое положение юрисконсульта. Везде одно и то же: или на него взваливают массу обязанностей других служб и должностных лиц, или он сидит, ловит мух за пустым канцелярским столом и уныло жалуется на небольшую зарплату».

Притязаем себе: в существовавшей долгие годы системе хозяйствования, основанной на административно-приказных методах управления экономикой, юрист вообще был лишней фигурой. Все детально расписано — только исполняй.

В хозрасчетной же, самокупаемой системе роль юриста становится одной из решающих в судьбе предприятия. За незнание законодательства, игнорирование или обход закона последует не «постановка на вид», не выговор, а жесткий удар рублем. Любой руководитель, даже не очень способный, все-таки не враг своему предприятию. И в голову не придет ему подвергать завод или фабрику необоснованному финансовому риску, игнорируя закон, мнение юрисконсульта.

Прочный контакт с юристом никому из руководителей в этих условиях не повредит. Положение же самого юрисконсульта на предприятии, переведенном на полный хозрасчет, теперь будет в конечном счете прямо зависеть от степени эффективности его

деятельности. Никакое самое совершенное нормотворчество не заменит принципов самоокупаемости и хозрасчета. Однако, скажем прямо, автоматически принципы не действуют.

«Полагаю,— пишет в своем письме Г. Козловский,— задача каждого юриста, работающего в народном хозяйстве, всеми силами содействовать переводу экономики на рельсы подлинного хозрасчета в условиях законности, используя все уже имеющиеся возможности и не ожидая какого-то изменения нормативных актов, регулирующих правовое положение юрисконсульта». Автор письма, безусловно, прав. К сказанному, однако, придется кое-что добавить. Известно, что правовые взгляды и соответствующие им учреждения — составная часть надстройки. Надстройка же, отражая и обслуживая базис (совокупность производственных отношений), обладает относительной самостоятельностью, способна ускорять или тормозить развитие базиса и общества в целом. Отсюда ясно, что степень совершенства того или иного нормативного документа неизбежно (позитивно или негативно) сказывается на отношениях людей в сфере производства, обмена, распределения и потребления.

Можно утверждать, что действующее с 1972 года Общее положение о юридическом отделе в определенной мере сдерживает процесс совершенствования правовой работы в народном хозяйстве. «Настала пора,— утверждает юрист из Тюмени В. Зобнин,— преодолеть разрыв между тем, что юрисконсульт должен делать, и тем, что позволяют ему предоставленные полномочия».

Министр юстиции СССР Б. В. Кравцов в журнале «Хозяйство и право», № 6, 1987 г. отмечает: «Нуждается в дальнейшем упорядочении статус работников юридических служб. С учетом изменений, внесенных в последнее время в законодательство, было бы целесообразно раздвинуть рамки полномочий (прав, обязанностей и ответственности) юрисконсультов с тем, чтобы они могли в полной мере стать полпредами закона на предприятиях, где трудятся».

Общее положение 1972 года лично мне напоминает очень красивый автомобиль... без двигателя или коробки передач. Реализация обязанностей юрисконсульта предприятия не подкреплена предоставлением каких-либо прав. Если ему что-то и позволено свершить, то лишь обязательно с согласия руководителя. Но колы мы действительно хотим, чтобы на предприятиях было обеспечено строгое соблюдение социалистической законности, необходимо пересмотреть и Общее положение о юридическом отделе.

Многочисленные предложения по реальному расширению роли и повышению ответственности юрисконсульта сводятся к следующему:

предлагается предоставить им право самостоятельной подписи претензий, исков, ответов и отзывов на них, других документов правового характера, а также возможность без доверенности выступать в суде, арбитраже, других правоохранительных органах от имени предприятия. Рекомендации (заключения) юридической службы в пределах ее компетенции должны стать обязательными к исполнению всеми должностными лицами. В Общем положении следовало бы также указать на обязательность (как минимум) визирования юрисконсультом всех документов правового характера, а игнорирование этой нормы рассматривать как серьезный дисциплинарный проступок. Целесообразно ввести в документ положение, обязывающее юрисконсульта при обнаружении любых злоупотреблений, фактов бесхозяйственности немедленно обращаться с исчерпывающей

информацией в правоохранительные органы. Следовало бы также установить, что в любом случае должностное лицо по требованию юрисконсульта обязано предоставить ему необходимые документы (в подлиннике). Общее положение надо дополнить прямым указанием на то, что юридическая служба повсеместно функционирует как самостоятельное структурное подразделение. Целесообразно установить равнозначную и строгую ответственность юрисконсульта и руководителя предприятия за состояние правовой работы, укрепление режима законности.

Постановлением Госкомтруда СССР и ВЦСПС от 27 марта 1986 года в числе других утверждены и квалификационные характеристики начальника юридического отдела и юрисконсульта. Вместе с тем квалификационная характеристика на главного юрисконсульта в указанном справочнике отсутствует и повсеместное введение этой должности, за исключением некоторых предприятий стройиндустрии, затруднено.

Целесообразно было бы подумать и о возможности введения на крупных предприятиях и в объединениях должностей заместителей (помощников) директоров по правовой работе. Наконец, в новом Общем положении о юротделе следовало бы предусмотреть и возможность создания межхозяйственных (хозрасчетных) юридических групп для обслуживания небольших предприятий, а также колхозов и совхозов.

Но, конечно же, состояние правовой работы в народном хозяйстве зависит не только от того, насколько изменится этот документ. Повышение роли и ответственности работников юридических служб — проблема комплексная.

Периодическое (раз в пять-шесть лет) повышение квалификации юрисконсультов на курсах в отраслевых ИПК, разработка в каждой отрасли примерных нормативов численности и структур юридических служб, реальное повышение уровня методического руководства правовой работой в отдельных отраслях, наведение должного порядка в нормотворчестве и правовой информации, введение хозяйственно-правовой специализации во всех юридических вузах и техникумах, обеспечение каждому юрисконсульту (и его заработку) возможностей «роста» по месту основной работы в зависимости от трудового вклада в общее дело, устранение разного рода помех в работе, разработка концепции и введение хотя бы приблизительной оценки состояния законности и правопорядка на предприятиях и в регионах — от решения всех этих проблем не уйти. Необходимо проведение целенаправленной реформы юридической службы в народном хозяйстве. Носителями высокой правовой культуры на предприятиях должны стать и хозяйственные руководители. При их аттестации, включении в резерв на выдвижение обязательно надо учитывать степень правовой зрелости принимаемых решений, состояние законности в соответствующем звене. Это, кстати, кое-где уже делается. Так, в Марийской АССР введена правовая аттестация всех хозяйственных руководителей, начиная с министров.

...Не завидую я тем хозяйственным руководителям, которые еще не осознали, насколько необходима сильная юридическая служба в процессе перестройки.

Не завидую и тем юристам, которые не понимают, что для них перестройка начинается не с каких-то внешних изменений. Перемены должны произойти в собственном отношении к делу.

Александр ВАКСЯН

ЗАКОН КОЛХОЗНОЙ ЖИЗНИ

Четвертый Всесоюзный съезд колхозников принял за основу новый Примерный Устав колхоза и поручил Союзному совету колхозов окончательно утвердить его с учетом состоявшегося обсуждения, а также положений Закона СССР «О кооперации в СССР». Недавно Союзный совет колхозов утвердил Примерный Устав колхоза.

С момента принятия действовавшего до съезда Примерного Устава прошло более 18 лет. Многие его положения устарели, не выдержали проверку временем.

Новый Примерный Устав определяет экономические, социальные, организационные и правовые основы деятельности колхоза в новых условиях хозяйствования, предусматривает укрепление колхозно-кооперативной собственности, устанавливает права и обязанности членов колхоза, регламентирует их трудовые отношения, обеспечивает усиление экономических методов управления, развивает внутриколхозную демократию и гласность, гарантирует права колхоза и укрепление кооперативных основ колхозного строя.

Колхоз ведет свою деятельность на основе широкого использования товарно-денежных отношений, пятилетнего и годового планов экономического и социального развития, которые самостоятельно разрабатывает и утверждает на общем собрании колхозников.

В соответствии с Законом о кооперации, в целях расширения прав и самостоятельности колхозов Примерный Устав предоставляет хозяйству право самостоятельно определять, какие культуры будут возделываться на колхозных полях, какой скот разводить, то есть самому определять структуру производства.

Новый Примерный Устав устанавливает, что колхозу государственный заказ на продукцию не доводится. Госзаказ спускается заготовительным предприятиям и организациям, которые для его выполнения будут заключать с колхозами договоры на продажу сельскохозяйственной продукции государству. Каждое хозяйство заключает такой договор на добровольных началах. Реализация сельскохозяйственной продукции заготовительным предприятиям по договорам в счет государственного заказа производится по установленным закупочным ценам. Цены на продукцию, продаваемую через собственную торговую сеть, на колхозном рынке, в потребительской кооперации, другим организациям, колхозы устанавливают самостоятельно.

Устав закрепляет права колхоза участвовать на добровольных началах в деятельности межхозяйственных предприятий и организа-

ций, агропромышленных комбинатов, агрофирм, ассоциаций и других объединений. Кроме того, ему предоставлена возможность в установленном порядке участвовать в деятельности международных кооперативных организаций, устанавливать и развивать торгово-экономические, научно-технические и культурные связи и сотрудничество с сельскохозяйственными кооперативами и другими предприятиями стран — членов СЭВ, а также с предприятиями и фирмами капиталистических и развивающихся стран. Колхоз несет полную ответственность за результаты своих внешнеэкономических связей.

Важнейший вопрос — отношение крестьянина к земле. В прежнем Примерном Уставе колхоза было записано, что земля закрепляется за колхозом в бесплатное и бессрочное пользование. Такое положение заключало в себе несправедливость, так как качество земли далеко не одинаково не только в разных зонах страны, но и в масштабе района, хозяйств. И это зачастую не учитывалось при оценке деятельности хозяйств, установлении отчислений в бюджет и других нормативов. В условиях же перехода на полный хозяйственный расчет и самофинансирование, внедрения арендных отношений нельзя допустить, чтобы колхозы или отдельные группы колхозников изначально оказывались в неравном положении. В связи с этим в новом Уставе обращено внимание на то, что земля, занимаемая колхозом, закрепляется за ним в бессрочное, но не бесплатное пользование.

Помимо земель, предоставляемых в бессрочное пользование, колхозу могут быть выделены земельные участки во временное пользование для отгонного животноводства, кормопроизводства и других нужд.

Уменьшение площади колхозных земель может производиться только с согласия общего собрания колхозников.

Колхоз, согласно Уставу, обязан последовательно проводить работы по повышению плодородия полей, защите почв от эрозии, своевременному осуществлять мероприятия по мелиорации, соблюдать требования природоохранительного законодательства.

Колхоз имеет право предоставлять земельные участки в аренду членам колхоза, другим гражданам, а также другим колхозам, предприятиям и организациям.

Если земля плохо используется колхозом, то в соответствии с Законом о кооперации в СССР по решению исполнительного комитета Совета народных депутатов она может быть изъята у хозяйства с возмещением ему затрат на постройку зданий и сооружений.

Новым Примерным Уставом колхозу предоставлено право приобретать материальные ресурсы в порядке оптовой торговли и по лимитам на основе договоров, заключаемых с предприятиями и организациями материально-технического снабжения, технические средства, материалы, сырье и оборудование у других предприятий и организаций, на колхозных рынках, у населения. Материалы, запасные части, инструмент и малогабаритное оборудование, средства малой механизации и предметы материально-технического оснащения колхозы могут также приобретать в предприятиях розничной торговли и в других организациях за наличный расчет.

Колхоз имеет право продавать, обменивать, сдавать в аренду, передавать, предоставлять бесплатно во временное пользование либо займы другим предприятиям и организациям, а также гражданам здания, сооружения, оборудование, технику, инвентарь, сырье и другие материальные ценности, а также списывать их с баланса, если они изношены или морально устарели.

Колхоз вправе привлекать для своих нужд денежные и имущественные взносы членов колхоза, предприятий, организаций и граждан по решению общего собрания и распределять часть доходов или продукции пропорционально размерам этих взносов. Устав предусматривает и создание в колхозе специального счета — долевого фонда членов колхоза.

По желанию колхозников на условиях коллективного, семейного и арендного подряда колхоз может создавать самостоятельные хозрасчетные коллективы и предоставлять им право самостоятельной реализации произведенной ими продукции, открывать счета в учреждениях банка. С согласия хозяйств такие коллективы могут существовать и в качестве первичных кооперативов.

Во всех зонах страны существует, хотя и в разной степени, сезонность в сельском хозяйстве. Поэтому в отдельные периоды значительная часть колхозников не обеспечена работой и не участвует в создании материальных ценностей.

Между тем опыт многих хозяйств показывает, что можно с большой экономической выгодой сочетать сельскохозяйственное производство с развитием подсобных промышленных производств и промыслов.

В связи с этим в новом Примерном Уставе записано, что колхоз вправе создавать производства по переработке и хранению сельскохозяйственной продукции, добыче и изготовлению строительных материалов, выпуску товаров народного потребления, развивать другие подсобные производства и промыслы. Ему разрешается вступать в договорные отношения с промышленными предприятиями, торговыми, снабженческими и другими хозяйственными организациями по созданию в колхозе промышленных цехов (участков) для производства различных изделий и товаров на основе производственной кооперации, а также выполнять иные работы и услуги.

Немало существенных изменений вносится в систему оплаты труда.

Прежде всего подчеркивается, что колхоз, его общее собрание самостоятельно определяют формы и системы оплаты труда колхозников, в том числе руководителей и специалистов. Уровень ее зависит от конечных результатов хозяйствования. Гарантия оплаты труда — в обеспечении расширенного воспроизводства, получении запланированного чистого дохода, добросовестном выполнении трудовых обязанностей.

Колхоз самостоятельно устанавливает и штаты работников аппарата управления.

Одно из главных направлений, закрепленных в Примерном Уставе, — развитие внутриколхозной демократии и гласности.

Значительно расширяются права общих собраний колхозников. В их компетенцию полностью передается решение вопросов о размерах приусадебных земельных участков и нормах содержания скота в личном подсобном хозяйстве колхозника. При этом, конечно, должно учитываться трудовое участие колхозника в общественном производстве.

Только по решению общего собрания можно наказать или освободить председателя колхоза от должности, в том числе и в связи с переводом на другую работу, а также вынести какое-либо взыскание члену правления и ревизионной комиссии колхоза.

В соответствии с новым Уставом колхоз применяет коллективный

семейный, арендный подряды как основные формы организации и стимулирования труда. Хозрасчетные задания производственным подразделениям и условия договоров разрабатываются с участием трудовых коллективов.

Правление колхоза и подрядные хозрасчетные коллективы неукоснительно соблюдают свои договорные обязательства и несут материальную ответственность за их невыполнение.

В Уставе записано, что член колхоза имеет право добровольно выйти из колхоза, предупредив об этом правление в письменной форме за три месяца. Это заявление должно быть рассмотрено на заседании правления колхоза в присутствии подавшего заявление. Правление колхоза и общее собрание колхозников не вправе отказать в просьбе колхозника о его выходе из колхоза. Колхозник может до истечения трехмесячного срока отозвать заявление.

В день прекращения членства в колхозе правление обязано выдать бывшему колхознику трудовую книжку.

Споры по делам, возникающим из членских отношений, разрешаются общим собранием колхозников. Только общее собрание (собрание уполномоченных) решает вопросы приема в члены колхоза и исключения из колхоза.

В новый Устав внесены также изменения, направленные на укрепление порядка и трудовой дисциплины, повышение ответственности за использование и охрану колхозного имущества.

Устав предоставляет колхозу право самостоятельно устанавливать для своих членов виды поощрения и меры дисциплинарной ответственности.

Порядок наложения и снятия взысканий определяется Правилами внутреннего распорядка колхоза.

Важное место в новом Уставе уделяется личным подсобным хозяйствам колхозников. Дается четкое определение, что личное подсобное хозяйство колхозника является составной частью социального сельскохозяйственного производства. При составлении планов колхоз должен заботиться не только об обеспечении расширенного воспроизводства общественного хозяйства, но и о развитии личных подсобных хозяйств колхозников и других граждан, проживающих на его территории.

На приусадебном участке возделываются все культуры, не запрещенные законом, используются теплицы и другие сооружения утепленного грунта.

Колхоз может выделять колхозникам и другим гражданам, проживающим на территории хозяйства и заключившим с ним договор на производство животноводческой и другой сельскохозяйственной продукции, дополнительные участки пашни, сенокосы и пастбища.

Существенные изменения внесены в Устав по вопросам социального развития колхозного села. Колхоз должен осуществлять всесторонние меры по улучшению условий труда, быта, отдыха, охране и укреплению здоровья колхозников. Эту деятельность колхоз ведет в тесном взаимодействии с местными Советами народных депутатов.

Каждый колхоз с учетом особенностей своего хозяйства должен разработать свой Устав и зарегистрировать его в исполкоме Совета народных депутатов.

Д. ЕСИПЕНКО,
начальник отдела по делам колхозов,
член коллегии Госагропрома СССР

ТРУДОВОЙ ДОГОВОР

УВОЛЬНЕНИЕ

Увольнение по инициативе администрации производится по основаниям, установленным в законодательстве (статья 33 КЗоТ РСФСР). Увольнение по статье 33 КЗоТ РСФСР допускается, как правило, лишь с согласия профсоюзного комитета предприятия, учреждения, организации. Если же оно произведено без согласия профкома, то орган, который рассматривает трудовой спор, должен отложить его разрешение до рассмотрения профсоюзным комитетом вопроса о согласии на расторжение трудового договора с работником. В случае отказа дать согласие на увольнение работника профсоюзный комитет принимает решение о восстановлении его на работе.

Постановление профкома о согласии на увольнение должно быть принято правомочным составом, т. е. на заседании профкома должно присутствовать более половины его членов и за увольнение проголосовать большинство присутствующих. Если необходимо кворума не было, то постановление считается несостоявшимся. Приказ же администрации, основанный на таком постановлении, считается изданным без согласия профкома.

Вопрос об увольнении работника должен рассматриваться в его присутствии, поэтому профком обязан известить его о своем заседании. В случае неявки работника по уважительной причине заседание профкома переносится; если же причина отсутствия неуважительная, вопрос может быть рассмотрен и без его участия.

Администрация вправе расторгнуть трудовой договор не позднее одного месяца со дня получения согласия профсоюзного комитета.

В порядке исключения допускается расторжение трудового договора по инициативе администрации без согласия профкома лиц, указанных в постановлении Президиума Верховного Совета СССР от 30 сентября 1965 г. Например, трудовые споры которых разрешаются вышестоящими в порядке подчиненности органами, либо увольняемые с совмещаемой должности или работы и некоторые другие.

Каковы же основания увольнения по инициативе администрации?

Статья 33 КЗоТ РСФСР содержит девять таких оснований.

По пункту 1 этой статьи увольнение допускается в случае ликвидации предприятия (учреждения, организации) либо сокращения

численности (штата) работников. При этом для увольнения работников в связи с ликвидацией предприятия согласия профсоюзного комитета не требуется.

При реорганизации предприятия (слияние, присоединение, разделение и т. п.) трудовые отношения с согласия работника продолжаются. Прекращение трудового договора по инициативе администрации допускается в том случае, если в результате реорганизации произошло сокращение численности или штата работников.

При этом необходимо, чтобы на предприятии (в учреждении, организации) фактически было сокращение численности или штата.

Преимущественное право на оставление на работе при сокращении штатов предоставляется работникам, указанным в ст. 34 КЗоТ РСФСР. Прежде всего это лица с более высокой производительностью труда и квалификацией. При равной производительности и квалификации предпочтение отдается: семейным — при наличии двух и более иждивенцев; лицам, в семье которых нет других работников с самостоятельным заработком; работникам, имеющим длительный стаж непрерывной работы на данном предприятии (в учреждении, организации); получившим на данном предприятии трудовое увечье или профессиональное заболевание; работникам, повышающим квалификацию без отрыва от производства в высших и средних специальных учебных заведениях; инвалидам войны и членам семей военнослужащих и партизан, погибших или пропавших без вести при защите СССР.

По пункту 1¹ статьи 33 КЗоТ РСФСР могут быть уволены работники, достигшие пенсионного возраста и имеющие право на полную пенсию по старости. При этом с работниками, получающими пенсию по инвалидности, за выслугу лет или по старости на льготных условиях, трудовой договор по этому основанию не может быть расторгнут до достижения ими возраста 60 лет — для мужчин и 55 лет — для женщин и если у них отсутствует право на полную пенсию по старости (т. е. нет необходимого стажа работы: 25 лет у мужчин и 20 лет у женщин).

Причем данный порядок увольнения лиц, достигших пенсионного возраста, не распространяется на работников, избранных на должности трудовым коллективом, а также на лиц, в отношении которых законодательством установлен иной порядок освобождения от работы по возрасту.

При применении этого пункта статьи 33 КЗоТ РСФСР следует учитывать статью 18¹ КЗоТ РСФСР, которая предоставляет администрации предприятия (учреждения, организации) право совместно с профсоюзным комитетом сохранять трудовые отношения с рабочими и служащими, достигшими пенсионного возраста, если они работают добросовестно, с полной отдачей, имеют высокие результаты труда и пользуются заслуженным авторитетом в коллективе. Издание администрацией дополнительного приказа (распоряжения) о сохранении трудовых отношений в этих случаях не требуется.

С другими работниками, достигшими пенсионного возраста и имеющими необходимый стаж для назначения полной пенсии по старости, трудовые отношения либо продолжаются по соглашению сторон путем заключения (перезаключения) срочного трудового договора (на срок до двух лет), либо прекращаются по инициативе администрации с согласия профсоюзного комитета.

Расторжение трудового договора по пункту 2 статьи 33 КЗоТ РСФСР производится в связи с обнаружившимся несоответствием рабочего или служащего занимаемой должности или выполняемой работе вследствие недостаточной квалификации либо состояния здоровья, препятствующих продолжению данной работы.

Недостаточная квалификация либо состояние здоровья, препятствующие надлежащему выполнению трудовых обязанностей, должны быть документально удостоверены.

При этом надо иметь в виду, что расторжение трудового договора по пункту 2 статьи 33 КЗоТ недопустимо с работниками, не имеющими необходимого производственного опыта в связи с непродолжительностью трудового стажа, а также при отсутствии специального образования, если оно не является обязательным условием при заключении трудового договора. Выводы аттестационной комиссии о деловых качествах работника подлежат оценке в совокупности с другими доказательствами по делу.

Расторжение трудового договора из-за несоответствия работника выполняемой работе по состоянию здоровья может быть при стойком снижении трудоспособности, препятствующем надлежащему исполнению трудовых обязанностей, или же если из-за состояния здоровья работника исполнение трудовых обязанностей ему противопоказано или опасно для членов трудового коллектива либо обслуживаемых им граждан.

Пункт 3 статьи 33 КЗоТ РСФСР предусматривает увольнение за систематическое неисполнение рабочим или служащим без уважительных причин обязанностей, возложенных на него трудовым договором или правилами внутреннего трудового распорядка, если к нему ранее применялись меры дисциплинарного или общественного взыскания. В судебной практике указывается, что по этому основанию могут быть уволены работники, которые уже имеют дисциплинарное или общественное взыскание за нарушение трудовой дисциплины и вновь нарушили ее, при этом предыдущее взыскание с них не снято ни досрочно, ни в связи с истечением срока (т. е. не прошел еще год с момента его наложения).

Под мерами общественного взыскания следует понимать взыскания за неисполнение трудовых обязанностей, применяемые к работнику трудовым коллективом, товарищеским судом, общественными организациями в соответствии с положением и уставами, определяющими их деятельность.

Основанием увольнения по пункту 4 статьи 33 КЗоТ РСФСР является прогул, то есть отсутствие на работе без уважительных причин в течение целого рабочего дня (рабочей смены). К прогулу приравнивается отсутствие на работе без уважительных причин свыше трех часов подряд или суммарно в течение дня.

Работник может быть уволен по этому основанию только в том случае, если он находился свыше трех часов вне территории предприятия (объекта), на котором он работает. Его нахождение без уважительных причин не на своем рабочем месте, но на территории предприятия (учреждения, организации) либо объекта, где он должен выполнять трудовые функции, в том числе и более трех часов в течение рабочего дня, хотя и является нарушением трудовой дисциплины, но не может рассматриваться как прогул.

Пункт 5 статьи 33 КЗоТ РСФСР предоставляет администрации возможность уволить работника в связи с неявкой его на работу в течение более четырех месяцев подряд по причине временной

нетрудоспособности (не считая отпуска по беременности и родам). Увольнение в этом случае допускается только в период болезни работника. При этом за лицами, больными туберкулезом, место работы сохраняется в течение 12 месяцев, а за работниками, получившими трудовое увечье или профессиональное заболевание, — до полного восстановления трудоспособности или установления инвалидности.

По пункту 6 статьи 33 КЗоТ РСФСР рабочие и служащие могут быть уволены в случае восстановления на работе лица, ранее выполнявшего эту работу. Это возможно в трех случаях: 1) восстановления на работе незаконно уволенного или незаконно переведенного работника; 2) возвращения работника, призванного на военную службу и уволенного в запас, если со дня его призыва прошло не более трех месяцев, не считая времени проезда к месту жительства; 3) возвращения работника, уволенного в связи с осуждением, которое признано незаконным, если прошло не более трех месяцев с момента вступления в законную силу оправдательного приговора или вынесения постановления о прекращении уголовного дела за отсутствием состава преступления и т. п.

За появление на работе в нетрезвом состоянии, а также в состоянии наркотического или токсического опьянения рабочие и служащие увольняются по пункту 7 статьи 33 КЗоТ РСФСР. При этом не имеет значения, когда работник появился в нетрезвом виде: в начале, середине или конце рабочего дня, а также был ли он отстранен от работы или нет. Важен сам факт его нахождения в нетрезвом состоянии в рабочее время в месте выполнения трудовых обязанностей.

Нетрезвое состояние, а также состояние наркотического или токсического опьянения работника может быть подтверждено как медицинским заключением, так и другими доказательствами.

Пункт 8 статьи 33 КЗоТ РСФСР предусматривает увольнение за совершение по месту работы хищения (в том числе мелкого) государственного или общественного имущества, установленного вступившим в законную силу приговором суда или постановлением органа, в компетенцию которого входит наложение административного взыскания или применение мер общественного воздействия.

Необходимо отметить, что увольнение по пунктам 1, 2 и 6 статьи 33 КЗоТ возможно только в случае, если администрация не имеет возможности с согласия работника перевести его на другую работу или работник отказался от перевода.

Помимо общих оснований увольнения работников по инициативе администрации, статья 254 КЗоТ РСФСР устанавливает дополнительные основания для прекращения трудового договора некоторых категорий рабочих и служащих. Эти основания будут рассмотрены особо.

А. ЗАЙКИН,
доктор юридических наук
Н. БРИЛЛИАНТОВА

ДИАЛОГ НА НЕ СОВСЕМ ОБЫЧНУЮ ТЕМУ

Безуглов Анатолий Алексеевич — член Союза писателей СССР, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой ВЮЗИ

Хазин Макс Григорьевич — старший помощник прокурора Московской области

М. Хазин. Итак, тема нашего диалога — смертная казнь. Быть ей или не быть? Что можете ответить по существу заданного вопроса?

А. Безуглов. Вы прямо играете роль следователя из посредственного детектива. А по существу могу ответить — быть, пока рядом с нами совершаются ужасные, тяжкие преступления.

М. Хазин. Свою точку зрения я хотел бы изложить чуть позже. Сейчас же меня интересует вот какой деликатный вопрос. Ваши многочисленные коллеги, а их у вас гораздо больше, чем у любого другого человека — ведь вы и писатель, и ученый, — в подавляющем своем большинстве ратуют за полную и безоговорочную отмену смертной казни. Ваше выпадение из общего ряда не объясняется ли желанием пооригинальничать?

А. Безуглов. У меня для этого есть много других возможностей. Я тоже не отличаюсь жестокостью, никто еще не назвал меня безжалостным и бессердечным, не чуждо мне и сострадание. Представьте себе состояние мужа, жену которого убила, надругавшись над ней, группа насильников. Между прочим, есть и дети, они тоже знают, при каких обстоятельствах погибла мама, сами вместе с отцом нашли ее в лесу недалеко от дачи... Так вот, прежде всего я сострадаю им. Им, а не виновникам их страдания. И в их лице — обществу, которое не только вправе, но просто обязано не подвергать своих членов риску стать новыми жертвами подобных преступлений.

М. Хазин. Хочу покаяться — в принципе я ведь знал о вашей позиции относительно этой проблемы, хотелось только получить подтверждение от вас лично. За последние несколько лет мне довелось прочесть три ваши повести, где описывалось расследование тягчайших преступлений.

Напомню вам вкратце сюжеты. Впрочем, это только говорится «вам», на самом деле я напому их читателям.

В повести «Трудный поединок» рассказывается, как был разоблачен в тридцатых годах судебно-медицинский эксперт, убивший

свою жену. Труп он расчленил и разбросал части его по Подмосквовью.

Совершенно исключительные события описаны в повести «Соучастник преступления»: там некая Велемирова сначала убила своего внука, грудного младенца, инсценировав несчастный случай; затем пригласила наемных убийц, которые расправились со снохой, в свою очередь, инсценировав самоубийство.

И, наконец, в третьей — «Горькие плоды» — некий очень шустрый молодой человек, желая остаться единственным наследником немалого родительского добра, сначала убил сестру-подростка, а затем и родителей, замаскировав последнюю акцию опять же под самоубийство.

Во всех трех повестях убийц приговорили к исключительной мере наказания. Думаю, что выбор тем и сюжетов объясняется не одной лишь замысловатостью фабулы и хитросплетениями жизненных коллизий. Правда, у меня теплилась надежда (кстати, я рад, что мои опасения не подтвердились), а вдруг в своих художественных произведениях вы утверждаете одно, в жизни же исповедуете совсем другие взгляды:

А. Безуглов. Герои моих повестей — персонажи не совсем вымышленные. За основу каждого произведения взято конкретное уголовное дело, следовательно, у каждого «героя» есть прообраз со своим именем, отчеством, фамилией и одинаково страшной судьбой. Страшной, но заслуженной. Каждый человек получает это звание, естественно, одновременно со своим появлением на свет. И это справедливо. Но если в течение своей жизни он совершает поступки, доказывающие, что не может носить это звание, общество вправе и обязано исторгнуть его из своей среды. Навсегда. На сегодняшний день это можно сделать только одним путем.

М. Хазин. И тем не менее ваши коллеги буквально засыпали средства массовой информации предложениями исключить смертную казнь из системы наказаний. Уж не считаете ли вы это проявлением, если можно так выразиться, абстрактного гуманизма?

А. Безуглов. Всякое может быть: кто-то заблуждается, а кто-то лукавит, подыгрывая наиболее популярному, на их взгляд, общественному мнению. Я получаю много писем от своих читателей и хотел бы привести здесь одно. Женщина, посмотрев телевизионную передачу, написала почему-то не на телевидение, а мне...

М. Хазин. Извините, что перебиваю. Думаю, что не «почему-то», ведь вы много лет были ведущим телепередачи «Человек и закон», это не забыто...

А. Безуглов. Может быть. Так вот, она пишет: «В нашем городе был ужасный случай. Один изверг заманил к себе на квартиру семилетнюю девочку, изнасиловал ее и, чтобы замести следы, сбросил с балкона седьмого этажа. Девочка осталась жива, но калеккой, ей пришлось ампутировать руку и ногу, да еще она вся обморозилась, дело было ночью, она долго пролежала в снегу. Преступник и ранее был несколько раз судим, в том числе за убийство. Если бы такое случилось с дочерью или внучкой выступавшего по телевидению ученого, интересно, распространил бы он свою гуманность на этого изверга? Уверена, что нет, первый потребовал бы расстрелять мерзавца. А чужие дети его, значит, не волнуют, пусть погибают». Несколько прямолинейно, но, согласитесь, в здравом смысле автору письма не откажешь.

М. Хазин. Хотелось бы узнать ваше мнение вот еще о чем. Как известно, одна из функций наказания — исправление преступника, его перевоспитание. Ну, а в случае казни его говорить об исправлении несколько бессмысленно.

А. Безуглов. В этом случае функция исправления переносится на других, которые могут и готовы совершить подобные преступления. Точнее, она совпадает с функцией предупреждения, профилактики. Что ни говори, а каждый потенциальный убийца в глубине души рассчитывает, иногда подсознательно, если не уйти от наказания вообще, то уж сохранить свою жизнь. А будь он убежден, что кара наступит неотвратимо и при этом максимально суровая — уверен, многие убийства не были бы совершены вообще.

М. Хазин. Я же в этом совсем не уверен. Мне довелось как-то изучать статистические отчеты о состоянии преступности. Я специально обратил внимание на динамику умышленных убийств до введения смертной казни и после, а затем после ее отмены. Если следовать вашей логике, после отмены смертной казни количество убийств должно резко возрасти. И напротив, восстановили этот вид наказания — так случалось несколько раз — и убийства пошли на убыль. Практически ничего подобного не было и в помине, никаких серьезных отклонений в ту или иную сторону бесстрастная статистика не зафиксировала. Можете ли вы это объяснить?

А. Безуглов. Очень даже могу. При отмене и введении смертной казни эти изменения закона очень мало пропагандировались среди населения. О них в лучшем случае знали понаслышке. Общее отсутствие гласности оборачивалось непонятной стыдливостью, когда дело касалось такой «деликатной» темы, как смертная казнь. И не случайно народ не верил, что она вообще у нас применяется. До сих пор бытует легенда, что приговор фактически не исполняется, а осужденных, мол, отправляют на какие-то закрытые «урановые рудники», где они в строгой изоляции и работают до самой смерти.

М. Хазин. Мне и самому сотни раз задавали этот вопрос, особенно в 60-е и 70-е годы, когда часто приходилось выступать с лекциями в трудовых коллективах. Видимо, если бы люди достоверно знали о режиме содержания приговоренных к смерти, об условиях охраны в следственном изоляторе, вообще подобные суждения не имели бы места.

А. Безуглов. Здесь сказывается общая неосведомленность населения о порядке производства предварительного следствия, об исполнении приговора. Непосвященным кажется, что достаточно приговоренному за минуту до смерти объявить: «А еще два года назад убил в Воронеже таксиста и ограбил его», — и все, дело это прекратят немедленно, если, конечно, оно есть в природе. На самом деле все гораздо сложнее. Действительно, бывает, что осужденные на казнь каются в совершенных или вымышленных преступлениях, чтобы продлить себе жизнь, пусть даже в камере смертников. Но все их заявления тщательно проверяются, разумеется, при наличии к тому оснований. Между прочим, единственное описание процедуры смертной казни сделано много лет назад М. Маляровым в «Огоньке». Автор почему-то не указал своей должности, а он работал в то время первым заместителем Генерального прокурора СССР и обозначил свое произведение как рассказ, хотя, по существу, это был документальный очерк. Из-за этой стеснительности и в то время публикация осталась незамеченной, а сейчас о ней и вовсе забыли. Мне кажется, что стыдиться нам здесь нечего, общество должно досто-

верно знать о судьбе наиболее опасных преступников, тогда их имя не будет окружено романтическим ореолом. Тем более что нередко уходят они из жизни еще более жалко и постыдно, чем жили... Не вижу ничего зазорного в том, чтобы появился на эту тему даже журналистский репортаж... Но пора, кажется, и вам высказаться по существу обсуждаемого вопроса...

М. Хазин. Я сначала скажу вам, какого ответа вы от меня ждете. Естественно, что прокурорский работник с большим стажем, по общему представлению, является человеком, подвергшимся профессиональной деформации, то есть сухим, жестким, если не жестоким; его трудно разжалобить, чужие слезы и страдания трогают его мало; выступая в суде, он, как правило, требует максимального наказания, а если суд с ним не соглашается, обязательно опротестовывает приговор. Конечно же, такой функционер может ратовать за самое широкое применение смертной казни.

А. Безуглов. Откровенно говоря, я рисовал себе ваш психологический портрет не в таких мрачных тонах...

М. Хазин. Я избавляю вас от необходимости демонстрировать свою деликатность и воспитанность. Знайте: в принципе я за полную отмену смертной казни. Цивилизованное общество в идеале не должно иметь такой меры наказания.

А. Безуглов. Это как же, простите, понимать — «в принципе», «в идеале»? Через тысячу лет отменять? Или только теоретически вы против?

М. Хазин. Смертную казнь можно отменить хоть сейчас. Но — обязательно заменить ее длительным, близким к пожизненному, тюремным заключением. Не лишением свободы, которое по общему правилу отбывается в исправительно-трудовой колонии, а именно тюремным заключением. Сейчас максимальный срок лишения свободы — пятнадцать лет. Если учесть, что убийцы — это чаще всего люди молодого или среднего возраста, после отбытия столь долгого наказания они вполне могут совершить такое же преступление. Тем более что эффективность «отсидки» сейчас крайне невелика, и первая часть названия колонии — исправительная — никак не оправдывается. Это подтверждается и следственной практикой, и статистикой о достаточно высокой рецидивной преступности.

Есть и другая сторона проблемы. Отмена смертной казни в рамках ныне действующей системы наказаний неизбежно породит чувство безнаказанности. И без того, увы, убийства в местах лишения свободы случаются. И что же будет, когда склонный к насилию индивидуум получит свои пятнадцать лет плюс гарантию оставления ему жизни при всех условиях? «Больше не дадут» — это очень опасный стимул повторить преступление. К сожалению, даже сейчас непродуманной иногда практикой назначения наказаний мы вводим в заблуждение ответных преступников, а расплачивается общество.

В свое время мне пришлось поддерживать государственное обвинение по делу некоего рецидивиста. Большую часть жизни он провел в местах лишения свободы и, что особенно характерно, исключительно за насильственные преступления. Освободившись последний раз, он вскоре по пустячному поводу всадил нож в живот своему соседу и ударился в бег. Пока его искали, он познакомился с женщиной, предварительно узнав, что ее муж отбывает наказание. Наш рецидивист рассказал ей трогательную историю: он, мол, сидел с ее мужем в одной колонии и даже спас ему жизнь. Растрогавшись, та захотела отблагодарить спасителя, приготовила хороший обед, купила вина.

Отведав угощения, новый знакомый убил хозяйку, собрал самые ценные вещи и скрылся. Изловить его удалось только через год. На мой взгляд, никаких смягчающих обстоятельств в этом деле не было. Однако суд со мной не согласился и приговорил убийцу к пятнадцати годам лишения свободы. Через две недели после прибытия в колонию он убил работника надзоровоста, отца двух малолетних детей. Вот только тогда его и расстреляли...

Те, кто хлопочет об отмене смертной казни и при этом ссылается на практику других цивилизованных стран, не знают (или только делают вид, что не знают) — именно пожизненное тюремное заключение назначается там взамен. Напомню общеизвестные случаи: в тюрьме закончат свои дни убийцы Роберта Кеннеди, Мартина Лютера Кинга, устроители взрывов, унесших жизни многих людей. Только в тюрьме можно гарантировать безопасность других осужденных и представителей администрации. И вообще нам не худо бы перенять некоторый положительный пенитенциарный опыт зарубежья. А что получится, просто отмени мы сейчас смертную казнь? Убил одного человека — получи пятнадцать лет, убил двух, трех, четверых — и такое бывает — тоже пятнадцать? И дело здесь вовсе не в арифметике, возмущаются нравственное чувство и здравый смысл!

Однако я увлекся, а вы, чувствуется, давно уже хотите высказаться по поводу моего монолога.

А. Безуглов. Аргументы в пользу пожизненного тюремного заключения вы привели отменные. Мне только не совсем понятно — а во имя чего вы хлопочете? Допустим, ваше предложение сегодня принято. Давайте разберемся, что мы имеем. Сидит этот человек в тюрьме, погребен, можно сказать, заживо. Исправления его никто не ждет, никому оно не нужно, в том числе и ему — все равно ведь не освободят. Значит, общество должно обречь себя на заботу о нем — кормить, поить, обхаживать, охранять, наконец — только ради того, чтобы он влачил чисто биологическое существование. Не накладно ли? Мое предложение гораздо... чуть не сказал «практичней»... целесообразней, что ли. В том числе и для осужденного.

М. Хазин. Не хотелось бы, обсуждая это, злоупотреблять прагматическими категориями. Мне думается, что, отказавшись от насильственного лишения жизни себе подобных, мы уже много выиграем. Даже в собственных глазах. С другой стороны, вовсе не обязательно осужденному вести примитивный образ жизни — поел, отправил естественные надобности и на боковую. Надо обеспечить ему, буде он того захочет, достойное мыслящего существа бытие — посильную и интересную работу, чтение, радио. Помните, у нас писали об одном заключенном в США? За долгие годы тюремной неволи он из обычного малограмотного уголовника стал известным ученым-орнитологом, написал и издал несколько книг. Другой и вовсе изучил юриспруденцию, стал крупным специалистом по уголовному процессу. Для него, правда, это имело чисто прикладное значение — ему много лет удавалось добиваться снова и снова пересмотра дела и тем самым отсрочки... да, смертной казни. И, наконец, оставление в живых опасного преступника имеет большое значение для его близких — детей, родителей, братьев, сестер. Одно дело, когда им сообщают — так, мол, и так, приговор приведен в исполнение, а где могила, говорить не положено... Это для нас он вампир и душегуб, а дети, возможно, помнят, как он брал их на руки и ласкал, мать помнит, как качала его в люльке, лечила и ежевечерне купала, ополаскивая отваром чистотела... Они могут переписываться с ним и при определенных

условиях общаться другим образом. Нет, что ни говорите, обсудить это нужно. Плохо, что настоящих дискуссий на этот счет нет, все произносится как-то скороговоркой, пробалтывается. Серьезного, делового, профессионального разговора на эту тему я что-то не припомню.

А. Безуглов. А его не было. Но если и проводить такую дискуссию, надо сделать это на строго научной основе, избегая эдакого юридического снобизма — здесь, мол, наше слово главное, мы самые понимающие. Своё мнение на этот счет не могут не иметь психологи, социологи, экономисты и педагоги, психиатры, политологи. То есть проблеме следует изучить комплексно. И обязательно провести достаточно массовый опрос населения, причем разных его слоев — городских и сельских жителей, рабочих и служащих, представителей научной и творческой интеллигенции, студентов. Только в таком большом, глобальном споре и может родиться истина.

М. Хазин. Только на результаты массовых опросов населения ориентироваться, пожалуй, надо не слишком. Общественное мнение (в узком смысле этого слова) почему-то чаще всего склоняется к ужесточению наказаний. Мне приходилось наблюдать, как и в судебных процессах по делам об убийствах присутствовавшие возмущались, если подсудимого приговаривали к лишению свободы.

Много писем поступает в газеты и журналы с требованием усилить наказания вообще, в том числе и за убийства. Причем авторы писем подчеркивают нередко, что сами они от преступлений не пострадали, а просто возмущены либерализмом и излишней гуманностью закона.

А. Безуглов. Здесь сказывается то, о чем мы уже говорили, — низкая правовая культура общества. Она базируется не только на очень древних принципах: «око за око» и «зуб за зуб», но и на культивируемых почти в наше время «кровь за кровь», «смерть за смерть». Однако если эти правила хороши и справедливы в экстремальных условиях и для врагов внешних, то для сограждан, соотечественников они просто неприменимы. И самое удручающее, что мы правовое бескультурье не только не ликвидируем, а в известной степени, если хотите, насаждаем. Да, насаждаем. Своим ложным пуританством, замалчиванием острых проблем, искусственным созданием атмосферы сенсационности вокруг будничных явлений и завес секретности, ничемной и ненужной, вокруг действительно сенсационных. Раз уж вспомнили, что я подвизался на телевидении, расскажу вам такую историю.

Много лет назад в Москве случилась целая серия убийств: напали исключительно на женщин, преимущественно в лифтах и в подъездах, убивали ударом ножа и забирали только драгоценности. Я предложил своему телена начальнику пригласить работников милиции и прокуратуры выступить, рассказать о случившемся, предупредить о возможном появлении убийцы-маньяка, призвать к повышенной осторожности. Заодно можно и нужно было рассказать о его приметах и мерах, которые принимаются для его поимки. Начальство пришло в ужас: «Как можно! Что о нас подумают за границей! Такие вещи бываю только у них! Да мы поднимем в городе панику!» Так эта передача и не состоялась.

Между тем именно ввиду отсутствия официальной информации в городе и поднялась паника, тем более что убийства продолжались. Молва почему-то приписала убийце особую ненависть к «женщинам в красном», среди них он якобы и выбирает свои жертвы. Нечего и

говорить, что красную одежду напрочь изгнали из обихода, однако новоявленный Джек-потрошитель не уgomонился, его кровавый счет все возрастал.

Убийства прекратились так же неожиданно, как и начались. И только года через два, когда в Загорском районе убили ехавшую на дачу молодую женщину и местные работники милиции изобличили местного же молодого парня, в чулане у него нашли кольца, часы, цепочки, серьги и браслеты, снятые с так называемых «женщин в красном». В ходе следствия выяснилось, что убийца жил очень нелюдно, ни с кем из москвичей не общался, о панике ничего не знал. Единственным его развлечением был телевизор. Так задним числом выяснилось, что если бы в свое время он увидел передачу о своих «подвигах», то немедленно бы остановился. Так рассказал он сам, это же предсказывали еще до его поимки профессиональные психологи и следователи.

М. Хазин. А что это, собственно, мы с вами все про убийства да про убийства? Ведь тема собеседования у нас сегодня — смертная казнь. А она назначается и за многие другие преступления: хищения в особо крупных размерах, взяточничество при отягчающих обстоятельствах, многие так называемые государственные преступления, хотя именно с этим термином, как очень неточным, я всегда не соглашался. Какое же это государственное преступление — измена Родине, шпионаж, особенно если шпион — иностранец? Если толковать это выражение буквально, получится, что государственное преступление — это преступление государства. Узаконен же сейчас официально термин «государственный терроризм». Это значит — терроризм, осуществляемый не конкретными личностями, а государством или от имени государства.

А. Безуглов. Я вас понял. Очевидно, не случайно мы так долго не вспоминали об этих преступлениях, за которые по закону тоже можно расстрелять. И расстреливали ведь. На мой взгляд, двух точек зрения здесь быть не может, за экономические преступления, то есть хищения и взяточничество, применение смертной казни вообще недопустимо. Слишком несопоставимые вещи — объект посягательства и жизнь виновного. Так что фактически у нас отсутствует здесь предмет для обсуждения. Со шпионажем, изменой Родине и другими преступлениями этого ряда дело обстоит сложнее. Я склоняюсь к мысли, что и за них не следует применять смертную казнь. Если, разумеется, в результате такого преступления, например, диверсионного акта, не последовала гибель людей. В таком случае мы столкнемся с самым настоящим убийством, да еще при особо отягчающих обстоятельствах.

М. Хазин. Наконец-то наступил момент, когда я могу объявить: полностью с вами согласен. А теперь вернемся к убийствам в чистом виде, то есть без политической окраски. Среди противников смертной казни имеет широкое хождение такой аргумент: в судебной практике случаются ошибки, иногда осуждают невиновного и вскрывается это через много лет. Хорошо (хотя, что же здесь хорошего), если человека приговорили к лишению свободы: этих лет, конечно, ему не вернуть, но, во всяком случае, он вернется к семье, получит прежнюю работу, возместят ему и материальный ущерб за все годы. А вдруг невиновного расстреляют? Как тогда исправить ошибку?

А. Безуглов. Абсурдность такого аргумента хорошо видна на примере «из другой оперы»: давайте не будем оперировать язву желуд-

ка, потому что некоторые операции делаются непрофессионально и заканчиваются летальным исходом. Бывает же такое?

Судебных ошибок вообще не должно быть, даже самых «маленьких». Разве допустимо, чтобы по ошибке честного человека упустили за решетку «всего» на год? Да за год может произойти столько трагических событий, что рухнет под откос жизнь не только этого человека, но и его микроокружения: жена найдет себе другого, как поется в известной песне; сын-подросток бросит школу и отобьется от рук; мать-старуха умрет с горя; прахом пойдет изобретение, над которым работал много лет. Это не мои фантазии, все это уже было и в более устрашающих вариантах, и даже меньше чем за год. Поэтому ни малейшего допуска для судебных ошибок мы себе оставлять не должны. И рецепт здесь общий для всех категорий дел: повышение профессионализма судей, адвокатов, прокурорского надзора, отбор на эти должности людей ответственных, принципиальных, обладающих высокими моральными качествами. Неплохо бы психологам и юристам разработать систему тестов для кандидатов на должности следователей, прокуроров, судей. В совокупности с надлежаще поставленной воспитательной работой на всех стадиях учебы и практики будущих юристов, при усовершенствованном учебном процессе сократить число заочников, а «очников» — увеличить, — все это в конечном итоге сведет число судебных ошибок к минимуму. Но мы впадем в идеализм и маниловщину, если осмелимся утверждать, что их вообще не будет.

По делам об убийствах надо поставить двойной и даже тройной заслон. Прежде всего рассмотреть такое дело можно доверить только судье с большим опытом работы в правоохранительных органах. По таким делам надо увеличить число народных заседателей, которые при вынесении приговора должны дважды проголосовать: первый раз по вопросу — виновен ли подсудимый, второй — заслуживает ли смертной казни? Если при обоих голосованиях судья или хотя бы один народный заседатель ответит «нет» — значит, смертный приговор по такому делу вынесен быть не может. Думаю, что эта усложненная процедура буквально искоренит судебные ошибки по делам об убийствах.

ВСТРЕЧА В АОН ПРИ ЦК КПСС

«Перестройка и право» — тема встречи слушателей, преподавателей и научных сотрудников Академии общественных наук при ЦК КПСС с членами редакционной коллегии журнала «Человек и закон», которая состоялась в октябре этого года.

Встречу открыл ректор Академии **Р. Г. Яновский**. О творческих планах коллектива редакции и роли издания в условиях правовой реформы и демократизации общественной жизни рассказал главный редактор журнала **В. М. Сиренно**. Состоялся заинтересованный разговор о проблемах, связанных с совершенствованием советского законодательства, организацией правового всеобуча, перестройкой в правоохранительных органах и судебной реформой. В обсуждении приняли участие министр юстиции РСФСР **В. А. Аболенцев**, заместитель министра внутренних дел СССР **Н. И. Демидов**, секретарь правления Союза писателей РСФСР **В. Д. Поволяев**, начальник отдела правовой пропаганды Министерства юстиции СССР **А. А. Требнов**, заместитель председателя Верховного Суда СССР **А. М. Филатов**, секретарь парткома Академии **Т. М. Шамба**.

ОБСУЖДАЕМ ПРОБЛЕМУ

Статья кандидата юридических наук Э. Тучковой «На повестке дня — пенсионная реформа» вызвала многочисленные отклики читателей. Предлагаем вашему вниманию некоторые из них.

С предложениями Э. Тучковой можно где-то соглашаться, а где-то не соглашаться. Это естественно. Я же хочу обратить внимание вот на что. Трудящиеся старшего поколения, вынесшие все тяготы военного лихолетья и послевоенной разрухи, получают сейчас в основной массе мизерную пенсию, на которую жить стало очень трудно. Многие из них отдали общественному производству сорок и более лет жизни. Перенос срока принятия нового закона о пенсиях еще на 2—3 года — это, мягко говоря, негуманное отношение к ветеранам труда.

Если в настоящее время нельзя применить новый закон о пенсиях полностью, то доплату какого-то процента за каждый отработанный год сверх положенного можно бы ввести и не откладывая. Некоторые предлагают просто механически увеличить минимум пенсии, независимо от стажа работы. Но это будет несправедливо по отношению к ветеранам труда с большим стажем.

В. Быков, г. Иваново

Довольно странное предложение вносит автор статьи: десять процентов надбавки за каждый проработанный год после достижения пенсионного возраста, но не более тридцати процентов. Думаю, что это несправедливо, особенно по отношению к тем, кто проработал у станка 35—40 лет.

Предлагаю такой вариант: пошел человек по возрасту на пенсию, и если он способен дать пользу государству, то пусть и пенсию получает полностью, и зарабатывает столько, сколько сможет, без ограничения. Почему кооператорам можно зарабатывать без ограничения, а рабочему человеку нет?

Мне нужны деньги в реальной жизни, сейчас. Что будет со мной в 63 года, я не знаю. А проработать лишний год на станке, выпущенном 25 лет тому назад и уже списанном с баланса, ох как тяжело.

Я за то, чтобы платить работающему пенсионеру пенсию полностью!

Н. Иванов, г. Вологда

В статье Э. Тучковой предлагается предусмотреть в новом законе десятипроцентную надбавку за год работы после достижения пенсионного возраста. А я предлагаю двенадцатипроцентную надбавку к начисленной пенсии, то есть один процент за проработанный месяц. Таким образом, начисление процентов можно будет производить за фактически проработанное время. Ведь может получиться и так: остался пенсионер работать, проработал 8—10 месяцев и вдруг по какой-то причине дальше работать не смог, и все насмарку, надбавки нет. Думается, это несправедливо.

Г. Ковшиков, г. Горький

ВЕЩАЮЩИЙ

У НАС В ГОСТЯХ ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК «ВETERАН»,

издание Всесоюзной организации ветеранов войны и труда, которая объединяет десятки миллионов людей пожилого возраста, прошедших большой жизненный путь. Советы ветеранов созданы также на местах, они приобретают все больший авторитет не только среди пенсионеров, но и среди всего населения. Благодаря своему еженедельнику ветераны войны, труда и Вооруженных Сил СССР получили возможность более активно участвовать в процессах демократизации, гласности. Этому посвящен наш сегодняшний выпуск.

«ВЕТЕРАН»

Встал на вахту

С главным редактором «Ветерана» Ф. Н. Халтуриним беседует журналист Р. Канушкин.

Корреспондент. Федор Николаевич, еженедельная газета «Ветеран», несмотря на свое столь солидное название, еще очень молода. Однако, насколько мне известно, еженедельник успел привлечь к себе внимание широкого круга читателей, и не только ветеранов войны, труда и Вооруженных Сил, но, что особенно знаменательно, молодежи. Расскажите, пожалуйста, о становлении газеты, о ее первых днях.

Ф. Халтурин. О первых днях... Да, теперь уже можно вспоминать. 1 декабря 1987 года вот в этой комнате нас собралось семь человек.

Корреспондент. Счастливое число!

Ф. Халтурин. Да. Но для счастья, возможно, этого достаточно, а вот для того, чтобы выпустить номер к 26 декабря... Откровенно говоря, мы не очень-то верили, что у нас это получится. Однако получилось. Получилось потому, что эти семеро прошли хорошую школу «Труда» и «Красной звезды», каждый из них имел 30—40-летний журналистский стаж. Люди, как видите, далеко не первой молодости. Но, очевидно, в редакции ветеранской газеты и должны работать ветераны, люди, умудренные политическим, профессиональным, трудовым, нравственным опытом. Конечно, было бы неправильно формировать редакционный коллектив из одних стариков, пенсионеров. Хотя иные товарищи со стороны подталкивали нас к этому. С самого начала в редакцию стали приходить и молодые журналисты, и я рад, что у нас есть комсомольская организация.

Корреспондент. Какие основные задачи стоят перед газетой?

Ф. Халтурин. Главная цель, которую мы ставим перед собой,— помочь обществу активно, целеустремленно, с конкретной пользой для конкретного дела использовать политический, трудовой, идеологический, нравственный потенциал ветеранов войны и труда в интересах перестройки, революционного обновления всех сфер нашей жизни, духовного возрождения, нравственного очищения народа, утверждения демократии и гласности. Это, думаю, главное. Во имя этого мы своими публикациями стремимся возбудить в каждом нашем читателе желание трудиться по мере сил на производстве, в сфере науки, искусства и культуры, на общественном поприще. Воспитываем у наших читателей убежденность в правильности выбранного партией пути, в том, что перестройка сегодня — единственная возможность придать социализму качественно новый облик, выйти на те экономические, социальные, нравственные рубежи, которых достойна Родина Ленина.

Мы стремимся, и будем делать это постоянно, возродить у советских людей присущее им издавна уважение к старости, чувство милосердия, сострадания к людям одиноким, беспомощным, беззащитным. А у самих ветеранов — утверждать чувство собственного достоинства. Ибо кто, как не они, в трагическую пору коллективизации, в суровые и голодные годы первых пятилеток, испытывая на себе тяжелый гнет сталинских репрессий, поднимал нашу державу, подпи-

рал ее своим плечом? Кто, как не они, прошел путь по фронтовым дорогам Великой Отечественной войны, поднимался в смертные атаки, горел в танках, терял боевых друзей, форсировал десятки больших и малых рек, чтобы водрузить над рейхстагом Знамя Победы? Все мы в неоплатном долгу перед старшим поколением нашего народа, преклоняемся перед его высоким ратным и трудовым подвигом, совершенным, повторяю, в условиях авторитарной системы, когда растапывалось достоинство человека, подавлялась личность, насаждалась рабская психология.

Заботиться об этих людях, создавать для них условия, при которых они могут пользоваться всеми льготами, предусмотренными советским законодательством, — нравственный долг нашего общества. Долг каждого из нас. В известном смысле речь идет о действенной социальной защите этой части населения страны от бюрократов, дремучих чиновников, от произвола местных властей. От нашего равнодушия. Судя по письмам, которые приходят в редакцию, многие наши читатели не знают о положенных им льготах и преимуществах или не в состоянии в одиночку справиться с бюрократической волокитой, добиться своих законных прав. Вот почему в каждом номере под рубрикой «Юридическая служба» мы публикуем ответы на вопросы читателей, другие материалы, цель которых — правовое воспитание пенсионеров.

Наконец, перед нашей газетой стоит еще одна задача — воспитание читателей правдой истории. Мы публикуем документы, письма, воспоминания людей трудового и воинского подвига. Печатаем публицистические раздумья писателей, историков, деятелей культуры. Рассказываем правду о тех годах, которые мы раньше старательно покрывали лаком, о тех событиях, о которых умалчивала наша официальная историография. Думаю, эти публикации нужны нашим читателям. Они звучат как исповеди. Они учат мужественно смотреть правде в глаза, предостерегают: люди, делайте все, что в ваших силах, чтобы не повторилось сталинское прошлое!

Особенно это нужно нашей молодежи.

Корреспондент. Очевидно, никто не сомневается в том, что жизненный опыт ветеранов необходим молодежи, что он помогает юношам и девушкам в выборе пути, становлении характера, воспитании чувства ответственности за все, что происходит в стране. Но на практике иной раз случается, что нет должного взаимодействия между молодежными и ветеранскими организациями, что Учитель и Ученик часто не слышат и не понимают друг друга...

Ф. Халтурин. Да, вы правы. Нам нередко приходится сталкиваться с подобными явлениями. Я бы отнес их к числу характерных болезней нашего общества, доставшихся от прошлого. Рассказывая о таких явлениях на страницах газеты, мы стараемся подсказать нашим читателям, особенно руководителям ветеранских и молодежных организаций, что добиться успеха, перелома в воспитании подрастающего поколения они могут, только объединив усилия, действуя рука об руку, в одном строю. Правда, как ни странно, глухим к нашим советам, к голосу разума частенько оказывается Учитель. Вот наглядный пример. В одном из номеров мы напечатали корреспонденцию «Ярославские ребята» — о неформальных объединениях города Ярославля: о панках, металлистах, рокерах, фанатах и им подобных. Наш корреспондент А. Губанов побывал в горьком комсомола, в учебных заведениях, на предприятиях города. Со всеми, с кем он беседовал, находил общий язык, всюду встречал озабоченность по

поводу негативных явлений в среде молодежи. Но вот корреспондент приходит в городской совет ветеранов войны и труда. Идет беседа с председателем совета Г. Рылеевым.

— Фанаты, рокеры, металлисты? — удивленно переспрашивает председатель. — Знать не хотим этих бездельников. Это не наша молодежь!

— Извините, Геннадий Федорович, а чья же?

— Не знаю. Мне вообще по нраву простые, работающие парни, без всяких там причуд и заскоков.

Вот такая позиция.

Кстати, на наше выступление ответил секретарь Ярославского обкома КПСС И. Бардунов. Он сообщил, что корреспонденция рассмотрена в отделах обкома и горкома партии, рассказал о мерах, которые предпринимаются для улучшения работы с молодежью, с учетом ее интересов и запросов. А вот ответа из городского совета ветеранов войны и труда мы так и не дождалась.

Что ж, можно сказать коротко: комментарины излишни? Нет, в том-то и дело, что вовсе не излишни. И здесь, как и во всей нашей жизни, угадываются последствия долголетнего господства командно-административной системы, пришибеевской узости ее установок, взглядов и суждений. Запретить, ограничить, скомандовать, указать — это мы можем. А вот понять, разобраться, помочь, наставить на праведный путь не окриком, не цитатой из учебника политграмоты, а собственной убежденностью — этому нас не учили.

Да, трудно быть Учителем.

Будем помогать нашим читателям быть Учителями. Значит, будем помогать им учиться. В Школе жизни. В ней можно начинать учиться и после семидесяти лет...

А о том, что многим нашим ветеранам нужна такая школа, говорит следующий факт. В марте, вскоре после опубликования в «Советской России» статьи Н. Андреевой, мне довелось присутствовать на одном представительном ветеранском собрании. Каждый раз, когда очередной оратор с одобрением говорил об этой злополучной статье, в зале раздавались бурные аплодисменты. Вот тут, пожалуй, комментарии действительно излишни.

Корреспондент. Ваша газета, вероятно, рассказывает о войнах-интернационалистах, их контактах с советами ветеранов войны и труда?

Ф. Халтурин. Да, мы часто обращаемся к этой теме. Ребята, прошедшие школу Афганистана, получили там крепкую боевую, идейную и нравственную закалку. Сегодня бывшие десантники, мотострелки, автомобилисты, саперы трудятся на производстве, в сельском хозяйстве, учатся в институтах. Многие из них активно участвуют в военно-патриотическом воспитании подрастающего поколения, организуют для этого советы, объединения, клубы.

В этой работе ребята вправе рассчитывать на тесный контакт с ветеранами, на их совет и поддержку, их опыт. В большинстве случаев так оно и есть. Совместная работа дает отрадные плоды. Однако в почте редакции немало писем, которые свидетельствуют: не всегда наши ветераны и войны-интернационалисты находят общий язык. Опять та же проблема... Конфликт поколений? Пожалуй, нет. Скорее всего, сказывается неумение наших ветеранов вести с молодежью диалог, разговор на равных, неумение, а порой и нежелание понять интересы, нужды, запросы современной молодежи, уважать ее самостоятельность, смелость суждений, возросшее чувство достоинства.

Сейчас, мне кажется, нельзя идти к молодежи только с одними воспоминаниями о прошлых подвигах и заслугах, как бы значительны они ни были...

Корреспондент. Сколько писем в месяц получает редакция?

Ф. Халтурин. Примерно четыре-пять тысяч.

Корреспондент. Кто вам пишет?

Ф. Халтурин. Конечно же, ветераны. Они шлют в газету воспоминания о прошлом, в основном, о фронтовых годах. Много поступает жалоб на плохое медицинское и торговое обслуживание, на волокиту с получением квартир, установкой телефонов, на грубость должностных лиц. На это жалуются не только ветераны войны и труда, но и офицеры, только что уволенные из Вооруженных Сил в запас и отставку.

Отрадно, что все больше и больше писем поступает от молодых читателей — рабочих, колхозников, студентов, солдат. Нам охотно пишут школьники. Для них мы завели рубрики «Расскажу о своем дедушке» и «Расскажу о своей бабушке».

Корреспондент. Очевидно, редакция получает немало предложений по улучшению содержания и оформления еженедельника? Ведь газета новая...

Ф. Халтурин. Наш отдел писем постоянно анализирует содержание почты с целью лучшего использования ее на страницах газеты. Так вот, каждое десятое письмо — это совет редакции, предложения, замечания, рекомендации. Многие читательские предложения уже претворены в жизнь. Так, по совету читателей мы ввели рубрики «Рассказываем о зарубежных организациях ветеранов», «Редакция ведет поиск», «Что нас тревожит» и многие другие. Объявили фотоконкурс «Годы и судьбы», в котором, кстати, приглашаем принять участие читателей журнала «Человек и закон». Учредили десять годовых премий за лучшие публикации.

Корреспондент. Современная газета немыслима без острых дискуссий. Очевидно, «Ветеран» тоже печатает такие материалы?

Ф. Халтурин. Непременно. Конечно, у нас пока нет опыта, не хватит еще, как говорится, свой капитал. Но первые шаги сделаны, думается, в верном направлении. Мы даем читателю возможность высказать свою точку зрения на ту или иную проблему. Иногда она не совпадает с точкой зрения редакции, порой вызывает бурный протест других читателей. Такого рода письма печатаются из номера в номер, проблема рассматривается с разных сторон, высвечиваются многие ее грани, читатель размышляет, анализирует, сравнивает различные мнения, делает свои выводы. Иногда, если мы чувствуем, что необходим комментарий, публикуем «Письма из редакции». Подчеркиваю, иногда. Не в каждую дискуссию нужно вмешиваться, читатель сам разберется, что к чему, где истина, а где ее подобие, где позиция, а где поза.

Корреспондент. Несколько слов о будущем газеты...

Ф. Халтурин. Не рано ли об этом говорить? Хотя время сейчас скоротечно, не успеешь оглянуться, как наступит следующий год. А для нас это новые планы, новые читатели, новые подписчики. Если говорить о наших планах, то редакция предполагает занимать более принципиальную, более наступательную позицию в области социальной, правовой защиты людей старшего поколения. Будем решительно поддерживать сторонников перестройки, ее подвижников, тех, кто верит в ее будущее сам и заражает своей верой других. Той ве-

рой, которую утвердила в нашем народе XIX Всесоюзная конференция КПСС.

Будем со всей силой, убедительно и беспощадно вскрывать язвы сталинизма, застойные болезни брежневского времени, чтобы люди — все люди! — навсегда поняли, детям и внукам своим заказали: назад пути нет, другого шанса нам история не отпустит, другой возможности не даст, нынешнее время действительно судьбоносное, переломное, время надежд и действий.

Поздравляю читателей журнала «Человек и закон» с наступающим Новым годом, желаю доброго здоровья, больших и светлых удач в работе, творчестве, учебе.

У еженедельника «Ветеран» — широкий круг авторского актива. Редакция каждый месяц получает более четырех тысяч писем. Они регулярно публикуются на целевой странице под рубрикой «Читатель размышляет, предлагает, полемизирует». Здесь находят свое отражение те настроения, которыми охвачены широкие слои общественности, активно включившейся в перестройку.

КОМУ НАСЛЕДОВАТЬ СБЕРЕЖЕНИЯ

На страницах «Ветерана» все чаще появляются материалы о положении престарелых людей, утративших здоровье, не имеющих детей, внуков или других родственников, которые могли бы заботиться о них. А сколько престарелых немощных людей испытывают на себе неприязнь родных детей, которые не только не заботятся о них, но всячески стремятся заполучить их сбережения!

Рискну высказать, может быть, спорное мнение о том, что имеющиеся у находящихся в домах-интернатах престарелых людей сбережения после их кончины должны поступать в кассу дома-интерната, а не «наследникам», отказавшимся от родителей при их жизни и тем самым лишивших себя морального да и гражданского права на наследство.

Вопрос о наследстве, равно как и вопрос об алиментах с детей, оставивших престарелых родителей на попечение государства, надо решить. И чем скорее, тем лучше.

В. ДЕРИПАСКО,
ветеран труда

ЛЕНИНОГОРСК.
Восточно-Казахстанская область

ЕСТЬ ЛИ ЗАМЕСТИТЕЛЬ У ДЕПУТАТА?

В нашем районе проживает более трех тысяч человек, из них около семисот — пенсионеры. Долгое время мы пользовались услугами магазина № 20 местного горпищеторга. Снабжение здесь было разным, но все-таки необходимый ассортимент товаров был — за три версты за молоком не бегали.

Но вот прошел слух, что магазин собираются закрыть. Жители нашего района написали коллективное письмо в горисполком. Под этим заявлением — подписи четырехсот человек. Реакция была моментальной — магазин закрыли. Пять представителей общественности пошли на прием к председателю горисполкома В. Кучерюку, высказали ему свою обиду. Все-таки избирали-то его на руководящий пост мы, а он принимает решение, не посоветовавшись с людьми. Заодно попросили его прийти на встречу с избирателями вместе с нашим депутатом — начальником жилищно-коммунального хозяйства Новотрубного завода А. Оборотовым. Однако в назначенный день они на встречу не явились. Правда, прислали своих заместителей. Как я понимаю, «замы» и «помы» могут быть только по занимаемым должностям. А вот есть ли заместители и помощники у депутатов? Ответы «заместителей» были путанными, убедить людей в необходимости закрытия магазина они не смогли. Короче: пошумели и разошлись. А помещение магазина тут же передали кооператорам. Не буду называть их цены на продукты. Они не по карману пенсионерам.

Мы живем в такое время, когда слова «все для блага человека» приобрели наконец высокий смысл и воплощаются в конкретные дела. А вот на фоне нашей истории с магазином этого не чувствуется.

М. КОНЬКОВ

г. ПЕРВОУРАЛЬСК,
Свердловская область

С ШАПКОЙ ПО КРУГУ

Недавно умер наш сосед, ветеран Великой Отечественной войны. Родных и близких у него не оказалось, и пришлось нам, соседям, ходить с «шапкой» по квартирам.

Руководители предприятия, где ветеран работал более сорока лет, дирекция жэка участвовать в похоронах отказались. По какому праву мы могли потребовать от них помощи? Поэтому хотелось бы обратиться с таким предложением: пора решить этот вопрос в законодательном порядке. Если у ветеранов нет близких, расходы на похороны должны взять на себя предприятия и организации, где эти люди трудились в последние годы перед уходом на пенсию. Думается, это будет справедливо и, главное, по-человечески!

**И. КОВАЛЕВ,
К. МОРОЗ,
М. КУСТОВ**

г. БРЕСТ

СТЫДНО ПЕРЕД ОТЦОМ

Меня, как и всех, кто живет интересами общества, волнуют вопросы перестройки. Честное слово, жить стало интереснее. Но вот проблема, которая не дает мне покоя. Речь пойдет о моем отце. Папа родился в 1908 году в Кишиневе в очень бедной семье, с 8 лет стал работать на заводе. Был участником бессарабского революционного подполья, подвергался арестам.

Так сложилась его судьба, что с 1934 года он вместе с мамой жил в Москве и в декабре 1937 года был репрессирован. В 1956 году реабилитирован. Через месяц после реабилитации умерла мама. Мы прожили на Севере до 1960 года, затем переехали в Кишинев, на папину родину. В мае отцу исполнилось 80 лет. На пенсию он вышел в возрасте 78 лет!

В письме не расскажешь о том, что порядочнее моего отца я в своей жизни не встречала человека. Папа — моя совесть. Истинный коммунист, хоть и не член партии. Трудовой стаж — 70 лет. А если прибавить 22 года на Севере, которые идут год за два, то посчитайте сами. И не по кабинетам отсиживался, а до последнего трудового дня — у станка. И вот итог: 120 рублей пенсии. Но это не главное, что меня волнует.

В праздничные дни, когда пожилые мужчины выходят из домов с орденами и медалями на груди, мой отец прикрепляет на пиджак единственную медаль «Ветеран труда» и тоже выходит на улицу. Я в такие минуты тихо плачу. Мне его жалко.

Я проработала 30 лет в проектной организации — в тепле, в чистоте, в прекрасном коллективе, и у меня тоже такая же медаль. Мне стыдно перед папой.

Вы спросите: чего я хочу? Подобно участникам войны и персональным пенсионерам, надо бы дать какие-то привилегии и жертвам репрессий. Ведь их осталось так немного.

Л. ЩЕРБАКОВА

г. КИШИНЕВ

БУДЕМ МИЛОСЕРДНЫИ

ГЛУХОТА ПО-ДОМОДЕДОВСКИ

Накануне 70-летия Вооруженных Сил на имя Федотова Павла Васильевича пришла открытка: «Вы, как участник Великой Отечественной войны, для праздничного обслуживания в дни революционных и всенародных праздников прикреплены к магазину № 7 гор. Домодедово. С. Павлихина».

Казалось бы, радоваться полученной весточке: наконец-то уважили... Но жене фронтовика Тамаре Никифоровне было не до радости — муж ее умер пять лет назад...

Тамара Никифоровна сообщила об этом в горисполком и возвратила открытку. Но каково же было ее удивление и возмущение, когда через два с небольшим месяца, ко Дню Победы, открытка снова пришла. Текст и подпись те же, только номер магазина другой.

Кто же такая С. Павлихина? Выясняем: первый заместитель председателя исполкома Домодедовского горсовета. Спрашиваем: как же произошла ошибка?

— Мы подготовили текст, размножили его на ротаторе, — поясняет Серафима Александровна. — Списки составлял горвоенкомат совместно с советом ветеранов войны и труда. Я тут ни при чем...

— Да, признаем свою вину, — сказал председатель городского совета ветеранов войны и труда А. Крехов. — К сожалению, подобных ошибок было много.

Как показали беседы с участниками Великой Отечественной войны, инвалидами войны и ветеранами труда в городе Домодедово, вниманием и заботой они не избалованы.

На заводе «Кондиционер» два года назад комсомольцы затеяли доброе дело. Составили списки ветеранов предприятия, уточнили, кто из них и в какой помощи нуждается. Навестили раз-другой бабушек и дедушек, и на этом энтузиазм иссяк.

Мы встретились с одним из инициаторов доброго почина, комсомольцем Ю. Черкасовым, прямо в цехе, на его рабочем месте.

— Юрий, нам сказали, что вы обязались оказывать помощь Марии Васильевне Зильман. Давно ли Вы были у нее?

Парень смутился.

— Давно, в прошлом году. Месяц? Не помню...

— А как ее здоровье сейчас?

— Вроде бы лежит в больнице...

Пришлось сказать Юрию, что Мария Васильевна умерла почти год назад.

Беседа с секретарем комитета ВЛКСМ завода Аллой Батиной ничего не дала. О нуждах заводских ветеранов представления не имеет. Пожимает плечами...

На улице Новомосковской живет бывшая медицинская сестра Валентина Панфиловна Овчинникова. Мы с волнением слушали ее рассказ о далеких фронтовых годах:

— Как-то в наш госпиталь привезли раненого, обожженного тан-

киста. Срочно понадобилась кровь для переливания. Нужная группа крови была только у меня.

— Берите, доктор, сколько нужно,— сказала я.— Взяли кровь, перелили раненому. А вскоре вновь понадобилась танкисту моя кровь. Когда же младший лейтенант Василий Ромашин уезжал из госпиталя, он назвал меня сестренкой.— Век не забуду,— говорит,— тебя, Валя, ты дала мне вторую жизнь.

Он и по сей день не забывает Валентину Панфиловну. А вот коллектив завода стройматериалов и конструкций, где Овчинникова работала в последние годы, не интересуется, как ветеран войны живет, в чем нуждается. А разве мало проблем у старой женщины? К примеру, наступила зима, а топлива нет. Дрова Овчинниковой поручили завезти бывшему секретарю комитета комсомола завода А. Трофимову. Однако он не выполнил задания.

Узнали мы также о бедах инвалида Отечественной войны второй группы, бывшего зенитчика, Ф. Задираки. Он тоже живет один. Плохо видит, беспокоит астма, болят ноги. Ветеран жалуется на невнимание некоторых медицинских работников.

— Однажды,— рассказывает он,— мне стало плохо. Глянул на градусник — 39,5. Еле дозвонился в «скорую помощь».

Ответили: «Ждите, приедем».

Шли часы, а «скорой» все нет. Наконец приехали парень и девушка, видимо, студенты-практиканты. Сделали укол и укатали, ничего не сказав. Спустя часа два он потерял сознание. Очнулся — темная ночь. Позвонил. Из «скорой» ответили: «Не приедем! Мы уже у тебя были». На другой день ему совсем стало плохо. Попросил соседку, та несколько раз звонила. Приехали и увезли в больницу. А там не принимают — нет направления. Потом все же разобрались, положили в палату. Находился там десять дней. Просил заместителя главного врача больницы по экспертизе Г. Королеву направить его в госпиталь.

— Направления не дам,— ответила она.— Там ты уже был...

Участковый врач О. Шелтунова подтвердила, что Ф. Задирака не был в госпитале. Но Г. Королева стояла на своем.

Федор Наумович написал жалобу в горисполком. Л. Ковалевский, заместитель председателя горисполкома, не думая долго, направил ее тем, на кого жаловался инвалид: главному врачу больницы Н. Капленкову и Г. Королевой. В результате вместо помощи — склока. Задираке стало хуже. Обратился опять к Королевой. Та мимоходом бросила: «Вам уже ничего не надо».

Человек не спит, мучается. Приготовить пищу себе не может, выйдет на улицу — падает...

Вот так. «Никому не нужен». Страшные слова.

Поднимаемся на третий этаж дома № 1 по улице Овражной. Дверь открывает женщина на костылях — Тарасова Любовь Егоровна. Последние шестнадцать лет работала на автозаводе имени Лихачева. Была водителем электрокара в транспортном цехе. Хорошо зарабатывала, ее труд отмечался не раз. Но вот стала инвалидом труда первой группы и почуствовала — никому больше не нужна.

— Обращусь на завод, пришлют рублей двадцать,— говорит Тарасова.— А если молчу, никто не вспомнит...

Связь с внешним миром у нее только с балкона. Справа — песчаный карьер, слева — голубятня, сельский домик, прямо — небольшой овраг. А на балконе — деревянный ящик с землей, лук там растет. Это ее грядки.

Речь заходит о сыне. Сколько бессонных ночей провела она у его кровати — родился слабенький, часто болел.

— Как ни трудно было, но я все же выходила Сашу. Окончил школу. Устроила его на свой завод. Работает, женился. Сейчас у него три дочки и сын.

— Он вам помогает?

— Что вы! Даже не заходит. И детям не разрешает. Сегодня утром открыла банку консервов, поела. Хотелось бы сварить чего-нибудь, но... в магазин ходить некому.

Вот такая ситуация. Без посторонней помощи Любовь Егоровна не может спуститься с третьего этажа. И так уже около четырех лет.

— Помню, в октябрьский праздник,— говорит она,— ко мне заглянул сын. «Эх, мать, сегодня ведь такой день, такой день»... Ходил охал, ахал, делал намеки... Я все поняла, дала ему четвертной. Не успела оглянуться, его и след простыл. А много ли сама получаю?

Кстати сказать, Александр Викторович два раза в день проходит мимо дверей квартиры матери, живущей ниже его двумя этажами. Проходит, как видно, не терзаясь угрызениями совести.

Нам захотелось посмотреть на сына Тарасовой. На другой день зашли к нему на квартиру. Крепок, широкоплеч, лет около сорока. Работает слесарем. По характеру разговорчив и весел. На столе — бутылка. Тут же дружок его.

— Сегодня у меня выходной, имею право...

Узнав, зачем пожаловали, потускнел лицом.

— Почему у меня и моей семьи не сложились отношения с матерью? — переспросил он. — Видите ли, она мало уделяла мне внимания в детстве...

— Почему же вы не пускаете к бабушке детей?

— Нечего им там делать.

Александр Викторович переводит разговор на другую тему...

Мы посетили более десятка одиноких людей, инвалидов войны и труда, солдатских вдов. Сколько же выплеснулось наружу горя и обид!

Мы погрешили бы против истины, если бы сказали, что местные власти совсем не заботятся о них. Председатель исполкома горсовета Николай Васильевич Зерков перечислил ряд мероприятий, проведенных за последнее время. Состоялось заседание исполкома. Организован рейд по выявлению престарелых. По их просьбе производится обмен квартир, устанавливаются телефоны. Организуется патронажная служба.

— Но,— заметил он,— есть у нас и нерешенные вопросы.

Да, есть и немало. Особенно острые нарекания мы слышали в адрес некоторых медицинских работников города. Скажем, понадобились Л. Е. Тарасовой очки. Обратилась к окулисту. Тот не может приехать к ней — нет машины. Тарасовой нужна мотоколяска для передвижения. Чтобы приобрести ее, надо представить справки от медицинских учреждений. Специалисты должны побывать у нее на квартире, обследовать и дать свое заключение. Некоторые врачи это уже сделали. Других она ждет год...

Заполнила посылочный лист. Направила Г. Королевой. Она адресует ее к В. Шевцову. А тот опять к Г. Королевой. Замкнутый круг. Любовь Егоровна снова обращается по телефону к Королевой, а та в ответ: «Больше не звоните. Принесут бумагу — подпишу».

Кстати, о Галине Николаевне Королевой. На нее жалуются и другие инвалиды: груба, бестактна.

Немало нареканий слышали мы в адрес работников жилотдела горисполкома. Вот Вера Николаевна Медведева, инвалид войны второй группы. Живет одна. Краны на кухне и в ванной затянuty веревкой. Обращалась к слесарям — нет кранов. Квартира требует ремонта. Ходила в горисполком — не помогли. Сосед по квартире часто выпивает. Выпьет, начнет куражиться, спасу от него нет. Оскорбляет, скандалит. Не раз задерживала его милиция, штрафовала — все нипочем.

В. Медведева просила работников исполкома предоставить ей однокомнатную квартиру. Основания у нее для этого есть. Читаем справку, подписанную главным врачом Домодедовского психоневрологического диспансера Элькиной и лечащим врачом Садбековой на имя председателя жилотдела горисполкома: «Дана Медведевой В. Н. ...в том, что она в соответствии со списком заболеваний... пользуется правом на первоочередное получение жилплощади... Заболевание, которым страдает больная, отнесено к исключаяющим возможность совместного проживания и дает право на дополнительную жилплощадь в виде отдельной квартиры».

Справка эта выдана пять лет назад... До сих пор ничего не изменилось. Не раз писала, жаловалась, ходила в горисполком, но попасть на прием к председателю так и не удалось. По льготной очереди на отдельную квартиру она числится 40-й, а по общей — 127-й. За пять лет очередь не продвинулась.

Замааскировать прорехи, прикрыть незнание и равнодушие громкой фразой — это стремление мы уловили в поведении отдельных должностных лиц города. К ним, например, относится начальник отдела горсобеса Г. Драголенко. В беседе с нами он нарисовал такую розовую картину, впору чуть ли не опыт изучать. На деле же оказалось, что в горсобесе список ветеранов-одиночек составлялся два года назад. Значатся в этом списке и те ветераны, которых уже нет в живых. До сих пор в горсобесе не знают, сколько в городе престарелых граждан, нуждающихся в помощи. Г. Драголенко назвал цифру: 77, около 50 в городе, остальные — в сельской местности. В одном из решений горисполкома значится другая цифра: около 200 человек. А в городском совете ветеранов войны и труда числится 97 человек. Каким же данным верить?

Г. Драголенко подробно рассказывал нам о том, что списки ветеранов направлены в райпотребсоюз, горно, комбинат бытового обслуживания, больницу. Общепит доставляет им горячие обеды на дом... Все это слова, слова, слова... Не более.

**П. ВАСИЛЬЕВ,
Ф. КРЮЧКОВ,
корреспонденты «ВETERАНА»**

г. ДОМОДЕДОВО,
Московская область

УТВЕРЖДАТЬ ПРАВООПОРЯДОК В ВООРУЖЕННЫХ СИЛАХ

В декабре 1988 года исполняется 70 лет со времени образования военно-судебных органов в нашей стране — военных трибуналов, действующих в Вооруженных Силах СССР. Их путь неотделим от жизни и судьбы нашей страны. На всех этапах — в годы вооруженной борьбы с врагами Советского государства, в период гражданской и Великой Отечественной войн и в мирное время — военные трибуналы способствовали укреплению законности, поддержанию в армии и на флоте крепкой воинской дисциплины и установленного порядка несения военной службы.

Сегодня наш собеседник — начальник Управления военных трибуналов Министерства юстиции СССР, генерал-майор юстиции А. И. МУРАНОВ.

— Расскажите, пожалуйста, о сегодняшнем дне военных трибуналов, об их работе в нашу перестроечную пору.

— На XIX Всесоюзной партийной конференции принято, как вы знаете, решение о правовой реформе. Составной ее частью является судебная реформа. Речь идет о существенном повышении качества отправления правосудия.

Военные трибуналы составляют неотъемлемую часть общей судебной системы в стране, действуют в специфических условиях. Их сфера — Вооруженные Силы. Они рассматривают в основном дела о преступлениях, совершенных военнослужащими. Оздоровление нравственного климата в обществе за годы перестройки, безусловно, коснулось и Вооруженных Сил. Так, по сравнению с 1985 годом судимость военнослужащих сократилась более чем на четверть. Меньше стало тяжких преступлений, разного рода правонарушений, совершенных на почве пьянства.

Но было бы неправильным не видеть и негативных явлений. Нередки еще преступные проявления по корыстным мотивам (четвертая часть всех правонарушений), автотранспортные преступления, уклонения от военной службы, нарушение уставных правил взаимоотношений между военнослужащими и другие. Военные трибуналы призваны вести с ними решительную борьбу.

— До сих пор бытует мнение: военные трибуналы наказывают куда строже, нежели общие суды. Так ли это?

— В корне неверное представление! Военные трибуналы применяют то же законодательство и руководствуются теми же принци-

пам правосудия, что и общие суды. Суд должен решить, виновен или невиновен человек в совершении преступления. Невинoven — оправдать. Кстати, за год трибуналами оправдано 72 человека. Конечно, не может быть никаких послаблений в отношении лиц, совершивших тяжкие преступления. К ним применяются строгие меры наказания, в том числе и связанные с изоляцией от общества.

Возьмем случай, когда военнослужащие срочной службы Ягмуржи и Манцев пытались в аэропорту города Уфы совершить угон самолета. Погибли четыре человека. В ходе операции против преступников Манцев был убит. Военным трибуналом Приволжского военного округа Ягмуржи приговорен к исключительной мере наказания.

Думается, в отношении наказания таких преступников двух мнений быть не может.

В то же время военные трибуналы широко применяют меры наказания, не связанные с лишением свободы, к лицам, впервые совершившим преступления, не представляющие большой общественной опасности. Около половины общего числа осужденных направляются в дисциплинарные батальоны, предназначенные для исправления и перевоспитания их в условиях военной службы. Жизнь показывает, что это очень эффективная мера наказания. Отбыв наказание, такие лица считаются несудимыми.

В армию нередко приходят служить молодые люди, у которых порой нет еще твердых жизненных установок. И потому важно особенно внимательно подойти к судьбе таких юношей, если они оступились, совершив правонарушение, предоставить им возможность исправиться. Именно в таком направлении стремятся строить свою работу военные трибуналы.

Приведу такой пример. Рядовой Остапенко осужден по пункту «б» статьи 251¹ УК РСФСР за нарушение правил обращения с оружием, повлекшее тяжкие последствия. Остапенко в целях предотвращения утраты оставленного рядовым Салахутдиновым без присмотра автомата решил положить его в танк. Однако при опускании оружия в люк нажал по неосторожности на спусковой крючок — Салахутдинов был смертельно ранен...

Как видим, последствия действий Остапенко очень серьезные. Погиб человек. Вместе с тем военный трибунал установил, что по вине потерпевшего автомат не был поставлен на предохранитель. Остапенко же хотел помочь сослуживцу. По службе он характеризовался положительно, искренне раскаялся в содеянном. С учетом этих обстоятельств, характера вины суд назначил осужденному наказание в виде двух лет лишения свободы с отсрочкой исполнения приговора, предоставив ему возможность искупить свою вину и оправдать оказанное доверие безупречным поведением и службой в том же воинском коллективе.

Остапенко сдержал свое слово и по окончании срока отсрочки освобожден от отбывания наказания.

— Однако известно, что военные трибуналы, если брать историю их деятельности, далеко не всегда объективно подходили к решению вопросов о судьбах людей. Взять хотя бы тридцатые годы, период массовых репрессий...

— Я уже говорил и должен буду подчеркнуть это: главной задачей военных трибуналов всегда была борьба с правонарушениями в Вооруженных Силах, укрепление в них воинской дисциплины и порядка. Они проводили в этом направлении большую положитель-

ную работу. И применяли к военнослужащим, совершающим воинские и общеуголовные преступления, те меры принуждения, которые предусмотрены законом.

Однако было бы неправильно не видеть и другого. В тридцатые годы, в условиях разраставшегося культа личности Сталина, под влиянием его теории обострения классовой борьбы внутри страны приняли характер массовых репрессий меры против «врагов народа». В основном они осуществлялись внесудебными органами (особое совещание при НКВД, «чрезвычайные тройки» в областях).

В то же время часть дел о так называемых контрреволюционных преступлениях передавалась и в военные трибуналы. Многие из них были сфальсифицированы органами следствия путем применения незаконных методов, угроз и физического насилия над обвиняемыми. Под влиянием этих незаконных мер они, как правило, признавали свою вину, в том числе впоследствии и в суде, умалчивая о фактах насилия из опасения ухудшить свое положение.

В обстановке массового произвола, когда борьба с «врагами народа» освящалась именем партии, Сталина, не у всех судей хватало мужества противостоять давлению органов НКВД. Военные трибуналы нередко по таким делам выносили необоснованные обвинительные приговоры. Сказывались и условия существенного сокращения процессуальных гарантий правосудия (дела рассматривались без участия защитника, кассационное обжалование приговора не допускалось, и др.).

Означает ли это, что военные трибуналы во всех случаях шли на поводу у следственных органов? Немало судей не мирились с нарушениями законности, направляли дела на дополнительное расследование, выносили оправдательные приговоры. Однако для многих военных судей такая принципиальность имела серьезные, зачастую трагические последствия. Жертвами репрессий стали, например, такие руководители военно-судебных органов, как К. Х. Данишевский, В. А. Трифонов, Н. Ф. Бушуев, Л. Я. Плавнек и другие. Так, Леонард Янович Плавнек, будучи председателем трибунала Московского военного округа, в 1937 году решительно выступил против нарушений законности и необоснованных арестов органами НКВД многих военных руководителей. Это послужило поводом к его аресту и последующему расстрелу как участника не существовавшего на самом деле контрреволюционного военного заговора. Л. Я. Плавнек реабилитирован посмертно после XX съезда КПСС.

Надо сказать, что военными трибуналами проделана большая работа по реабилитации необоснованно репрессированных в годы культа личности советских людей. Она продолжается и в настоящее время.

— Вернемся к нашим дням. Среди негативных явлений, которые сейчас наблюдаются в армии, вы назвали нарушение уставных правил взаимоотношений между военнослужащими — так называемую «дедовщину». В последнее время об этом много говорится в печати. Появилось даже художественное произведение — повесть Ю. Полякова «100 дней до приказа». Чем, на ваш взгляд, объясняется живучесть столь уродливого явления? Какова роль военных трибуналов в его преодолении?

— Проблема преодоления так называемой «дедовщины» пока еще продолжает оставаться острой, хотя в последнее время борьба с неуставными отношениями между военнослужащими со стороны

командования, политорганов, военных юристов значительно активизировалась. Идет процесс изменения нравственного климата в воинских коллективах. Но, как говорится, болезнь зашла вглубь. Потребуются время и настойчивая работа по избавлению от нее.

В 70-е годы, когда участились случаи оскорбления молодых солдат старослужащими (а в этом главная суть «дедовщины»), опасность этого явления недооценивалась. Гласности такие факты не всегда предавались, а виновные порой оставались безнаказанными.

Подобные негативные проявления учащались. 15 декабря 1983 года в Закон об уголовной ответственности за воинские преступления была включена специальная статья, предусматривающая ответственность за нарушение уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности.

В чем живучесть этого, прямо скажем, позорного явления, в принципе чуждого нашей армии? Ответить однозначно трудно. Здесь действует комплекс факторов. Как показывают материалы уголовных дел, истоки его часто даже вне армии. По результатам социологического исследования в одном из округов, каждый третий из числа опрошенных военнослужащих срочной службы еще до армии сталкивался с проявлениями культа сильного в коллективах в период учебы или работы. Наблюдаются такие явления, например, в профессионально-технических училищах. Характерно, что треть осужденных за неуставные взаимоотношения солдат и сержантов училась до призыва в профтехучилищах, каждый четвертый воспитывался в неблагоприятной семейной обстановке. Я хочу сказать, что нередко юноши приходят в армию уже с неверными жизненными понятиями и установками о правилах человеческого общения. Если же это наслаивается на традиции «дедовщины», бытующие, к сожалению, в отдельных частях (в силу слабой воспитательной работы, равнодушия общественности, отсутствия надлежащего уставного порядка, заботы о быте и досуге воинов, других недостатков), то это способствует неуставным проявлениям, перерастающим порой в преступления, за которые приходится предавать суду военного трибунала.

— Приведите, пожалуйста, пример, являющийся типичным для данной категории дел.

— Военный трибунал рассмотрел дело по обвинению рядового Шабалкина в избиении молодых солдат. В судебном заседании установлено, что Шабалкин до призыва в армию учился в профтехучилище, где царил культ подчинения сильному, с 14 лет начал курить, употреблял спиртные напитки, должного надзора за ним со стороны родителей не было. В воинской части, куда Шабалкина направили служить после призыва, он подвергался унижениям со стороны солдат второго года службы, но отпора обидчикам не давал и командованию не докладывал, считая это «традицией».

На втором году службы Шабалкин стал уже сам подчинять молодых воинов своему влиянию, избивал их, желая «отыграться» на них за унижения, которые пришлось перенести на первом году службы. Активной борьбы с неуставными взаимоотношениями в части не велось. Отдельные факты грубости Шабалкина по отношению к сослуживцам становились известными командирам, но действенных мер к нему тем не менее не принималось. Все это в конечном счете и привело Шабалкина на скамью подсудимых.

Суд реагировал на недостатки в воспитательной работе в части вынесенным частным определением.

Для судей военных трибуналов участие в проводимой сейчас большой работе по искоренению неуставных отношений между военнослужащими — одно из важных направлений их деятельности. Исползуется весь арсенал имеющихся в их распоряжении средств: открытые судебные процессы, информирование командования о предпосылках правонарушений, активное участие в правовоспитательной работе.

Причем военные юристы не ограничиваются беседами с воинами, а стараются разнообразить формы пропагандистской работы, добиваясь большей доходчивости, с тем чтобы оставить глубокий след в сознании людей. Судьи участвуют в социологических исследованиях, в дискуссиях, создании документальных фильмов, в кино-лекционных и тематических вечерах, выступают по телевидению и радио.

Член военного трибунала Ю. А. Козлов после судебного разбирательства дела Талиева и других, осужденных за издевательство над сослуживцами, подготовил совместно с политработниками телепередачу «Комментарий после приговора». Судья рассказал о причинах такого рода правонарушений, в том числе и данного случая, об ответственности за них, прокомментировал снятые на видеопленку отдельные эпизоды состоявшегося судебного процесса, а также разъяснил существо приговора. Передача транслировалась по телевидению во всех частях соединения и с большим интересом была воспринята военнослужащими.

В одной из воинских частей состоялась дискуссия по поводу неуставных взаимоотношений. Военный судья А. В. Воронов принял активное участие в ее организации и проведении. Были приглашены военнослужащие, замеченные в такого рода нарушениях, потерпевшие, члены групп противодействия неуставным проявлениям, которые сейчас создаются в частях, командиры, политработники, члены правового актива. Нарушители подверглись суровому осуждению. Демонстрировались короткометражные кинофильмы о дружбе и товариществе: «Такой же, как я», «Отставший от строя». Прослушаны записанные на магнитную ленту показания в суде рядового Абденова, осужденного за нарушение уставных правил взаимоотношений. Все это имело большое воспитательное значение.

Есть уверенность, что совместные энергичные, целенаправленные усилия командования, политорганов, партийных и комсомольских организаций, всей армейской общественности, органов военной юстиции, в том числе военных трибуналов, приведут в конечном счете к положительным результатам и «дедовщина» в армии будет изжита.

— Одно из направлений судебной реформы — неуклонное проведение в деятельности судов принципа гласности. Как проявляется это в работе военных трибуналов?

— Все судебные дела рассматриваются трибуналами в открытых судебных заседаниях, за исключением случаев, предусмотренных законом (необходимость охраны государственной тайны, половые преступления и некоторые другие). На таких заседаниях могут присутствовать не только военнослужащие, но и другие граждане.

Значительное количество судебных дел (более половины) рассматриваются непосредственно в расположении воинских частей, в присутствии личного состава. Для любого воинского коллектива правонарушение, которое совершил их товарищ, — происшествие. И если уж не удалось его предупредить, нужно каждому — от командира до рядового — извлечь урок на будущее. Таким средством правового воспитания воинов и являются открытые судебные процес-

сы в частях, а также публикации в печати, объявление приговоров военных трибуналов в приказах командования, беседы...

— Иногда такие судебные процессы называются показательными. Вероятно, имеют в виду строгое наказание виновных в присутствии их товарищей по службе. Как говорится, «чтоб другим неповадно было».

— Советский суд не судилище. Это в равной степени относится и к военному трибуналу. Он осуществляет правосудие, «правый суд», суд по закону.

Судебный процесс можно назвать «показательным» в смысле наглядной демонстрации торжества законности, справедливости, публичного обличения антиобщественных проявлений и неотвратимости ответственности за совершенное преступление, если оно доказано.

— Общество заинтересовано в том, чтобы прежде всего предупредить правонарушения. Привлечение к уголовной ответственности — это крайняя мера. Мы знаем о той большой предупредительной работе, которую проводят судьи военных трибуналов. Очень хотелось бы услышать и об этом.

— Главное содержание такой работы — формирование в правосознании военнослужащих устойчивого представления о недопустимости даже незначительных отступлений от требований законов и воинских уставов, вредных последствиях для дела боеготовности любых правонарушений и неотвратимости ответственности, устранение причин и условий, порождающих правонарушения.

Судьи военных трибуналов принимают самое активное участие в правовоспитательной работе. Частично я уже говорил об этом применительно к предупреждению неуставных проявлений. После введения в 1987 году «Правового минимума офицера» судьи оказывают более предметную помощь командованию и политорганам в улучшении правовой учебы офицерского состава.

В соответствии с решениями XIX партийной конференции в Вооруженных Силах развернута большая работа по организации правового всеобуча всех категорий военнослужащих.

Что же касается конкретно военных юристов, то мы должны перестроить свою работу так, чтобы она основывалась на неукоснительном соблюдении требований законодательства и максимально способствовала укреплению законности и правосудия в Вооруженных Силах.

ЮРИДИЧЕСКИЙ ВСЕОБУЧ ОПЫТ. ПРОБЛЕМЫ

● Вам нужен адвокат. Во сколько обойдется его услуга? Об этом вы узнаете из материала, помещенного под рубрикой «Новое в законодательстве».

● Обязан ли руководитель учиться? На этот вопрос отвечает юрист С. ГОЛОВИНА.

● Супруги Гражданкины решили заблаговременно позаботиться о будущем своей маленькой дочки. Как это сделать, вы узнаете из «Семейной хроники».

ОПЛАТА ТРУДА АДВОКАТОВ

Система оплаты труда адвокатов не менялась почти пятьдесят лет. Инструкция об оплате юридической помощи, оказываемой ими гражданам и организациям, не только значительно устарела, но и не стимулировала качественный, добросовестный труд. От этого прежде всего страдали обращающиеся за правовой помощью.

Достаточно сказать, что за составление сложных юридических документов (исковых заявлений, ходатайств о помиловании, заявлений в административные органы) размер оплаты не превышал 2 рублей, за ведение адвокатом гражданского дела взималась плата в основном от 5 до 20 рублей и т. п. Подобные ставки привели к тому, что многие адвокаты перестали составлять сложные правовые документы, лишь 5 процентов гражданских дел рассматривалось в судах первой инстанции с участием адвокатов.

Не лучше обстояло дело с оплатой и по уголовным делам.

Получение же адвокатом денег сверх установленной таксы не только строго каралось президиумом коллегии, вплоть до исключения из адвокатуры, но и преследовалось в уголовном порядке.

Несовершенство оплаты труда адвокатов остро критиковалось в печати, по радио, телевидению и на различных совещаниях.

Со всей остротой вопрос о необходимости ее коренного изменения встал в связи с проведением правовой реформы, которая включает и совершенствование деятельности адвокатуры.

21 июля 1988 года министр юстиции СССР в соответствии с Законом об адвокатуре в СССР утвердил новую инструкцию «Об оплате юридической помощи, оказываемой адвокатами гражданам, предприятиям, учреждениям, организациям и кооперативам», которая вступила в действие с 1 сентября 1988 года.

В процессе подготовки Инструкции изучались все имеющиеся по этому вопросу нормативные документы, зарубежный опыт, мнения граждан и организаций, обращающихся за юридической помощью.

Проект обсуждался в коллективах коллегий адвокатов. Все это дало возможность обобщить многолетнюю практику и выбрать оптимальный вариант оплаты труда адвокатов.

В чем же основные особенности новой Инструкции?

Во-первых, она предусматривает, что в отдельных случаях, при выполнении сложного поручения, с учетом квалификации адвоката, а также когда гражданин или организация просят выделить им конкретного адвоката, оплата может устанавливаться по соглашению между заведующим юридической консультацией (с участием адвоката) и обратившимся за помощью в размерах, превышающих ставки, предусмотренные Инструкцией. Это значит, что обратившемуся за юридической помощью предоставляется право либо выбрать персонального адвоката за особую плату, либо воспользоваться квалифицированным адвокатом, выделенным заведующим, за ту плату, которая предусмотрена Инструкцией.

Во-вторых, Инструкция значительно повышает ответственность заведующего юридической консультацией в определении размера гонорара за выполняемую работу и ответственность самого адвоката за качество работы. В случае недобросовестного выполнения профессиональных обязанностей президиум коллегии вправе удерживать с адвоката полностью или частично гонорар, внесенный в юридическую консультацию, для возврата его обратившемуся за правовой помощью.

В-третьих, для упрощения расчетов и более правильной оценки труда адвоката Инструкция устанавливает размер оплаты за день участия его в качестве защитника или представителя на предварительном следствии и в суде первой инстанции. При этом по обычным уголовным делам плата взимается до 20 рублей в день, а по сложным — до 25 рублей.

За ведение адвокатом гражданских дел в суде первой инстанции установлена плата до 30 рублей, а по сложным делам — до 60 рублей. Если процесс длится свыше одного дня, дополнительно взимается до 20 рублей за каждый последующий день.

Несколько ранее Министерством юстиции СССР давались разъяснения о том, какие дела считаются особо сложными. К ним относятся уголовные дела, рассматриваемые по первой инстанции Верховным Судом СССР, Верховными Судами союзных и автономных республик, краевыми или областными судами. К этой категории относятся также дела, по которым суду предана группа (не менее пяти подсудимых), обвиняемая в совершении нескольких преступлений или особо тяжкого преступления, и многоэпизодные дела, по которым подлежит изучению сложный и объемный материал: акты документальных ревизий, заключения экспертов, ведомственные инструкции и др.

Особо сложными гражданскими делами считаются дела с ценой иска свыше 1 000 рублей; дела, по которым в одном производстве соединено несколько исковых требований или участвуют в деле третьи лица, а также когда в связи с данным делом необходимо изучение материалов ревизии, экспертизы или другого дела (уголовного, гражданского, административного) либо когда необходима продолжительная и сложная подготовка к ведению дела (собираение доказательств, изучение специальных материалов и т. п.).

Все указанные уголовные и гражданские дела оплачиваются по новой Инструкции в размерах, устанавливаемых по соглашению сторон.

В целях расширения объема и повышения качества юридической помощи, оказываемой адвокатом по ведению гражданских дел, предусматривается вознаграждение (до 50% основной суммы, подлежащей оплате за ведение дела в суде) за подготовку к ведению дела. За доклад исковых материалов или представление объяснений по иску на личном приеме у судьи взимается плата до 15 рублей. Это будет способствовать тому, чтобы сам адвокат был заинтересован в надлежащей подготовке гражданского дела к слушанию в судебном заседании, и значительно сократит сроки рассмотрения дела по существу.

Инструкция предоставляет обратившемуся за юридической помощью право пользоваться новыми услугами: заключать договоры на индивидуальное обслуживание, вызывать адвоката на дом.

По-новому решается вопрос и об оплате юридической помощи, оказываемой адвокатами предприятиям и организациям. Раньше

размер оплаты за месяц работы не мог превышать 50 процентов должностного оклада юристконсультов, состоящих в штате аналогичных по объему и роду деятельности предприятий, и на практике составлял 50 рублей (адвокат после отчислений получал около 30 рублей), поэтому многие адвокаты отказывались от такой работы. Теперь размер оплаты устанавливается по соглашению сторон. За выполнение разовых поручений администрации предприятия или организации оплата производится применительно к размерам, установленным для граждан.

За выполнение поручений кооперативов оплата производится по соглашению сторон.

Инструкция несколько повышает оплату за составление документов и дачу консультаций. Так, за консультацию (совет) по правовым вопросам может взиматься плата в размере до 5 рублей; за составление исковых заявлений, ходатайств о помиловании, заявлений в органы управления и других правовых документов — до 10 рублей (при сложности документа — до 15 рублей); за составление запросов о выдаче справок, характеристик и т. п. — до 2 рублей; за составление жалоб на постановление административных органов о наложении взысканий — до 25 рублей; за вызов адвоката на дом (без учета транспортных расходов) и за посещение лиц, содержащихся в местах лишения свободы, — до 15 рублей.

Новая Инструкция полностью сохраняет предусмотренные Законом об адвокатуре в СССР случаи, когда юридическая помощь оказывается гражданам бесплатно.

В частности, коллеги адвокаты оказывают бесплатно юридическую помощь истцам в судах первой инстанции при ведении дел о взыскании алиментов и трудовых дел; по искам колхозников к колхозам об оплате труда; о возмещении вреда, причиненного увечьем или иным повреждением здоровья, связанным с работой; о возмещении вреда, причиненного смертью кормильца, наступившей в связи с работой; а также гражданам при составлении заявлений о назначении пенсий и пособий.

Юридическая помощь оказывается бесплатно депутатам Советов народных депутатов при даче консультаций по вопросам законодательства, связанным с осуществлением ими депутатских полномочий; членам товарищеских судов и добровольных народных дружин по охране общественного порядка при даче консультаций по законодательству в связи с их общественной деятельностью и в других случаях, предусмотренных законодательством.

Кроме того, заведующий юридической консультацией, президиум коллегии адвокатов, а также орган предварительного следствия, прокурор и суд, в производстве которых находится дело, вправе, исходя из имущественного положения гражданина, освободить его полностью или частично от оплаты юридической помощи.

Таким образом, помощь адвокатов по-прежнему доступна широкому кругу граждан.

Изменение порядка оплаты труда адвокатов — лишь часть большой работы, связанной с изменением организационных форм деятельности адвокатуры, повышением ее авторитета и престижа.

Конечная цель этой работы — усиление правовой защищенности каждого советского гражданина.

И. СУХАРЕВ,
главный консультант отдела адвокатуры
Министерства юстиции СССР

РУКОВОДИТЕЛЮ О ЗАКОНЕ

ПОВЫШЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИИ

Машиностроительному заводу спустили план — 158 руководящих работников всех уровней управления должны в течение года пройти курсы повышения квалификации с отрывом и без отрыва от работы. Перед администрацией завода встал вопрос: кого направить на обучение?

Начальник планово-финансового отдела Склярова заявила, что она несколько лет назад уже повышала квалификацию. Поэтому учиться больше не будет.

Мастер инструментального цеха Гусев отказался посещать курсы, мотивируя это тем, что повышение квалификации не входит в его должностные обязанности.

Начальник литейного цеха Кравцов утверждал, что не может оставить цех на три месяца «без присмотра».

Еще ряд руководителей не желали повышать квалификацию с отрывом от производства, полагая, что зарплата на период обучения сохраняется не полностью.

Кроме того, многие считали, что обучение не дает практических результатов — ни в плане получения новых знаний, ни в плане продвижения по служебной лестнице.

Действительно, за последние годы в системе повышения квалификации накопилось множество проблем. Это и несоответствие учебных планов и программ современным требованиям обучения, и перегрузка их вопросами общего характера, и низкое качество преподавания, и систематическое недокомплектование групп слушателей, и отсутствие заинтересованности работников в повышении своей квалификации, и многое-многое другое.

Поэтому ЦК КПСС и Совет Министров СССР в принятом 6 февраля 1988 года постановлении «О перестройке системы повышения квалификации и переподготовки руководящих работников и специалистов народного хозяйства» наметили переход в текущей пятилетке от периодического к непрерывному обучению кадров. В целях обеспечения непрерывности процесса устанавливаются следующие виды учебы:

— систематическое самостоятельное обучение работника (самообразование) по индивидуальному плану, утвержденному его непосредственным руководителем и выполняемому под его контролем;

— участие не реже одного раза в месяц в постоянно действующих семинарах по производственным и экономическим вопросам как по месту работы, так и на других предприятиях и организациях;

— краткосрочное (по мере необходимости, но не реже одного раза в год) обучение по месту работы или в учебных заведениях (подразделениях) системы повышения квалификации и переподготовки кадров,

— длительное периодическое обучение (не реже одного раза в пять лет) в учебных заведениях (подразделениях) системы повышения квалификации и переподготовки кадров;

— стажировка на передовых предприятиях, в ведущих научных организациях, в высших учебных заведениях, в том числе за рубежом;

— обучение в целевой аспирантуре, докторантуре по темам, интересующим данную организацию, предприятие;

— переподготовка — получение новой специальности в академиях, институтах повышения квалификации, на специальных факультетах вузов и отделениях средних специальных учебных заведений.

Является ли повышение квалификации обязанностью руководителя или это его право?

В названном выше постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР прямо указывается: «Считать постоянное повышение квалификации прямой служебной обязанностью каждого руководителя и специалиста».

Повышение квалификации может происходить в различных формах. Так, руководители объединений направляются в Академию народного хозяйства при Совете Министров СССР, Планово-экономическую Академию при Госплане СССР, республиканские межотраслевые институты повышения квалификации, Высшие школы управления народнохозяйственных комплексов. Руководители и главные специалисты предприятий, учреждений, организаций, а также их заместители повышают свой уровень в межотраслевых институтах повышения квалификации и переподготовки руководящих кадров, на факультетах по подготовке организаторов промышленного производства, строительства и планирования при вузах, институтах повышения квалификации. Для руководителей цехов, отделов, других структурных подразделений и их заместителей предназначены институты повышения квалификации и их филиалы, специальные факультеты при вузах, курсы. Начальники участков, смен, мастера и другие соответствующие работники занимаются в институтах повышения квалификации и их филиалах, курсах повышения квалификации, учебных центрах.

Для руководителей и работников аппарата управления установлены следующие сроки обучения: с отрывом от работы — до двух месяцев, без отрыва от работы — до шести месяцев; для специалистов с высшим и средним специальным образованием — до трех месяцев с отрывом от работы и до шести месяцев — без отрыва от работы. По приоритетным направлениям науки и техники сроки повышения квалификации могут быть увеличены до четырех месяцев с отрывом от работы и до десяти месяцев — без отрыва от работы.

Повышение квалификации руководящих работников допускается с частичным отрывом от работы продолжительностью до шести месяцев, при этом обучение с отрывом от работы не должно превышать двух месяцев.

Кроме того, разрешается проводить стажировку руководителей и специалистов в соответствующих подразделениях министерств, ведомств, предприятий, объединений продолжительностью до двух месяцев сверх установленных сроков обучения.

В Академии народного хозяйства повышение квалификации руководящих работников осуществляется до двух месяцев с отрывом от работы, а по очно-заочной форме обучения — до двух лет.

Целесообразно на период отсутствия руководителя в связи с направлением его на повышение квалификации с отрывом от работы поручать исполнение его обязанностей специалисту, состоящему в резерве кадров для выдвижения на данную должность.

Возводя повышение квалификации в ранг обязанностей руководителей и специалистов, законодатель в то же время усиливает гарантии для работников, направляемых на повышение квалификации. Согласно статье 112 КЗоТ РСФСР при направлении рабочих и служащих для повышения квалификации с отрывом от производства за ними сохраняется место работы (должность) и производятся выплаты, предусмотренные законодательством. В соответствии с постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 6 февраля 1988 года за руководителями работниками и специалистами народного хозяйства на время их обучения с отрывом от работы сохраняется средняя заработная плата по основному месту их работы. Иногородним слушателям, направленным на обучение с отрывом от работы, в течение первого месяца должны выплачиваться командировочные расходы, а в последующий период работникам, получающим заработную плату менее 200 рублей в месяц, выплачивается стипендия в размере 40 рублей. Оплата проезда слушателей к месту учебы и обратно, командировочных расходов, а также выплата стипендии осуществляется за счет министерств, ведомств, предприятий и организаций по месту основной работы.

На время обучения слушатели обеспечиваются общежитием гостиничного типа с оплатой расходов за счет направляющего их предприятия. При отсутствии общежития возмещение расходов за проживание в гостиницах производится на условиях, установленных законодательством о служебных командировках.

Каждый руководитель, будь то мастер производственного участка, начальник цеха или директор предприятия, должен быть лично заинтересован в повышении своей квалификации. Ведь это является средством овладения новыми методами хозяйствования, современным экономическим мышлением, навыками работы в условиях полного хозяйственного расчета, самофинансирования и самоокупаемости.

При продвижении по работе в первую очередь должно учитываться повышение руководителем своей деловой квалификации. Трудовым коллективам рекомендуется полнее учитывать уровень подготовленности работников при выборах на руководящие должности.

Рост профессиональной компетентности рассматривается в качестве важного критерия при аттестации работников. Отсутствие надлежащей квалификации влечет за собой отрицательные последствия для работника в виде уменьшения должностного оклада, снятия надбавок, смещения на низшую должность и даже увольнения по п. 2 ст. 33 КЗоТ РСФСР (вследствие обнаружившегося несоответствия работника занимаемой должности).

Основным документом, удостоверяющим профессиональный уровень руководителя и специалиста, служит квалификационный аттестат единого образца, в котором отражаются сведения о прохождении работниками обучения в учебных заведениях (подразделениях) системы повышения квалификации и переподготовки кадров в течение всей трудовой деятельности.

С. ГОЛОВИНА,
кандидат юридических наук

ЮРИСТ КОНСУЛЬТИРУЕТ ДИРЕКТОРА

На этот раз я зашел к директору по собственной инициативе. А поводом послужил обычный приказ по личному составу, принятый мне на виду. Два его пункта, касающиеся увольнения, противоречили закону. Решить вопрос с отделом кадров не удалось.

— Здравствуйте, Степан Степанович,— поднялся мне навстречу Демократов,— опять с кадровиками воюете? Ну, слушаю Вас.

— Воевать-то не воюю, но общий язык не всегда находим. А дело, Василий Иванович, вот в чем. Вы собираетесь уволить нашего главного технолога по пункту 6 статьи 33 КЗоТ РСФСР вследствие восстановления на работе лица, ранее выполнявшего эту работу.

— Правильно, раньше эту должность занимала Нина Сергеевна Ремизова, которую в прошлом году избрали освобожденным председателем профсоюзного комитета. Срок ее полномочий закончился, и по закону мы обязаны предоставить ей прежнюю работу. Вот нового главного технолога и приходится увольнять.

— Да нет, Василий Иванович, неправильно,— прервал я директора.— Конечно, для тех, кто освобождается с прежней работы в связи с избранием на выборные должности, законодательством установлены определенные трудовые гарантии. Но в статье 110 КЗоТ РСФСР сказано, что рабочим и служащим, освобожденным от работы вследствие избрания их на выборные должности в государственных органах, а также в партийных, профсоюзных, комсомольских, кооперативных и других общественных организациях, предоставляется после окончания срока их полномочий по выборной должности прежняя работа (должность), а при ее отсутствии — другая равноценная работа (должность) на том же или, с согласия работника, на другом предприятии, в учреждении, организации.

В соответствии с этим требованием закона и надо решать вопрос с Ниной Сергеевной. А увольнять нового главного технолога по пункту 6 статьи 33 КЗоТ мы не имеем права. Увольнение по этому основанию допускается лишь в том случае, если по решению комиссии по трудовым спорам, профкома, суда, вышестоящего в порядке подчиненности органа или по решению администрации (например, по протесту прокурора) на прежнюю работу восстанавливается незаконно уволенный работник. В таком же порядке может быть уволен рабочий или служащий, когда он был принят на место работника, призванного в ряды Вооруженных Сил СССР, который затем в течение первых трех месяцев со дня призыва (не считая времени переезда к прежнему месту жительства) был освобожден от военной службы и возвратился на прежнюю работу.

— Что ж, убедили, Степан Степанович. Будем думать. Ну, а кого мы там еще неправильно уволили?

— Фомина, он кочегаром в нашем детском саду работал. Принимали его на отопительный сезон, а уволил его раньше, через три месяца, по состоянию здоровья.

— И в чем здесь-то ошибка? — недоумевал Демократов.

— Дело в том, что в приказе указано «освободить от сезонной работы». Я поинтересовался в бухгалтерии, Фомину не начислили компенсацию за неиспользованный отпуск. Действительно, статья 10 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 24 сентября 1974 года, которым регулируется труд сезонных работников, предусматривает, что сезонные работники права на отпуск или замену его денежной компенсацией не имеют. Однако следует иметь в виду, что сезонной считается только такая работа, которая указана в специальном перечне. Так вот, хотя отопительный сезон и ограничен периодом холодного времени года, в перечне сезонных работ, действующем на территории РСФСР, профессия кочегара не указана. Поэтому Фомин сезонным работником не является. И то, что в приказе о его приеме на работу указано «на период отопительного сезона» (на это ссылается бухгалтерия), никакого значения не имеет. Компенсацию за неиспользованный отпуск ему необходимо выплатить.

С. ИСТИНОВ

СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА

ХОТЯ ДО СВАДЬБЫ ДАЛЕКО

В прихожей раздался звонок.

— Здравствуйте, я страховая агент,— представилась пожилая женщина.— Застраховаться не хотите?

— Застраховаться? — Семен усмехнулся.— С имуществом у нас пока не густо. Не так давно поженились, еще и квартиры своей нет.

— Но существует личное страхование. Вы можете застраховать себя, жену, детей.

Существует несколько видов страхования детей,— пояснила Анна Петровна (так звали страхового агента, которая зашла к Гражданкиным).— Во многом они сходны, но есть у каждого и своя специфика.

Приказом министра финансов СССР от 29 мая 1985 года № 79 утверждены Правила страхования детей. Такой договор можно заключить в отношении ребенка не старше 15 лет. Страховая сумма устанавливается по согласованию между страхователем (лицом, которое будет платить страховые взносы) и инспекцией государственного страхования, однако она не может быть ниже 300 рублей. В период действия договора страховую сумму можно увеличить или уменьшить.

Срок страхования определяется разницей лет между 18 годами и возрастом ребенка, в пользу которого заключен договор. Размер

ежемесячных взносов зависит от срока страхования, возраста ребенка и страховой суммы. Например, если ребенку два года (Анна Петровна улыбнулась, посмотрев на Леночку, занятую с куклой), и вы хотите застраховать его на 1000 рублей, то платить придется 5 рублей в месяц. Взносы можно уплачивать путем безналичных расчетов (через бухгалтерию по месту работы), по расчетной книжке через отделение сберегательного банка, почтовыми переводами или страховому агенту. Обычно выплаты производятся ежемесячно, но можно заплатить и за несколько месяцев вперед или даже сразу внести всю сумму. В этом случае размер взносов устанавливается по пониженным тарифам.

Страховая сумма может выплачиваться и до истечения срока договора. Например, если ребенок серьезно заболел или получил травму в результате несчастного случая. Все заболевания, по которым может выплачиваться страховая сумма, перечислены в Правилах страхования детей.

Ребенок, в пользу которого был заключен договор, может получить причитающуюся ему сумму в течение трех лет со дня окончания срока страхования. Однако страхователю (тому, кто платил взносы) предоставлено право до окончания срока договора подать в инспекцию госстраха заявление о том, чтобы страховая сумма была выплачена ему, а не застрахованному ребенку.

Если страховая сумма выплачивается в связи с травмой, заболеванием ребенка, то конкретный размер возмещения зависит от процента расстройства здоровья у ребенка, который определяет врачебно-страховая экспертная комиссия. Договором может быть предусмотрена выплата в таких случаях удвоенной или утроенной страховой суммы, тогда и размер взносов несколько выше.

В случае смерти ребенка в период действия договора страхователю выплачивается пособие в размере 30 процентов страховой суммы и возвращаются все уплаченные взносы (за некоторыми исключениями, которые оговорены в Правилах).

Кроме того, продолжала Анна Петровна, детей в возрасте от одного года до 16 лет можно застраховать от несчастных случаев. Правила такого страхования утверждены министром финансов СССР 21 апреля 1987 года. Они содержат перечень несчастных случаев и их последствий, при наступлении которых выплачивается страховое возмещение.

Страховая сумма по этому договору составляет 1000 рублей. А конкретный размер возмещения зависит от последствий несчастного случая. Если травма (заболевание) не оставила после себя тяжелых последствий, предусмотренных Правилами, но потребовали длительного непрерывного лечения, выплачивается разовое пособие.

Ежемесячные страховые взносы зависят от возраста ребенка: от 1 года до 7 лет — 2 рубля, от 7 до 12 лет — 2 рубля 60 копеек, от 12 до 16 лет — 3 рубля.

Специальные Правила существуют для страхования от несчастных случаев школьников.

— Ну, это нам еще рано, — улыбнулась Вита.

— Тогда, может быть, вас заинтересует страхование к бракосочетанию. Такой договор в пользу ребенка не старше 15 лет может заключить любой его родственник в возрасте от 18 до 75 лет (на момент окончания договора), не являющийся инвалидом I или II группы.

Страховая сумма (размер ее устанавливается по тем же правилам, что и при страховании детей) выплачивается в случаях расстройства здоровья ребенка (порядок здесь аналогичен предусмотренному Правилами страхования детей, о которых речь уже шла).

Лицу, в пользу которого заключен договор страхования, страховая сумма выплачивается по истечении срока страхования, но не ранее того дня, в котором оно вступило в зарегистрированный брак. В том случае, если до 21 года это лицо в брак не вступило, то по достижении им этого возраста страховая сумма с увеличением ее на 9 процентов выплачивается немедленно по получении заявления и других необходимых документов. Если лицо, в пользу которого заключен договор страхования, вступит в брак в возрасте между 18 и 21 годом, то страховая сумма выплачивается также с процентами (0,25% за каждый полный месяц, истекший со дня окончания срока страхования, за неполные месяцы проценты не начисляются).

Именно свадебное страхование и привлекло внимание Гражданских. Вероятно, они еще не забыли финансовых проблем, возникающих при вступлении в брак.

- А что выбрали вы?

Н. ГАЛИНА

В последнее время из периодической печати люди многое узнают об уроках прошлого, о грубых нарушениях прав и свобод граждан, злоупотреблениях и преступных методах в деятельности судебных и внесудебных органов. Беспорно, знание негативного опыта, понимание истоков превращения права в свою противоположность, обстоятельств, при которых произошел отказ от демократических судебных процедур, совершенно необходимо. Однако также необходимо иметь четкое представление о законных средствах борьбы за свои права, о средствах защиты достоинства личности, о действующей системе юстиции. Ибо незнание права никому не приносит пользы и рано или поздно угрожает навредить.

Именно поэтому очень своевременно вышла в свет книга Ю. И. Стецовского «Если человек обвинен в преступлении...» (М., «Советская Россия», 1988 г.). Прочитав ее, вы узнаете о конституционных принципах правосудия, о стадиях уголовного процесса. Перед читателями также предстанут все участники процесса. Однако в центре внимания автора — две фигуры: обвиняемый и защитник.

Ясно, полно, обстоятельно рассказывает Ю. И. Стецовский о праве обвиняемого на защиту, перечисляет и раскрывает все те процессуальные права, которые предоставляются для защиты от обвинения. Объясняет, что эти права обвиняемый может реализовать как лично, так и с помощью защитника.

Один из вопросов книги — «Обвиняемый или виновный?» Это ко-ренной вопрос взаимоотношений в цивилизованном обществе. Автор доказывает, что обвиняемый еще не есть виновный. А так как в уго-ловном судопроизводстве речь идет всегда об основных правах гражданина — его свободе, достоинстве, чести, а иногда и жизни, то необходимо существенно переработать уголовно-процессуальное законодательство, привести его в соответствие с требованиями Ос-новного Закона, укрепить гарантии прав человека и его свобод. Ю. И. Стецовский — сторонник того, чтобы законность арестов кон-тролировалась судом еще на стадии предварительного расследова-ния, за максимальную возможность реально защищать права и инте-ресы личности от неосновательного привлечения к ответственности, ареста и осуждения. Ибо применение наказания к людям, которые ничего преступного не совершали, — это произвол и несправедли-вость. Вместе с тем через всю книгу проводится мысль: «Признание действительного преступника виновным и его справедливое нака-зание законно и естественно».

В аннотации сказано, что предлагаемая книга — популярный рас-сказ о конституционном принципе обеспечения обвиняемому права на защиту. Рассказ и в самом деле популярный, обращенный преж-де всего к читателю-неюристу. Но, снисходительно перелистывая книгу, читатель-юрист вдруг с удивлением для себя обнаружит в этом «популярном рассказе» не одно и не два суждения, предств-ляющие серьезный научно-практический интерес. К таким действ-тельно ценным относятся положения главы «Обеспечение обвиняе-мому права иметь защитника», в которой достаточно полно изло-жены основания обязательного участия защитника в уголовном про-цессе. То же самое можно сказать и об освещении принципа перс-онального приглашения защитника. Ряд противоположений сформули-рован просто и точно, как аксиомы. Но если подойти по существу, это сложные вопросы адвокатской практики, и ответы, данные в книге, несомненно, отвечают этическим и юридическим правилам адвокатской профессии. Автор исходит из того, что «ни закон, ни этические нормы не дают адвокату оснований рассматривать себя как судью, который решает, достоин или недостоин обвиняемый его защиты. Право на защиту принадлежит всем обвиняемым. И чем труднее защита, тем более она необходима как обвиняемому, так и правосудию». Принятие защиты адвокат не может ставить в зави-симость от признания обвиняемым своей вины. «Отказ допустить защитника по соглашению под тем предлогом, что в деле уже уча-ствует назначенный защитник, является нарушением права на защиту».

Таких практически выверенных формулировок в работе немало, и их возьмет на вооружение любой адвокат.

Небольшая книжка известного советского адвоката и профессо-ра — итог значительного труда. Работа органична, без внешних эф-фектов. В ней воплощены гуманистические мысли о праве как искус-стве делать добро, о законности как принципе, без которого нет ни милосердия, ни прогресса, об адвокатуре как гаранте справедливо-сти судебных решений. Побольше бы таких книг!

Э. МУРАДЬЯН

Юридический ПРАКТИКУМ

Задача 1

Хохлова перед отъездом в длительную командировку дала своей соседке по квартире доверенность на получение адресованных ей почтовых отправлений. Доверенность была удостоверена домоуправлением по месту жительства Хохловой. В тексте доверенности указана дата ее выдачи, но не указан срок действия.

Действительна ли такая доверенность?

Задача 2

Палкин одолжил у своего товарища по работе Ивлева 300 рублей и дал ему расписку. Срок возврата долга в расписке не был оговорен.

Когда Палкин обязан вернуть деньги?

Задача 3

Афонин приобрел в комиссионном магазине куртку стоимостью 70 рублей. Вскоре выяснилось, что эта куртка была похищена у Пастухова Фокиным, который и сдал ее в комиссионный магазин.

Вправе ли Пастухов требовать от Афонина вернуть ему куртку?

Ответы см. на стр. 67.

МОЛОДЕЖИ О ПРАВЕ

ПРОДАЮТ ЛИ ПОДАРКИ?

Девятиклассник Сергей Волков давно мечтал о портативном магнитофоне. Но приобрести его все как-то не удавалось. И вот удача! Старший брат товарища по классу продает именно то, что нужно, и всего за 120 рублей. Вот только где взять деньги? Родители уехали в отпуск, а у сестры такой суммы нет. И тогда Сергей вспомнил о фотоаппарате, который ему подарил дедушка в честь окончания восьмого класса.

Продавать фотоаппарат, конечно, жаль — подарок, но деньги нужны немедленно. Покупатель нашелся быстро... Итак, Сережа получил 120 рублей и купил магнитофон.

Однако вернувшиеся из отпуска родители радости сына не разделили.

— Платить за такое старье 120 рублей! — недовольно сказал отец.— Пойди и отнеси где взял, а фотоаппарат верни обратно. И запомни, подарки не продают.

Сергей был обижен.

— Ничего я относить не буду! Фотоаппарат мой. Собственный. Что хочу, то и делаю.

— Что хочешь — будешь делать, когда вырастешь, а пока делай, что тебе родители говорят.

Согласитесь, подобные ситуации не так уж редко встречаются в жизни. Поэтому давайте попробуем разобраться, кто же здесь все-таки прав? Сергей или его отец?

Чтобы правильно ответить на этот вопрос, выясним для начала, что значит «вещь собственная». Как то или иное имущество становится собственным? А для этого обратимся к гражданскому праву, которое регулирует имущественные (купля-продажа, заем, дарение, поставка, подряд и т. д.), связанные с ними личные неимущественные (возникающие из авторства на произведения литературы, науки, искусства и т. п.) и иные личные неимущественные отношения. Многие из них складываются в повседневной жизни людей, другие относятся к хозяйственной сфере, взаимодействию социалистических организаций.

Нормы гражданского права закреплены главным образом в **Основах гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик**.

В соответствии с **Основами** в каждой республике приняты Гражданские кодексы, в которых детализируются положения общесоюзных Основ гражданского законодательства и устанавливаются нормы, действующие только на территории данной республики.

Итак, что значит собственность и какое отношение к ней имеет право?

Обычно когда говорят о собственности, имеют в виду какое-то имущество, принадлежащее кому или чему-либо. В законе же определяются наиболее важные положения о ней. Кто может иметь собственность? Какое имущество может находиться в собственности? Все эти вопросы регулируются правом.

Так, в соответствии с Конституцией СССР, в Советском Союзе существует собственность государственная (общенародная), колхозно-кооперативная, общественных организаций и личная собственность граждан. Основной Закон нашей страны определяет, что имущество у нас может принадлежать колхозам, иным кооперативным организациям, общественным организациям, гражданам и Советскому государству. Статья 11 Конституции СССР, статья 21 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик, статья 95 ГК РСФСР (подобные статьи ГК других союзных республик) устанавливают, что только государству могут принадлежать земля, ее недра, воды, леса (юристы говорят, что все эти объекты находятся в исключительной собственности государства). В его собственности могут находиться заводы, фабрики, шахты, рудники, электростанции, железнодорожный, водный, воздушный, автомобильный транспорт, банки, средства связи, организованные государством сельскохозяйственные, торговые, коммунальные и иные предприятия, основной жилищный фонд в городах и поселках городского типа, а также любое другое имущество.

В соответствии со статьей 23 Основ гражданского законодательства собственностью колхозов и других кооперативных организаций являются

их объединений являются средства производства и иное имущество, необходимое им для осуществления уставных задач. Это могут быть здания, сооружения, тракторы, комбайны, другие машины, транспортные средства и т. д. А вот гражданам на праве личной собственности могут принадлежать предметы обихода, личного потребления, удобств и подсобного домашнего хозяйства, жилой дом и трудовые сбережения (ст. 13 Конституции СССР, ст. 25 Основ, соответствующие статьи ГК союзных республик).

Иметь в собственности то или иное имущество означает обладать в соответствии с законом правом собственности на это имущество, правом, которое устанавливается и защищается государством.

Под правом собственности на вещь, имущество понимается наличие у конкретного лица (собственника) (гражданина, государства, колхоза и т. п.) прав (правомочий) по владению, пользованию и распоряжению данным имуществом. Что означают эти понятия? Владеть имуществом, вещью — значит иметь его у себя. Пользоваться — эксплуатировать вещь, извлекать ее полезные свойства (например, кататься на велосипеде, носить пальто и т. д.). Распоряжаться вещью — значит совершать конкретные действия, как говорят юристы, по определению юридической судьбы вещи (подарить, продать, обменять ее).

Следующий немаловажный вопрос: как имущество становится собственностью какого-либо лица? Законодательством предусмотрены различные пути. Прежде всего это создание новых вещей в результате труда, производственной деятельности. Например: созданный на заводе новый станок — собственность государства, урожай — собственность колхоза, вырастившего его и собравшего. Урожай, выращенный в личном подсобном хозяйстве, — собственность гражданина и т. д.

Право собственности может возникнуть и в результате обобществления имущества. Таким путем образуется, например, собственность кооперативных и других общественных организаций. Вот члены кооператива объединили свои денежные средства и приобрели на них оборудование для кафе (плиты, холодильники, мебель, посуду и т. д.). Все это имущество стало собственностью кооператива.

Всем известны и такие способы возникновения права собственности, как купля-продажа, дарение, мена, наследование.

Итак, вы узнали, что такое собственность, в чем заключается право собственности, кому и какое имущество может принадлежать. Давайте теперь более подробно поговорим о личной собственности гражданина.

Как мы видели, закон устанавливает, что граждане СССР могут иметь личную собственность.

Личной она называется не только потому, что принадлежит отдельному гражданину. Главным в личной собственности граждан СССР является ее потребительский характер. Это означает, в собственности отдельных лиц могут находиться только предметы, предназначенные для пользования самими собственниками, для удовлетворения их личных интересов и потребностей.

Наряду с этим имуществом, находящееся в личной собственности, не должно использоваться для извлечения нетрудовых доходов (статья 13 Конституции СССР). Нетрудовыми являются доходы, полученные не вследствие личного труда, а в результате злоупотребления правом собственности, незаконного пользования или распоряжения имуществом. Что это означает? Например, нередки случаи, ког-

да один человек одалживает деньги у другого. Теперь предположим, что кто-то дал деньги займы с условием: взявший вернет ему сумму, в два раза больше полученной. Такие действия и будут являться злоупотреблением правом собственности, так как давший деньги намерен получить доход не собственным трудом, а путем взимания процентов. По договорам же между гражданами это запрещено законом.

Личное имущество не должно использоваться гражданами во вред обществу или интересам отдельных его членов.

В жизни практически все вещи являются собственностью взрослых. Жилые дома, автомашины, мебель в квартире и т. д.— все это принадлежит совершеннолетним, т. е. тем, кому исполнилось 18 лет. Несовершеннолетним же принадлежит только некоторые личные вещи (одежда, книги и т. п.), которые, кстати, тоже приобретены взрослыми. И все? Как правило, да. Связано это с тем, что основу личной собственности в СССР составляют трудовые доходы. А поскольку несовершеннолетние не имеют достаточных трудовых доходов, то и круг вещей, находящихся в их собственности, ограничен. Однако возникновение права собственности у граждан не зависит от возраста. Поэтому в определенных случаях (наследование, дарение, а после 15 лет — трудовые доходы) собственностью подростка может быть и любое «взрослое» имущество. В том числе и такие вещи, как автомашина, дом, дача и т. д. И так же, как у совершеннолетних, у подростков в этом случае существует право владения, пользования и распоряжения этим имуществом.

Вернемся к нашей ситуации. Фотоаппарат, подаренный Сергею дедушкой, находится в его собственности. Значит, у Сергея есть право владеть, пользоваться и распоряжаться этой вещью? Да, есть. Но прав ли он? Не будем спешить с решением. Чтобы до конца разобраться в вопросе, необходимо уяснить такие юридические понятия, как правоспособность и дееспособность.

Правоспособность — это признаваемая государством возможность иметь субъективные юридические права и обязанности. Граждане СССР обладают правоспособностью (правоспособны) с момента рождения, то есть независимо от возраста могут иметь субъективные права и юридические обязанности. В связи с этим и возможно право собственности подростка и даже ребенка на любое имущество. Но иметь право и иметь возможность пользоваться этим правом не одно и то же. Возможность реализовать свое право зависит от **дееспособности**: признаваемой государством возможности своими действиями реализовать свои права и обязанности. В праве собственности это особенно важно для правомочия распоряжения. А поскольку дееспособность граждан наступает частично с 15 лет и полностью с 18 лет, то, являясь собственником вещи, несовершеннолетний не может распоряжаться ею до 15 лет, а с 15 лет до 18 может это делать только с согласия родителей, усыновителей, попечителей. Следовательно, Сергей может владеть фотоаппаратом, пользоваться им, но не может им распоряжаться самостоятельно.

Итак, прав отец Сергея, на его стороне закон. И то, что закон этот правильный, справедливый, легко убедиться. Он не ущемляет интересов молодого человека, а защищает их. Имущественные отношения — отношения сложные. Чтобы принять правильное решение, здесь необходимо обладать знаниями, жизненным опытом, уметь верно оценивать ситуацию. А в 15—16 лет эти качества у людей, как

правило, отсутствуют. Отсюда большая вероятность, что несовершеннолетний, неправильно понимая свои интересы, может причинить себе ущерб, понести убытки. Поэтому и стоит закон на страже интересов подростка.

Н. ТАРАСОВ,
кандидат юридических наук

Попробуйте самостоятельно разобраться в следующей ситуации.

Учащийся второго курса техникума Дмитрий Фокин заработал в строительном отряде 330 рублей. 230 из них он внес в сберегательный банк на свое имя, а за 100 купил спортивный велосипед у соседа по дому. Узнав об этом, мать Фокина обратилась в сберегательный банк и к продавцу велосипеда с требованием вернуть деньги обратно. При этом она указала, что, являясь несовершеннолетней (16 лет), ее сын не имел права самостоятельно распоряжаться такими крупными суммами, а должен был передать деньги родителям.

Как должен решиться вопрос?

Ответ см. на стр. 67.

ОТ А ДО Я

П

ПРАВОВАЯ ИНСПЕКЦИЯ ТРУДА

В цехе, где Иван Семенович Жуша работал слесарем-наладчиком, администрация изменила режим рабочего времени: до 25 минут сократила обеденный перерыв, заставляла работать в субботние дни. Коллектив цеха был недоволен новшествами, считал их незаконными. По этому поводу несколько раз проводились собрания трудового коллектива цеха, рабочие ходили и в профсоюзный комитет и к директору завода. Однако спор не разрешался, администрация стояла на своем: все изменения вызваны переходом предприятия на новые формы труда. Обо всем этом Иван Семенович рассказал своему приятелю, который возглавлял профсоюзный комитет на соседнем предприятии.

— Коль уж вы не можете сами разрешить конфликт, обратитесь в правовую инспекцию труда,— посоветовал он.

— В инспекцию, говоришь,— усомнился Иван Семенович,— может быть, лучше в прокуратуру, там хоть меры какие-нибудь примут. А то я что-то никогда не слышал об этой инспекции. Чем она занимается?

Правовая инспекция труда — профсоюзный орган, который осуществляет надзор и контроль за тем, как на предприятиях, в учреждениях, организациях и колхозах соблюдается законодательство о труде, а также принимает меры, направленные на устранение причин и условий, способствующих нарушениям закона.

В соответствии с Положением о правовой инспекции труда (утверждено постановлением Президиума ВЦСПС 14 июля 1987 года) такие инспекции создаются в центральных комитетах республиканских, краевых, областных, Московского и Киевского городских советов профсоюзов, а также в республиканских, краевых, областных, окружных и приравненных к ним комитетах профсоюзов.

Правовые инспекции труда советов и ЦК профсоюзов действуют на правах отдела, который возглавляет главный правовой инспектор труда.

Правовые инспекции проверяют на предприятиях (учреждениях, организациях) соблюдение норм законодательства о труде, в частности о приеме на работу, об увольнении, переводе на другую работу; о ведении трудовых книжек; о режиме рабочего времени и времени отдыха. Они также выясняют, не нарушаются ли права граждан при оплате труда, при возмещении ущерба, причиненного рабочим и служащим увечьем или иным повреждением здоровья, связанным с исполнением ими трудовых обязанностей. Большое внимание правовые инспекции уделяют и таким важным вопросам, как трудовая дисциплина и материальная ответственность рабочих и служащих, регулирование труда членов колхозов.

Одновременно с проверкой всех этих вопросов инспекция контролирует соблюдение жилищного законодательства при распределении жилой площади; соответствие нормативных условий коллективных договоров действующему законодательству, положениям и нормам, утвержденным предприятием в пределах предоставленных ему прав.

Правовая инспекция информирует трудовой коллектив, администрацию, правление колхоза, профсоюзный комитет, а в необходимых случаях органы прокуратуры обо всех нарушениях закона, которые были выявлены в результате проверки, и требует их устранения.

Правовой инспектор труда имеет право, в частности, ставить перед руководителями предприятий, учреждений, организаций, правлениями колхозов, а также вышестоящими хозяйственными органами вопрос о наказании должностных лиц, виновных в нарушениях трудового или жилищного законодательства, налагать на них штрафы и вносить в соответствующий профсоюзный орган предложения о расторжении трудового договора с руководящим работником или о смещении его с занимаемой должности в случае, если он нарушает законодательство о труде.

Помимо контрольных функций, правовая инспекция труда осуществляет и методическую работу. Так, она изучает практику и обобщает опыт работы профсоюзных комитетов предприятий, учреждений, организаций, колхозов по контролю за выполнением администрацией трудового законодательства и по разрешению трудовых споров, оказывает им практическую помощь.

Правовая инспекция вправе вносить в соответствующие профсоюзные органы предложения, направленные на повышение эффективности общественного контроля за соблюдением и совершенствованием действующего трудового законодательства.

Она также осуществляет методическое руководство внештатными правовыми инспекциями труда, организует их правовое обучение.

В союзных республиках, имеющих областное деление, правовая инспекция труда республиканского совета профсоюзов осуществляет методическое руководство и координирует деятельность правовых инспекций труда областных советов и комитетов профсоюзов, вносит в соответствующие профсоюзные органы предложения об улучшении их работы.

Г. САМОЧАДИН,
председатель горкома профсоюза
работников связи

СУДЕБНАЯ ХРОНИКА

ПРЕСТУПНАЯ НЕБРЕЖНОСТЬ

Около пяти часов вечера Т. Горбань, жительница города Днепропетровска, садилась на остановке «Театр оперы и балета» в автобус маршрута № 57. Она успела подняться лишь на одну ступеньку, а автобус с открытой дверью уже тронулся. Не удержавшись, Горбань выпала из автобуса и попала под его колеса. В результате женщина получила тяжкие телесные повреждения.

Кировский районный народный суд города Днепропетровска признал П. Михальчука, водителя автобуса, виновным в нарушении правил безопасности движения транспорта, из-за чего потерпевшей были причинены тяжкие телесные повреждения (часть 2 статьи 215 УК УССР). При назначении наказания П. Михальчуку суд принял во внимание то, что он положительно характеризуется по месту работы, впервые совершил преступление по неосторожности, признал свою вину и раскаялся в содеянном, добровольно возместил причиненный имущественный ущерб, имеет на иждивении жену и малолетнего ребенка. Кроме того, учитывая мнение трудового коллектива, считающего возможным исправление и перевоспитание Михальчука без изоляции его от общества, суд приговорил П. Михальчука к пяти годам лишения свободы с лишением права управлять транспортными средствами на срок три года, постановил считать это наказание условным с обязательным привлечением осужденного к труду в местах, определяемых органами, ведающими исполнением приговора.

А. РЕБРИЙ

г. ДНЕПРОПЕТРОВСК

ПО ПРОТЕСТУ ПРОКУРОРА

Е. Егоров, младший научный сотрудник Вычислительного центра Дальневосточного научного центра АН СССР, был освобожден от работы по результатам аттестации. Считая свое увольнение незаконным, он обратился в прокуратуру.

Прокурор Хабаровского края, государственный советник юстиции 3-го класса В. Юрьев опротестовал приказ директора Вычислительного центра. В протесте он указал, что в соответствии с п. 5 Положения о порядке проведения аттестации руководящих, научных, инженерно-технических работников и специалистов научных исследовательских учреждений, конструкторских, технологических, проектных, изыскательских и других организаций науки, утвержденного постановлением Президиума АН СССР от 7 марта 1986 года № 471, очередной аттестации не подлежат работники, проработавшие в занимаемой должности менее одного года, молодые специалисты и лица, окончившие аспирантуру с отрывом от производства в период срока обязательной работы по направлению после окончания учебы, а также беременные женщины и женщины, имеющие детей в возрасте до полутора лет. На момент проведения аттестации Егоров проработал в должности младшего научного сотрудника четыре с половиной месяца. Поэтому он аттестации не подлежал и приказ о его увольнении незаконен.

Протест прокурора удовлетворен. Е. Егоров восстановлен в прежней должности, ему выплачена заработная плата за время вынужденного прогула.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ ЮРИДИЧЕСКОГО ПРАКТИКУМА

Задача 1

Доверенность действительна. В соответствии со статьей 65 Гражданского кодекса РСФСР (соответствующие статьи есть в ГК других союзных республик) доверенность на получение корреспонденции, в том числе денежной и посылочной, может быть удостоверена жилищно-эксплуатационной организацией по месту жительства, а также организацией, в которой гражданин работает или учится, или администрацией стационарного лечебного заведения, в котором он находится на излечении. Аналогичное правило действует в отношении доверенностей на получение заработной платы и иных платежей, связанных с трудовыми отношениями, вознаграждений авторов и изобретателей, пенсий, пособий и стипендий, сумм из сберегательных касс.

Согласно статье 67 ГК РСФСР, если в доверенности не указан срок, на который она выдана, она сохраняет силу в течение одного года. Когда есть необходимость в доверенности на больший (или меньший) срок, это надо специально в ней оговаривать. Максимальный срок действия доверенности — три года. Следует помнить, что в доверенности обязательно должна быть указана дата ее выдачи. В противном случае доверенность считается недействительной.

Задача 2

Если срок исполнения обязательства (в данном случае возврата долга) не оговорен сторонами, то кредитор (Ивлев) вправе потребовать этого в любое время. Должник (Палкин) обязан исполнить обязательство (вернуть деньги) в семидневный срок со дня предъявления требования. Такое правило установлено статьей 172 ГК РСФСР и применяется за исключением тех случаев, когда обязанность немедленного исполнения вытекает из закона, договора или существа обязательства.

Задача 3

В статье 151 ГК РСФСР установлено, что собственник имеет право истребовать свое имущество из чужого незаконного владения. Афонин, покупая куртку в комиссионном магазине, конечно, не знал, что она похищена у Пастухова. Такие незаконные владельцы называются добросовестными приобретателями (статья 152 ГК РСФСР). Вправе ли собственник вещи потребовать в этом случае ее возврата? Да, но только при условии, что имущество вышло из владения собственника помимо его воли (утерено, похищено). Так что Афонину придется вернуть куртку Пастухову, а комиссионный магазин возместит Афонину ее стоимость. Магазин же, в свою очередь, вправе взыскать ущерб с Фокина.

Когда имущество истребуется у недобросовестного приобретателя (который знал или должен был знать, что вещь приобретать нельзя), указанные выше ограничения не действуют. Имущество должно быть возвращено собственнику независимо от причины, по которой он его утратил. Такой же порядок действует и в случае, если к незаконному владельцу (тут не имеет значения, добросовестный или недобросовестный это приобретатель) имущество перешло безвозмездно. И, наконец, от всякого приобретателя может быть истребовано государственное имущество, а также имущество колхозов и иных кооперативных или общественных организаций, если оно изъято у них неправоммерно (статья 153 ГК РСФСР).

В юридической литературе истребование собственником своего имущества из чужого незаконного владения называется виндикацией.

Ответ на задачу, помещенную на стр. 64.

В соответствии со ст. 13 ГК РСФСР несовершеннолетние в возрасте от 15 до 18 лет вправе самостоятельно распоряжаться своим заработком или стипендией, вносить вклады в сберегательные банки. Следовательно, действия Дмитрия Фокина совершены в соответствии с законом и требования его матери о возврате денег удовлетворению не подлежат.

ЗАПИСКИ ВОСПИТАТЕЛЯ *

...Коварная это штука — пенсионный возраст. Во всяком случае, к Василию Ивановичу подкрался он как-то по-воровски, незаметно и отнял у него то, что наполняло жизнь радостью и смыслом, — его работу. Летят годы, и никак их не остановишь...

— Деда, деда, ты только погляди, какую стрекозу я поймала! — подбежала к нему шестилетняя внучка. — Может, лучше отпустить? — Крошечные пальчики испачканы мучнистой пылью, синие глаза смотрят беззаботно и весело.

— Отпусти, Танечка, — согласился Василий Иванович и вдруг увидел, как трепетно задрожали листья березы, щедро просеивая на землю пронзительно тонкие солнечные лучи, услышал, как заливаётся, ликует неподалеку дрозд, нарушая лесную тишину.

...Тридцать лет выслуги. Можно и отдохнуть. Нет, это не для него — жить только для себя. Да разве вслух об этом говорят? Ну, приду я к ним, осужденным, и что скажу? Мол, за два года педагогике подзубрил, буду учить вас уму-разуму. Знакомая песенка, скажут, и насмешками встретят, и издевками. Хочет-де, старый хрыч, полковничьи погоны получить.

«Ку-ку, ку-ку» — раздался далекий голос кукушки, и Василий Иванович принялся считать.

— Двенадцать, значит. Птица говорит. Ну и то хлеб. Немало...

Возвратившись с дачи, Василий Иванович первым делом открыл почтовый ящик. Одна газета, вторая и... Вот оно — официальное письмо из управления! Руки-ноги задрожали.

В ночь перед выходом на работу Василий Иванович долго не мог уснуть, и рука ныла, покоя не давала. Все ворочался и ворочался, вновь и вновь возвращался в мыслях к колонии. Думал он о ней, как об огромном живом едином организме. Только вот организм этот нездоровый. Почитай, каждая клетка в нем больна, и лечить ее надо терапевтически, умело.

А хирургически?

Если человек сам на себе ставит точку, по доброй воле лишает себя звания человека, то и без хирургии не обойдешься.

Память будоражило прошлое. Тяжелые послевоенные годы. Тогда, после госпиталя, он прибыл в колонию по путевке комсомола.

* Имена и фамилии изменены. Печатается в сокращении.

Странной казалась ему поначалу сама идея перевоспитания людей. Ведь не дети же. Вроде неудобно как-то «воспитывать» взрослого мужика. Но поработал немного и понял, какой нелегкий кусок хлеба он себе выбрал. Да, смутная, тревожная обстановка была в ту пору в местах лишения свободы. Преступники разделились на касты. Побег, поножовщина, карты, членовредительство, нежелание писать домой. Много чего было за столько-то лет. Сколько слез он видел... Сколько бессонных ночей было, всего того, что отнимает душевные силы и здоровье, изматывает похлеще самой изнурительной работы... И очерстветь, и озлобиться можно, но оберегал Василий Иванович свою душу. Считал, что главное в его деле — самому не озлобиться, не обронить зерно злобы в души подопечных, чтобы не проросло оно там ядовитым цветом.

След войны остался на всю жизнь — не до конца сгибающаяся рука. Как подбитая птица, подшучивал он над собой, удивляясь, что осужденные окрестили его безобидно «мамочкой». Сколько сарказма, злой, беспощадной иронии вкладывали они обычно в эти прозвища, не щадя ни калек, ни убогих. Прошло немало времени, прежде чем он понял, почему его так прозвали. Орлов-де как родная мать. Душу вынет своими заботами. Почему не на рабочем месте, почему в школу не ходишь, анкету не заполняешь, в самостоятельности не участвуешь... От этих «почему» многие, завидев его, убегали. Ему стало не по себе, когда узнал об этом: смутился, покраснел, задумался, но вел себя по-прежнему.

Уже став замполитом, Василий Иванович решил как-то записать свои обязанности. Поразился, насчитав двадцать четыре пункта. И так изо дня в день, пока не сломила болезнь. Подлечившись, он стал ощущать, что стареет. И совсем было затосковал, да спасла Танечка — внучка, удалось отвоевать ее у старшей дочери, жившей со своей семьей рядом, по соседству.

Смешными и глупыми казались ему теперь мечты о том, что вот выйдет на пенсию и переедет в солнечный Крым отогреть ноющие суставы и кости: все чаще напоминали о войне ранения и контузия. Ему ли, трудяге, жить в свое удовольствие... Пустое это и зазорное занятие.

Уснул Василий Иванович далеко за полночь, но утром выглядел бодрым, свежим, даже помолодевшим. Жена, Вера Николаевна, проводила его до калитки и горько улыбнулась. Опять ночами не спать. Преступники ведь...

* * *

Майор Орлов переступил порог вахты, вошел в штаб и не удержался, остановился у первого окна — знал, что увидит: осужденные выходили на работу. Громкие выкрики фамилий, привычный отчет контролера. Крытые железом фургоны, конвой со сторожевыми собаками — каждодневный развод... Добрую половину жизни наблюдал Василий Иванович эту картину, но душа содрогалась...

Офицеры встретили бывшего замполита шумными возгласами, дружескими рукопожатиями. Все расселись за длинным столом, покрытым зеленым сукном. В кабинете начальника колонии подполковника Дождаева началась планерка.

Дежурный помощник начальника колонии капитан Муштрнев вкратце доложил о трех крупных происшествиях: пьянка, драка, покупка тушенки в столовой из общего котла.

— Почему мне домой не позвонили? — недовольно спросил начальник колонии.

Диалог проходил жестко, деловито. С водкой — война особая. Всем был памятен случай, когда восемь лет назад двое парней лет по двадцати, уже со второй судимостью, напившись, устроили поединок. Они обговорили условие: дерутся до победного, никто им не мешает — и вынули ножи. Несколько ротозеев глазели на это убийство. Всех их тогда отдали под суд.

— Разберитесь, майор Сомов, — приказал начальник колонии заместителю по режиму. — Передадим в прокуратуру. Докладывайте дальше. Как с планом?

Слушал Василий Иванович офицеров, в чьих руках были судьбы многих людей, и все больше чувствовал свою причастность к сидящим здесь, к тому, чем они каждый день занимаются. Планерка подходила к концу, когда вспомнили о нем. Майор Орлов согласился принять шестой отряд — самый отстающий.

...Здесь же, в штабе, Василий Иванович оформил пропуск, а у проходной столкнулся с начальником колонии. С ним был Евсеев, прокурор по надзору. Втроем они вошли в зону. В глаза сразу бросилась яркая надпись на транспаранте: «На свободу с чистой совестью!»

Человеку неискушенному зона могла показаться небольшим городком-пансионатом. Здесь был спортивный городок с баскетбольной и волейбольной площадками, турником и брусьями, летняя эстрада, там по субботам и воскресеньям показывали фильмы, зимний клуб, столовая, библиотека, баня, чистые асфальтные дорожки. Два фонтана, аккуратно подстриженные газоны, цветочные клумбы. Но все это не могло заглушить ощущения неволи, которое испытывал каждый, глядя на трехметровый забор. В дальнем углу этого квадрата располагалось здание штрафного изолятора, куда помещались на время злостные нарушители.

Втроем они подошли к нарядной. Возле нее прокурор заметил двух осужденных, которые, присев за углом на корточки, воровато переговаривались. Завидев прокурора, один нехотя, с ленцой, поднялся, второй остался сидеть, словно перед ним никого не было.

— Здравствуйте, — сказал первый, а второй под взглядом начальника колонии все же встал.

Евсеев, разглядывая угрюмые лица, доверительно спросил:

— Ну, как жизнь? Жалобы есть?

— Разве это жизнь? Существование. Жалобы?! По мне бы лучше не родиться, чем все это... Глаза бы не глядели, — вяло кивнул на зону рябоватый осужденный. Слева на бирке, прикрепленной к рабочей куртке, была написана фамилия «Пастушкин» и номер отряда — шестой.

— Растолкуй! — слегка растерялся прокурор.

— А чего толковать! Чай по-русски говорю, — недовольно буркнул Пастушкин и, круто развернувшись, подался к баракам.

— Пастушкин?! — окликнул его начальник колонии, но того только и видели. Второй осужденный поспешил товарищу на выручку и тут же начал вдохновенно врать:

— Пастушкин вчера письмо от матери получил. Пишет, хотела приехать на длительную свиданку. А ему кукиш показали — нарушение, мол... Мать у него даже болеет, вот-вот богу душу отдаст.

Начальник колонии повернулся к Василию Ивановичу:

— Запишите Пастушкину личное свидание. Три дня в резервной комнате. Пусть мать приедет. А за грубость и неуважение к начальству,— повысил он голос,— в изолятор на пять суток.

Василий Иванович хорошо помнил Пастушкина. Да, за два года он ничуть не изменился.

* * *

— Карр-карр-карр! — выпучив иссиня-черный глаз, ворон уселся на подоконник и радостно уставился на стеклянную банку с густым янтарным медом.

— Застрекотал, Васька. Пронюхал,— хохотнул парень лет двадцати, бережно раскладывая на тумбочке снедь, купленную в ларьке, расположенном на территории колонии.

— Пусть его, Володька, каркает. Больше ему от того не перепадет,— философски изрек Воронцов, или, как его здесь прозвали, Батя — осужденный лет сорока пяти, лицо которого было изуродовано шрамом.

— Сгинь, Васька.— Батя передернул плечом, и ворон обиженно скосил глаза.— Сгоняй в каптерку, сынка, отнеси кое-что,— он кивнул на снедь,— да чай поставь, а я банку открою.

Через несколько минут они сидели друг против друга, каждый на своей койке, а в проходе стоял покрытый газетой стул. На нем — аккуратно нарезанная булка белого хлеба, «Золотой улей», литровая банка густо заваренного чая, куски черного хлеба да горстка «подушечек». Ворон уже топтался у Бати на плече, устраиваясь поосновательнее. Батя макнул кусочек черного хлеба в банку с медом и сунул птице. Васька ловко подхватил, засуетился, подергивая хвостом и поводя клювом.

— Васька! — раздался голос с другого конца барака, и птица, сомкнув крылья, устремилась вниз, в проход — ее звали в гости.

— Вот прожорливый,— хохотали в углу.— А разжирел-то как!

Ворон привык к людям, но в руки никому, кроме Бати, не давался. Позволял инем себя поглаживать, но при попытке его схватить пускал в ход весь свой оборонительный арсенал: клюв, крылья, когти. Удержать птицу было невозможно.

Васька чутко улавливал настроение Бати, мог позабавить, утешить — примостится на плече, чуть наклонит голову и молчит, будто слушает. Батя, казалось, выкладывал Ваське самое сокровенное, а тот отвечал ему то хрипловатым «ка-а-ар», то урчащим «ках». После «беседы» с птицей с лица Бати сходила угрюмость, теплый взгляд и даже глубокий рваный шрам на щеке, из-за которого ему дали вторую кличку — «Квазимода», уже не казался пугающе страшным.

Хотя ворон ко всем привык, ночевал он только под койкой у Бати, который подобрал подранка и принес в барак. Ко многому был приучен Васька. Воспитывая своего питомца, Батя невесело посмеивался:

— Сродни мне эта птица, и фамилии почти одинаковые.

— Батя, а почему птицу вороном зовут? — спросил как-то Володька.

— Вор-он, вор-он. Ворует, значит. Народ зря не скажет,— тяжело вздохнул Батя,— все гадаю — улетит он, окаянный, или нет?

— А как бы ты хотел?

— Воля есть воля! Пусть летит к своим сородичам. Не улетит, стерва! Сроднились. Ему теперь человек ближе... — глухо, с надрывом

вдохнул Воронцов, словно придавила намертво к койке невидимая тяжесть-кручина, да так, что и руки немощно вытянулись по бокам, и закрылись сами собой глаза. Нет, даже Володьке не сказал Воронцов о своем сокровенном желании. Загадал он на Ваську, крепко загадал. Улетит Васька — освободится и он... Загаданное — его тайна, и ничья другая! Глядел он на ворона и пугался иногда. Нет, не смерти он боялся — он желал воли, манящей своей близостью, чтоб последний раз пробежать по заветной балке, где бегал еще мальчишкой, скатиться по откосу к Волге и плыть, плыть, плыть... А там и умереть — благо.

— А что, Батя, тебе пятерик остался. Вместе освободитесь. Будет другом до гроба, и правнукам хватит.

— Дети, — Воронцов криво усмехнулся. — Поздно уже.

— Мой отец родился, когда деду под шестьдесят было.

Воронцов слушал Володьку и снисходительно улыбался: не верил он в свою судьбу, что уж тут о семье говорить. Двадцать два года за колючей проволокой, какая может быть семья. Отсидеть бы спокойно. Ко всему привыкший, он боялся себя, своей натуры. Не верил судьбе, не верил администрации колонии и до упрямства противопоставлял себя ей. С годами, правда, приостыл, поутих Батя, весь отдавался работе, забывался в ней да в дружбе с Сынком и Васькой.

Володька — Сынок — появился в зоне девять месяцев назад и полгода не погулял после первого срока. Впервые попал он по «малолетке»: придрались с дружкой к парню с девчонкой. Девчонку прогнали, а «ухажера» избили, содрали с него часы, джинсы и ботинки.

Давненько Володька мечтал о джинсах, а цены на «толчке» ошалело прыгали, купить их «пэтэушнику» было невозможно. Злорадно приговаривая: «Ишь ты, салага, а еще в джинсах. Небось, папочка купил?!» — Володька напялил джинсы. А самому было столько же лет, сколько и «салаге». Недолго пофорсил он в злосчастных джинсах...

Люди, побывавшие в колонии, болезненно обидчивы и мнительны, им надо научиться контролировать себя, иначе не избежать беды. Задетый случайным пьянчугой, Володька тут же ринулся в драку и... оказался в зоне строгого режима.

Озлобленный, поставивший крест на своей молодости, он, казалось, мог сорваться в любую минуту и натворить бог знает что. Порывистый, нервный, незащитный, Володька напомнил Бате его самого в молодости, и он сумел поладить с ним. «Сынка», как называл его Батя, тянулся к нему. Батя, человек недюжинной силы, пользовался авторитетом среди осужденных. Но не физическая, а иная, сокрытая в тайниках души, нерастраченная сила притягивала Володьку к этому молчаливому, замкнутому человеку.

Васька для Бати и Володьки был не только баловнем души, но и помощником.

В последний раз, когда за незаконный пронос чая в жилую зону Батя сидел в ШИЗО¹, «Сынка» привязал к клюву Васьки пакетик с махоркой, и ворон, который болезненно переживал отсутствие хозяина и днями просиживал на решетке ШИЗО, уставившись в полутемную камеру, сообразил: пролетел в зазор между сеткой, просунул голову через решетку, сбросил в форточку пакетик с махоркой и ликующе закаркал.

¹ Штрафной изолятор.

— Чшь, чш-ш-шы! — Замолчи, окаянный. Узнают — пристрелят, — зло зашипел на него Батя.

Володька заметил, что Батя сегодня в настроении и, осмелившись, спросил:

— Батя, почему тебя называют Квазимода?

Воронцов ухмыльнулся.

— А шрам? — не отставал Володька.

Батя засопел в ответ, и это означало, что он недоволен вопросом. Володька растерянно умолк. Он знал, что Квазимодой Батю называют не только из-за внешности: относились к нему уважительно, без тени насмешки, но что-то еще таило в себе это слово.

— Иван Максимыч! Квазимода! — окликнули с соседней койки. — Айда чай пить. И ты, Володька, подсаживайся.

И пошла по кругу эмалированная кружка с чефиром. Кружек в бараке хватало, но так уж повелось, что пили из одной и только по два глотка. Это единило людей и в добрых и в злых помыслах.

— Максимыч, беда, черные дни наступили, лафа кончилась. Мамочка пришел. Новый отрядный, — выложил Пастушкин. — Подстреленный на одно крыло, рука в локте не сгибается. Замполитом был.

— Ты пей, пей, не микрофонь, — только и ответил Воронцов.

* * *

Василий Иванович собрал у себя в кабинете активистов шестого отряда. На столе лежала стопка актов, которые требовали безотлагательного рассмотрения. Для начала он побеседовал с ними, пытаясь прощупать каждого. А вдруг затесался этакий тихоня — и нашим и вашим готов служить, от такого один вред. Осужденные, хоть и слышались о «мамочке» всяких небылиц, удивлялись его расторопности, его чутью, проницательности, когда он на их глазах точно угадывал, кто нарушил режим, и отправлял виновных в изолятор. Почувствовав, что воспитатель справедлив и требователен, и сами осмелели, стали помогать ему. Все знали, что на днях Терехов по поручению Долбикова избил парикмахера. Но осложнять отношения с Долбиковым никто не хотел. Каково же было их удивление, когда воспитатель вызвал при них Долбикова и сам во всем разобрался. Долбиков вошел в кабинет с подчеркнuto независимым видом и небрежно поздоровался с воспитателем. Василий Иванович кивнул в ответ, глядя на его взъерошенную голову.

— Значит, скоро на свободу? И по звонку? Ведь могли бы на два года раньше выйти. А кто вас так уродливо постриг?

— Известно кто — парикмахер, — буркнул Долбиков.

— А почему Терехов в изоляторе?

— Парикмахера вроде избил. Только при чем тут я? У них свои счета, — возмутился Долбиков.

— А может, в зависимость попал?

— Какая тут зависимость?

Василий Иванович выжидательно посмотрел на актив.

— А ведь напрасно ты говоришь, что не виновен! — пробасил вскоре завхоз Васильев. — Сам слышал, как ты угрожал Терехову, подговаривал его набить морду парикмахеру. А не то, мол, самого отделаю...

Когда осужденный вышел, Василий Иванович немного помолчал, всматриваясь в лица активистов, а потом заговорил:

— А если бы он заставил Терехова, к примеру, убить? Молчите?.. А все потому, что для Терехова не вы, а отрицаловка авторитет! Так что поразмыслите.

Когда все вышли, майор закурил беломорину и задумался: сколько же предстоит сделать, а сутки не растянешь. Главное, надо встряхнуть отряд, надо как-то работать и с такими, как Долбиков.

* * *

После планерки Василий Иванович вызвал на беседу Долбикова. Ему было важно досконально разобраться в том, что произошло в парикмахерской. Но Долбиков юлил, не признавался, держался выходяще.

— Начальник, зубы не заговаривайте! — исходя желчью, кричал он. — Наслушался душеспасительных бесед. Лишь бы выудить побольше, а потом — бац! — птичка в клетке.

Долгий был разговор. В конце концов то ли оттого, что обессилел, то ли оттого, что надо было об этом когда-нибудь сказать, он разговорился и выложил Василию Ивановичу все, что с ним приключилось. Попал он в колонию по глупости — хотел выручить дружка, находившегося под следствием. Освободившись, Долбиков попросил его, уже инженера, помочь устроиться на работу, а «дружок» в ответ расхохотался.

— Семь лет — вот чего стоит ваше «чистосердечное признание», — язвительно заключил Долбиков.

— Какое же это признание?! Вы же соврали суду.

Долбиков растерянно заморгал глазами.

— Ну а второй раз?

— Второй раз умнее стал. Без явки с повинной.

— Значит, не верите теперь никому?

— Не верю! Молодость тью-тью, больше не вернешь.

— Хорошо, устроим вас на завод. Я проконтролирую. Если понадобится — в райком партии пойду.

— Это как понимать, как подарок судьбы? — ухмыльнулся Долбиков, но глаза его посерьезнели.

— Как хотите, так и понимайте. Для меня это работа. Я всегда стараюсь поверить человеку. Так почему же Терехов избил парикмахера?

— Да какое там избиение. Разок ударил, — отмахнулся Долбиков и сам не заметил, как во всем признался: Терехов не выполнил пустячное обещание, а парикмахер будто бы нарочно обкорнал его.

— Значит, сняли штраф с Терехова? Ладно, идите, отращивайте волосы.

Если осужденный не нарушает режим, не попадает в штрафной изолятор, ему разрешается за месяц до освобождения отращивать волосы.

После беседы с Долбиковым Василий Иванович вызвал осужденного Гвоздева, отсиживающего последний, десятый, год. Он помнил Гвоздева, сейчас ему было шестьдесят шесть.

Лет шесть назад его пришлось раньше времени выпустить из штрафного изолятора, куда он попал по пьянке. Кто-то подпоил его, и он куролесил в зоне, до тех пор горланил песни своей молодости, пока контролер не отвел его в ШИЗО. В день шестидесятилетия старика выпустили из изолятора. После этого он уже не буйствовал, большей частью сидел тихо-мирно где-нибудь в уголке и о чем-то

размышлял. Гвоздев на удивление всем не хотел освобождаться. Желание остаться в колонии доводило до иступления. Он все время приставал к начальству. Отчаявшись уговорить кого-либо, припоминал старые грехи, брал на себя нераскрытые преступления, но как назло ничего не подтверждалось.

Старик вошел в кабинет и, сняв шапку, — голова у него была совсем седая — заговорил:

— Ну куда я пойду? Ни дома, ни семьи. А ну как захвораю, кто за мной присмотрит, кто воды подаст? А здесь мне работать уже не положено — шестьдесят шесть. Постель, чистое белье. В год до шести раз диета... Летом поработаю малость сторожем в литейке, деньги опять же откладываются. За еду вычитают как у инвалида. Да и на что они мне, эти рубли, и на что мне эта свобода — ни кола, ни двора? А тут и ребята и еда, — и снова стал перечислять блага, которые предоставляет ему колония, слезно просить, чтобы не вытаскивали на свободу.

— Закон есть закон, — только и ответил Василий Иванович, не находя слов утешения.

* * *

Вывавшись из набегающих тучек, заскользили вдоль трассы солнечные лучи. Дул ветерок, дышалось легко и вольготно. Василий Иванович торопился на железобетонный завод.

В проходной он предъявил пропуск и прошел на территорию. С непривычки защекотала ноздри бетонная и цементная пыль. Крики «Майна! Вира!», лязг колес движущихся кранов, шум моторов, удары кувалд по железным формам — все сливалось в единый гул.

У стеллажей Василий Иванович задержался, разглядывал бетонные площадки — полигоны с пропарочными камерами. Узнав воспитателя, многие осужденные заработали поспоровистее.

Обойдя панельевоз, Василий Иванович заметил, как один из них поспешно сунул под мышку небольшой сверток и, попрощавшись с водителем, поспешил прочь. Он окликнул его, но тот не оборачиваясь исчез между штабелями.

Василий Иванович прошел мимо керамзитобетонных панелей, ригелей, колонн, повернул к пропарочной камере и невольно остановился. Неподалеку тот самый осужденный уже яростно отбивал кувалдой железную форму от прилипшего бетона. Затем он схватил тяжелый вибратор и, ловко орудуя им, утрамбовал бетон в залитой конструкции. Раздетый по пояс, в красной защитной каске, он стоял спиной к майору, и стальные мышцы буграми поигрывали на литой загорелой спине. Мгновение спустя осужденный уже направлялся к небольшому строению из жести, видимо, на перекур.

Тень у входа в бытовку заставила всех настрожиться. Вошел майор Орлов, поздоровался и, обращаясь к Воронцову, спросил:

— Почему не откликнулись, когда я звал?

— Не слышал такого, — удивленно пожал плечами осужденный.

— А что было в свертке? Водка?

— Начальник, водку не употребляю, — как равный ответил осужденный.

— Покажите, что было в свертке.

— В свертке? — ухмыльнулся он и похлопал себя по животу. — Оно уже там, гражданин начальник.

— На наказание напрашиваетесь?

— Это ваше дело. Мне работать пора.

— Хорошо, Воронцов. Зайдите ко мне!

Василий Иванович шел к административному корпусу и уже ничего не замечал по сторонам. Этот шрам... Этот голос... Где и когда они встречались? Память — коварная штука, зачастую подсовывает не то, что надо.

Побывав в дирекции завода, Василий Иванович отправился в райисполком. Его обещал принять заместитель председателя. На официальное письмо об устройстве осужденного пенсионного возраста Михаила Гвоздева в дом престарелых пришел отказ.

И только вечером, когда он подходил к дому, огненное дыхание пережитого обдало лицо: пятьдесят пятый год... Волнение в зоне. Перебинтованная голова Воронцова.

* * *

Воронцов появился в зоне полтора года назад, когда Василий Иванович заболел и на время выбыл из строя. Но встреча с воспитателем взбудоражила и его.

Монотонное лopotание дождя успокаивало Воронцова. И хотя надрывное жужжание вибратора в руках не располагало к воспоминаниям, он напрягал память. Закончив работу, он отшвырнул вибратор и, смахивая с лица струи дождя, припустил к каморке. Уселся на порожке и загляделся на лопающиеся пузыри...

Зоны, зоны, зоны. Строгие, особые режимы. Побег. Воля. Он никак не мог припомнить этого человека. Эта рука, как подбитое крыло... Этот голос...

Знойный летний день. Марево над полем. Невдалеке работает в поле мать. Она вскидывает над головой руку и кричит — земля словно наполняется мелодичным звоном: «И-ва-нуш-ка!».

Слегла мать под конец войны, да так и не поднялась. Отец не вернулся с фронта. И понесло Ивана как перекати-поле по белу свету и выбросило на самые задворки, в самый смрад...

— Эй, Батя, айда париться! — вынырнул Володька из пропарочной камеры.

Попарился, нахлестал себя березовым веником Воронцов и вышел из парилки словно помолодевший. Вместе с Володькой переоделись в чистое и загляделись в просветленное после дождя небо.

Ваську ждать пришлось недолго. Вскоре он оповестил о себе криком «ка-а-а-арр!» и спланировал к ногам Воронцова. Оглядел пустые руки хозяина и обиженно каркнул. Воронцов подхватил с земли камушек, но Васька, не раз таким способом обманутой, перестал каркать и боком, с опаской попятился. Мгновение — и птица в руках Воронцова, еще мгновение — и Володька привязал к лапам плиточку чая, обернутую в черную бумагу, чтоб сливалась в воздухе с Васькиным оперением.

Воронцов внимательно осмотрел Ваську и подбросил в воздух: — Ну, стерва, лети теперь. Да не выбрось заклад!

Васька, резко заработав мощными крыльями, взмыл ввысь и полетел в колонию.

* * *

Василий Иванович внимательно оглядел сидящих перед ним осужденных. Они примостились кто где: на табуретках, на краешках коек. Шушуканье, смешки, начинается, мол, очередная байка о добре и зле.

— Тихо! — начал он. — Моя фамилия Орлов Василий Иванович. С позавчерашнего дня назначен начальником вашего шестого отряда. Отряд, вы знаете, худший по всем показателям. Что будем делать, как жить, работать?

Василий Иванович внимательно оглядел сидящих перед ним людей: да, это они воровали, грабили, насиловали, убивали... да, это их, без оглядки и меры отдавшихся низменным страстям, общество вынуждено было отделить от себя и отделило.

— Но общество не ставит на вас крест, оно ждет вашего очищения, ждет, что вы осознаете свою вину и с полным правом выйдете на свободу.

— Я уже очистился, а меня не выпускают, — не утерпел Барелиус и тут же был выдворен с собрания и направлен на вахту.

— Кто из вас желает освободиться досрочно, поднимите руку.

— Может, ногу? — раздался чей-то насмешливый тенорок.

— У кого нет рук, а тем более головы, может и две ноги.

Закачались от смеха стриженные головы, зло озирались на посрамленного остряка... Вроде простой мужик, этот майор, а за словом в карман не полезет.

— Ну, смелее! Неужели нравится ходить под конвоем!

То там, то здесь неуверенно поднимались руки.

— Да они ради свободы готовы ноги лизать. Мать родную продадут! — с наглой издевкой бросил остряк.

Орлов подошел к нему и вывел на середину секции.

— Фамилия?

— Желобов, — процедил тот, зыркнув исподлобья.

— Как понимать ваши слова, Желобов? По-вашему, стремиться к матери, к семье — значит предавать их? А находиться здесь — проявлять сыновью любовь? Молчите? Да ведь вам на мать наплевать! Именно такой и предаст, променяет ее на разгульную жизнь, останется глух и нем к материнским слезам. Идите на место.

То, что происходило сейчас, было внове. Обычно напакостил — получи! Тут же не просто получи, а с философским довеском в придачу. И довесок так и бьет по совести.

Воронцов взглянул на Володьку. Тот забавлялся с Васькой, подманивая указательным пальцем. И донял-таки! Васька цапнул его так, что Володька вскрикнул и шутя замахнулся на птицу. Но та шутки не приняла и, испугавшись, взмыла под самый потолок секции, огласив ее своды пронзительным «Ка-а-ар».

— Ворона? — удивился воспитатель. А птица уже пилотировала прямо на него. Он едва успел пригнуть голову, и Васька, чуть не задев его крылом, вновь взмыл вверх.

— Васька! Васька! — в отчаянии окликнул птицу Володька.

Раздался хохот, и лица осужденных преобразились в естественной раскованности. А ведь ее-то и недоставало. Такой минуты и ждал Василий Иванович.

Поначалу он возмутился, но вскоре уже улыбался вместе со всеми, широко и простодушно: — Чья птица?

Воронцов поманил Ваську, и тот послушно уселся на плечо.

— Вот дурак, — цыкнул он на ворона. — Мой ворон, гражданин начальник. Виноват, вырвался, шельма.

Василий Иванович усмехнулся и подумал: «Ишь, тезка объявился. Васькой нарекли. Надо бы сказать, что животных и птиц держать в колонии не положено».

Воронцов поглаживал ворону и тоже размышлял: «А отрядный действительно мужик ничего, раз на птицу не наорал. Соображает. Может, и вправду не будет врагом?»

* * *

И пошли у Василия Ивановича дни, похожие один на другой как серые куртки осужденных. Многое он уже успел. Постоянно вникая в жизнь отряда, он ощущал, как непроста она, понимал, как много сил придется положить, чтобы разобраться в тайных, подспудных ее течениях. Выяснил для себя, кто желает досрочно освободиться, встал на путь исправления, а кто настраивается покинуть колонию по звонку. Знал, кто с кем дружит, с кем делится куском хлеба.

На вахте Василий Иванович столкнулся с Долбиковым, который переодевался в вольную одежду. Смущенно застегивая сорочку, из-под которой выглядывала татуировка, изображающая орла и обнаженную женщину, он поблагодарил за то, что получил, как ему и обещал Орлов, направление на работу, и с улыбкой добавил:

— Спасибо, что не оболванили, Василий Иванович,— провел рукой по голове.— Можно теперь по имени-отчеству вас называть? Я, кажись, на свободе. Полноправный гражданин. Искупил вину полностью. От звонка до звонка.

— Можно,— грустно улынулся воспитатель.— Только вот зубы вычисти от чефира. Желая успеха! — И пожал Долбикову руку.

В этот момент в комнату вошла пожилая женщина, вытирая то и дело набегающие слезы. Он поздоровался с ней.

— Один-то сын. Один! И непутевый...

— Хватит, мамаша! Новая жизнь начинается,— хмуро буркнул Долбиков.

Василий Иванович попрощался и направился в отряд. Вызвал в кабинет завхоза и сделал замечание, почему, мол, стенгазета пуста, посоветовал нарисовать загорающего на пляже синего от татуировок Пастушкина. Затем попросил вызвать Воронцова.

Как ни избегал Воронцов встречи с воспитателем, а она состоялась, да так, что он и вообразить подобного не мог. Василий Иванович с ходу напомнил ему далекий пятьдесят пятый год, когда начал отбывать свой срок восемнадцатилетний Воронцов. Услышав слова Орлова, прозвучавшие как гром среди ясного неба, он мгновенно прикрыл рукой покрасневшее, изуродованное шрамом лицо.

...В то время охраняли колонию, стояли на вышках сами осужденные, те, кому доверяла администрация. Самоуправление приводило к немалым бедам. Преступник может возродиться как личность, стать другим человеком или тем, каким он был до того как нарушил закон, только в результате длительной работы над собой или страшного душевного потрясения.

Среди тех, кому доверялось охранять колонию, были и такие, которые, заполоучив карабин, могли, прихватив дружков, совершить побег. Были и провокаторы. Ради того, чтобы поскорее выйти на свободу, они готовы были открыть огонь по каждому, кто вышел из барака, и оправдаться тем, что якобы замышлялся побег. Вот так и подстрелили Воронцова, когда тот отправился к незапретному ручью, протекающему вдоль запретной зоны, чтоб набрать чайник воды. Прозвучал выстрел, пуля попала в камень, рикошетом отлетела в голову и изуродовала лицо. В зоне потребовали суда над тем, кто стрелял, но администрация, до конца не разобравшись, дала повод

для волнений. Осужденные задержали в зоне троих офицеров и потребовали комиссию из Москвы. Зона была оцеплена военнослужащими, на вышках стояли пулеметы, а местные власти боялись сообщить об этом в Москву. И только на третьи сутки из Москвы прилетела комиссия во главе с известным генералом, который смело вошел в зону, и волнения были прекращены, обошлось без жертв. Заключенные, а тогда осужденных так называли, оправдывались тем, что их жизнь постоянно подвергается опасности: сегодня одного подстрелят, завтра другого. Стрелявшего отдали под суд, остальных разослали по другим зонам. Старший лейтенант Орлов, работник областного управления, был среди тех офицеров, которые трое суток провели в зоне. Правда, осужденные создали им такие условия, что они смогли спокойно дожидаться представителя из Москвы.

— Пора бы и освободиться, Воронцов,— заметил майор Орлов.— Смотрел я ваше личное дело. Не радует оно. Грабежи, зона, бунт, побег, опять грабеж, зона, бунт и опять зона. Сколько же можно?! Пора научиться управлять собой.

Воронцов сидел молча, только сжимались и разжимались пальцы-кулышки.

— Одно немного успокаивает, что нарушений стало меньше. Из двадцать два года все-таки никого не убили. Может, хватит? Ведь не восемнадцать же — сорок с гаком.

— Ну ладно об этом,— отмахнулся Воронцов.— Дайте спокойно досидеть срок.

— А я надеялся бригадиром вас увидеть, рассчитывал, что согласитесь на поселение.

Воронцов зло рванулся, чтобы уйти.

— Подождите. Авторитет ваш у отрицаловки меня волнует. Подведут так, что не глядя схлопочете новый срок.

Воронцов засопел, но все же выдал: — Работаю не хуже других! Чего еще надо?

— Не противопоставляйте себя администрации — раз. Птица пусть улетит — два. Поменьше нарушений — три, — перечислил на пальцах Орлов и, вздохнув, добавил: — На первых порах достаточно. Об остальном вместе подумаем. Идите.

* * *

Василий Иванович находился в своем кабинете, когда раздался телефонный звонок. Он поднял трубку:

— Слушаю.

Замполит сообщил, что осужденный Лебедушкин получил травму. ...Произошло это так. Мостовой кран поднял шестиметровую сваю, чтобы погрузить ее на полуприцеп. Свая сорвалась и одним концом придавила ногу стропальщику. Им оказался Лебедушкин — «Сынка», дружок Бати. Монтажка улетела к вышке, а стропа болталась змеей, грозя ударить любого, кто приблизится. Громадину весом полтонны, с натугой что-то выкрикнув, сдвинул с ноги Батя, и «Сынка», истощенно кричащий, оказался у него на руках. Из разбитого сапога ручейком стекла кровь. Войсковой наряд разрешил, не дожидаясь машины, провести Воронцова, несшего Лебедушкина, по трассе к колонии.

Майор Орлов стоял у шлагбаума, когда Воронцов, держа на руках Лебедушкина, в сопровождении двух автоматчиков ступил в зону и направился к санчасти, а конвой остался докладывать начальнику караульной службы о том, как все случилось.

Василий Иванович вызвал инженера по технике безопасности и направился с ним в санчасть. Он видел, как Воронцов, выйдя оттуда, прошел за спортивную площадку и упал в высокую траву. Трава укрыла его, стебли ее сомкнулись над ним, и внезапная мысль пронзила: я косой и страшный, а Володька теперь хромой. И, может, на всю жизнь. Уж лучше бы мне придавило ногу.

Василий Иванович, побеседовав в санчасти с Лебедушкиным, пошел на завод. Он так и не успел зайти домой и попрощаться с сыном — тот ехал с Крайнего Севера в командировку и по дороге заскочил на сутки к родителям. Пришлось срочно подготовить характеристики на осужденных, представленных к досрочному освобождению, а вечером созвать звено, в котором работал Лебедушкин. Ясно, что нарушена технология монтажных работ, и он уже знал виновника. Окинув взглядом шестерых осужденных, стоящих перед ним, он спросил:

— Вы не помните, кто монтажки закладывал и как закладывал?

— Часть я, часть другие, — замялся Пастушкин, видя, что от ответственности не уйти. — А что? При чем тут монтажки, если бетон не высох.

— А при том! Бетон высох, а вот кто монтажку за арматуру не закрепил? Завтра сваю сами ломом раздолбите!

— Я же не специально, а там... смотрите сами.

— И смотреть, и наказывать будем, — приговором прозвучали слова воспитателя.

На другой день к приходу Василия Ивановича Пастушкин, раздетый по пояс, уже заканчивал выдалбливать сваю, и вскоре все увидели, что монтажка не была укреплена за арматурный каркас. Пастушкин растерянно моргал глазами, и воспитатель в который раз прочитал на его выпуклых веках наколку: «Они спят. Не буди». Стоявший возле Пастушкина, он еле сдерживался, чтоб не врезать ему по глазам: «Проснулся? Проснулся?»

Известный балагур и шутник, Пастушкин сознавал, что на сей раз «шутка» дорого ему обойдется. Каждый понимал, что работающий рядом с ним рискует жизнью. Ощутил, как разом все отвернулись от него, и это было самым страшным наказанием, а впереди еще ждали пятнадцать суток изолятора.

* * *

Желобов в злобном настроении часто гонялся за вороном, но Васька не давался ему в руки. На сей раз он — его поздно выпустили из изолятора, все уже ушли на работу — поймал-таки ворона: набросил одеяло, когда тот, прикрыв глаза, сидел на койке Бати. Перехватил крылья, лапы, насильно раскрыл клюв и вталкивал хлеб, смоченный в корвалоле. Васька вырывался, щипался, но силы были неравные, и ворон опьянел. Желобов истошно смеялся, глядя, как пьяный ворон зигзагами летает по секции и каркает, будто песню завел. Потеха могла прекратиться — Васька решил спрятаться под койкой. Желобов, махая одеялом, выгнал ворона из барака.

...Воронцов шел в середине колонны, когда неожиданно раздалось «ка-а-ар». Он вскинул голову и увидел не похожего на себя, петляющего в полете Ваську. Ворон отвлек Батю от единственного воспоминания, которому отдавался он в минуты отдыха. Тогда ему начинало казаться, будто и не с ним все это происходило. Уйдя в последний побег, он долго скитался, пока его не приютила косая Татьяна, единственная женщина, с которой он сблизился и которая недолгое время была его женой. Да и была ли? Две сказочные недели.

Не признался он косой Татьяне, что находится в побеге, а наутро, когда она еще лежала в теплой постели, ушел. Ушел навсегда, чтоб не вернуться, оставив краткую записку; ушел, чтоб вечно вспоминать о ней.

Пьяный глаз ворона все же выхватил его, шагающего в строю, и птица устремилась к нему. Батя полез в карман за хлебом, чтоб покормить любимца.

— Во дает! Даже здесь хозяина разыскал,— похвалил ворона Макеев, да и все с восторгом и удивлением смотрели на пикирующую птицу.

Васька упал на Воронцова неуклюже, еле ухватился когтями за плечо, подался вперед, поводя по сторонам опьяневшим взглядом. Воронцов поддержал его и сразу понял, что ворона напоили. Васька вырывался, хлеба не принимал. Батя решил, что лучше его не тревожить, и тот вырывался... Взмыл и со всей силой врезался в закрытое окно. Разбил его. И остался лежать замертво в проеме окна, среди осколков стекла.

Словно чьи-то костлявые пальцы перехватили горло Воронцова, открытый рот перекосялся. В дверях барака показался смеющийся Желобов и тут же испуганно исчез. Воронцов рванулся вперед и с ревом смертельно раненного зверя бросился из строя, несколькими прыжками преодолел расстояние до дверей барака...

...Еще через несколько минут в сопровождении прапорщика он понуро брел на вахту. И вот она, камера штрафного изолятора.

* * *

Да, Воронцова следовало строго наказать за избиение Желобова, но Василий Иванович решил заступиться. Он понимал — здесь случай особый: птица для этого осужденного с нелепой кличкой «Квази-

мода» была всем. Василий Иванович испытывал сейчас к нему чувство естественной жалости, а жалость часто — плохой советчик. Но она родилась, и превозмочь ее Василий Иванович не мог.

Личное дело Воронцова весило не меньше восьми килограммов. Василий Иванович внимательно просматривал его. Характеристики угнетали своей мрачностью. Вроде бы в человеке не осталось ничего святого, вроде бы и не человек даже, а зверь. А как совместить это с тем, что «зверь» работает за двоих, подобрал и выходил птенца, опекает Лебедушкина?

Внимательно перечитывая характеристики, Василий Иванович хватывал все, что было в них положительного: в одной он, Воронцов, добр, в другой — чуток, в третьей — внимателен к товарищам. Четвертая, восьмая, десятая... крохи его человечности: предан, аккуратен, смел...

И все-таки из этих отрывочных фраз возникал образ в общем-то нормального человека. Василий Иванович отложил дело и поспешил на планерку.

Вопрос о происшествии оставили напоследок, а это значило, что решаться будет он круто и без всяких скидок. Начальник был категоричен и строг:

— Как бы то ни было, но факт остается фактом, и для других он должен стать наукой,— сурово сказал он.— Что думает по этому поводу капитан Корнейчук?

— С июля прошлого года, когда Воронцов прибыл к нам, у него восемь нарушений. Это рецидивист, которого, видимо, по ошибке перевели с особого режима на строгий.

Говорил Корнейчук уверенно, громко, чеканя каждое слово.

— Думаю, что эту ошибку надо исправить. Я с ним беседовал много раз и понял, что ни о каком исправлении он не помышляет. У него нет ни жены, ни детей, ни родственников, ничего такого, что связывало бы его с жизнью на свободе. Кроме, конечно, разбоя, грабежа... В зоне он пользуется большим авторитетом у отрицательно настроенных осужденных, к нему приходят за советами даже из других отрядов...

Корнейчук запнулся, подбирая слова, и сказал:

— Воронцов — мозг отрицательных элементов колонии. Как мы убедились, для него жизнь паршивой вороны дороже человеческой жизни... Считаю, что дело надо передать в прокуратуру.

Остальные офицеры молчали. Начальник колонии, насунив брови, остановил взгляд на личном деле Воронцова. Он понимал, что Корнейчук явно перегнул, но мнения своего пока не высказывал — решил выяснить, что думают другие.

— Ясно,— прервал наконец он паузу и обратился к заместителю по режиму.

— А как вы считаете?

Майор Сомов начал говорить, тщательно подбирая слова:

— Думаю, что капитан Корнейчук забирает слишком круто. С осужденным произошел чисто психологический срыв, что и толкнуло его на необдуманные действия...

Начальник колонии выжидающе посмотрел на замполита.

Артемьев задумался и заговорил не сразу:

— Я согласен с майором Сомовым. Воронцов не совершил преднамеренного преступления. Его, конечно же, надо обуздать, но срок не продлевать.

— Позвольте мне! — поднялся Василий Иванович. — За логичными, вроде бы правильными словами капитана Корнейчука не видно Воронцова-человека, того, чем он живет. Не один день я потратил на изучение личного дела осужденного, и не все там так черно, как может показаться на первый взгляд. К примеру, с каждым годом число нарушений у Воронцова уменьшается. Мне могут возразить, что он поднакопил опыта и поднатерел в различных ухищрениях, потому и не попадает. Но я вижу причину в другом — в том, что Воронцов учится управлять собой. Обида и неверие в нас с вами — вот в чем корень зла! И будет правильнее, если мы не переведем его на тюремный режим, а постараемся как-то воздействовать на него. А нарушения? Так последняя драка была четыре года назад. Что же касается карт, он не играет больше десяти лет... Поймите, я сейчас защищаю Воронцова потому, что верю в него и прошу ограничиться помещением его на полгода в ПКТ¹.

Василий Иванович оглядел всех и закончил:

— А птица есть птица. Все мы любим природу, и нечего тут удивляться, что к ней равнодушен человек, у которого так уродливо сложилась судьба. В общем, я прошу оставить Воронцова в зоне под личную ответственность.

— Я думаю, что мы можем пойти навстречу майору Орлову, — после небольшой паузы подытожил Дожидаев...

Длинный бревенчатый барак, отведенный под санчасть, был разгорожен на две половины, одну из которых занимала амбулатория, а другую — палаты стационара. Володька Лебедушкин, решив, что останется хромым на всю жизнь, заметно приуныл и сгоряча настроил грубое письмо своей возлюбленной Наташе. Письмо, на его удивление, отослано не было, а через несколько дней в санчасть пришел майор Орлов и крепко пожурил его. Когда же врачи заверили, что он еще «отбачает» чечетку на собственной свадьбе, Володька быстро пошел на поправку.

В палате лежали еще трое, двое были слепые. Один, помоложе, которого все называли Мишей, убивший из ревности жену, сидел пятый год и готовился к досрочному освобождению. Второй слепой — Иван Иваныч, своими бурными воспоминаниями вносящий в палату дух казацкой вольницы.

Ослеп Иван Иваныч недавно, на воле у него никого не оставалось. Таких одиноких в зоне набиралось десятка три. Он все мечтал поскорее вырваться на свободу и съездить в Одессу, где ему якобы могут восстановить зрение, а на вопросы, чем он займется на воле, отвечал одно и то же:

— Я вот что вам, дурни, скажу. Пока молоды, возьмитесь за ум, еще не поздно... А работенку я на воле найду, а еще по школам буду ходить на собрания. Детвору люблю. Буду говорить одно: вот перед вами человек — не берите с него пример. И расскажу про всю свою дурь, чтоб неповадно было, пусть на моих ошибках учатся, а не на своих.

Третий осужденный, Филиппов, по кличке «Филиппок», лечил желудок. Пьянство довело его до того, что за отсутствием «градуса» он стал добывать его с помощью центрифуги из клея, изготавливаемого на техническом спирте. Клей применялся для производственных нужд, а Филиппок организовал производство алкоголя и сжег желудок. После лечения его ждал штрафной изолятор.

¹ Помещение камерного типа.

Все четверо сейчас мечтали о стопочке, хотя совершили преступление в пьяном виде. Сахар, который им выдавали, они откладывали, и недели через две у них была бы готова брага, если бы в палату случайно не вошли капитан Корнейчук с майором Орловым.

Они появились, когда Филиппок пытался дегустировать свою бурду. Сорвавшись, капитан Корнейчук наговорил грубостей, пригрозил всей палате наказанием. Майор Орлов был спокойнее, во всем разобравшись и установил, что снова виновен Филиппов.

Когда в палате утихло, Иван Иванович резюмировал:

— Я «мамочку» знаю уже восьмой год. Корнейчук — пурга. Нагрубит, нашумит, но его можно вокруг пальца обвести, а «мамочка» послушнее. Он только один раз поверит. Обманешь — труба.

Володька лежал и смотрел, как за стеклом в полной сентябрьской темени колыхался одинокий фонарь. Тусклые блики скользили то вдоль забора, то по клумбам, выхватывали на миг одинокую березку, отороченные осенней желтизной листья...

Обычно первый снег в этих местах выпадает ночью, а к утру удивляет своей первозданной белизной. Но недолго длится такое. Выглядывает осеннее солнце, и нет уже снега, остается лишь слякоть да оголенная неуютная земля.

Ну, а потом уж держись! Ближе к декабрю в одночасье потемнеет, разверзнется небо, повалит настоящий зимний снег, хрусткий, рассыпчатый, да как завьюжит, как сыпанет в лицо, ударит обжигающий мороз — тогда покрепче запахивай полы телогрейки да поглубже надвигай шапку: не ровен час, унесет.

Однако Воронцову это не грозило: вот уже месяц пребывает он в помещении камерного типа. Худо-бедно, а Воронцов отсчитывает дни-близнецы. Стоя у войлочного круга, шлифует, полирует до зеркального блеска ежедневно до тысячи с лишним деталей, вкладывая в работу всю свою досаду и необузданную ярость, выполняет день ото дня он двойную, а то и тройную норму. Тягостно ему без работы. В обед, когда выведут на час в прогулочный дворик, стоит в вольере, подержится за железные прутья, поглядывая окрест, поднимется тоска, а вместе с ней и злость на себя, на судьбу, а в камере — снова к станку.

Сегодня на одинокой березке, что стоит у запретной зоны, чуть шевельнулся черный комочек и донеслось: «Ка-а-арр». Воронцов судорожно перехватил прутья, не ощущая ни мороза, ни прилипающую к железу кожу ладоней. Долго он простоял так, пока не понял, что это не Васька, который должен был отозваться на свист. Прапорщик за оградой махнул угрожающе пальцем, Воронцов нехотя отошел в сторону. И стал вышагивать из угла в угол.

Не знал Воронцов, что Василий Иванович в это время сидел в штабе и после составления плана наглядной агитации собирался встретиться с капитаном Корнейчуком и повести разговор об отрицательных осужденных, и в частности о нем.

Когда вошел Корнейчук, майор просматривал военные фотографии для стенда «Никто не забыт, ничто не забыто». Капитан присел на стул:

— Давно мы вместе не дежурили. Ночь длинная, и есть о чем поговорить. Может, чайку?

Василий Иванович согласился. За чашкой чая в непринужденном обмене мнениями майору пришлось выслушать капитана:

— Если подстраиваться под них, они могут и не такое сотворить. Вотрутся в доверие, а там поздно будет искать виновного. Так что поймите меня правильно.— Корнейчук отпил еще глоток чая и продолжил: — Поэтому я за неукоснительную справедливость и требовательность. Надо заставить их бояться нарушать закон.

— По принципу «если боится, то уважает»,— улыбнулся Орлов.— Нет. Тут я против. Боязнь и уважение — разные понятия. Мне нравится ваша откровенность на планерках. Но опять-таки хочу заметить главное: живет человек, вроде все ладно, но забредет что-то в душу и сорвется. Вот и думай, где мы тут промашку допустили, недоглядели. Микроскоп придумали, рентген, а в душу с ними не заглянешь... Долбиков освободился, но я уверен — вернется. Была бы моя воля, я его еще на год задержал бы. Каким был, таким остался. В нашем деле главное — не быть рабом логики.

Корнейчук удивленно вскинул брови.

— Да, да, рабом логики, — повторил Орлов.— Это преступно. Логика захватывает, невольно сгущаешь краски и человека не видишь. Сердце, совесть твоя уже молчат. К чему я об этом? Наша цель — перевоспитание. Человек не болванка. Закручивая его, сорвешь в нем последнюю резьбу. Болванку выкинешь, а человека не выкинешь. В злобе может натворить такое, что потом сломаешь голову: с чего все началось?

— Что же вы предлагаете? Это вы о Воронцове?

— Пробуждать совесть и воспитывать характер. И о Воронцове.

— После Ермолаева, может, Песцова поставим бригадиром? — Корнейчук явно уходил от темы разговора.

— Рано еще решать. Здесь надо подумать...

* * *

После ночного дежурства и планерки Василию Ивановичу полагался отдых, но прибыл этап и двух осужденных распределили к нему в отряд. Пришлось побеседовать.

После обеда Василий Иванович отпустил этапников и закурил, в раздумье прохаживаясь по кабинету.

За окном хмурился ветреный день. Отвлек его от дум заместитель по режиму, майор Сомов, который неожиданно вошел в кабинет.

— Хотелось бы поговорить... Скажите, почему вы так защищаете Воронцова? Эти подозрительные письма незнакомке.

Василий Иванович рассказал, что и для него было неожиданно письмо Воронцова. В камере осужденного подзадорили, чтоб он «закрутил голову» незнакомке. Воронцова, видимо, чем-то тронула, задела эта женщина, которую увидел на обложке журнала. И он написал первое в своей жизни письмо на волю. И, на удивление всем, получил от нее ответ. Ответ взбудоражил его. Переписка продолжилась, и в Воронцове, видимо, зажглась искорка надежды. Он стал буквально преображаться.

— Мне о нем совершенно другое говорят, — ответил майор Сомов.

— Догадываюсь. Но нельзя судить по одним приговорам. Приговор — это не каждодневное поведение.

— Приручил ворона, а теперь женщину приручает.

— Это с какой стороны посмотреть. Жизнь наша богаче всякой логики. Помните, у Козьмы Пруткова: «Зри — в корень...» Не кажется ли вам, что ни вы, ни капитан Корнейчук не можете избавиться от предвзятого отношения к Воронцову, не видите этого человека в развитии?

Василий Иванович тяжело вздохнул, открыл ящик стола и протянул майору сложенный листок.

— Читайте это первое письмо Воронцова. Я не поленился переписывать.

«Здравствуйте, Надя!

Ни я вас не знаю, ни вы меня. Вместе с тем я пишу вам. Почему? Я прочитал о вас статью в «Крестьянке», где написано, что вы ветеринарный фельдшер. Значит, вы лечите животных. Но задаю вопрос: можно ли лечить бычков и телят, если рядом есть больные взрослые люди?! Я не в прямом смысле. Бывает, что душа болит больше, чем рана! Конечно, я не больной, не хромой, не косой. Высок, немного урод: лицо располосовано шрамом. А все-таки болен. Ноет душа у меня, что себя обокрал такой красотой в жизни, как вы. Возможно, вы замужем и имеете детей и это письмо вас огорчит или оставит равнодушной. Если я ошибся, то простите за правду, я рад. Человеческие чувства — это море, и поверьте мне, мужику, не выдавшему женщины пятнадцать лет, что если они созревают столько лет и взрываются во внезапно увиденной фотографии, то здесь есть над чем задуматься. О себе много говорить не буду. Женат не был. Женщин видел в основном только на фотографиях. Просто говоря, никогда и никому не писал. А тут увидел вас, провало. Не пугайтесь, я не волк и не убийца. Скажу, что мне сорок один год. Из них двадцать два отбываю наказание. Я просто устал скитаться по тюрьмам, а на воле был всего один год. Хвалить себя не буду, скажу одно: не пью, так как не воля и особо не разопьешься. Деньжата скоплены. Сам работающий. Ответите, буду рад, даже если это и трудно вам сделать. Незнание страшнее отрезвляющей правды. Если муж есть, дайте ему прочитать это письмо. Не стесняйтесь, он поймет, не обидится, если он мужик.

Конечно, что внезапно ворвалось в сердце, не вырвешь, это надежда, как и ваше имя, а надежду вырывать, что рубить дерево на корню. И запомните, что я не какой-нибудь забулдыга и хулиган, пишущий ради красного словца. Раз написал, значит, не мог не написать. Рассудите сами.

Жду ответа.

Иван Максимович Воронцов».

* * *

Вечером, после заседания административной комиссии, когда многие офицеры спешили домой, Орлова попросили зайти в ПКТ (помещение камерного типа). Настроение у него было хорошее, административную комиссию по его рекомендации прошел руководитель отряда Глотов. На воле его ждала большая мать. Добросовестный работник, не имеет нарушений, активист — все говорило о том, что он на пути к исправлению.

В ПКТ к Орлову привели Воронцова. Он весь подобрался, не зная причины вызова, приготовился к обороне.

— Слышал о вашей переписке. Что ж, дело хорошее.

— Деньги хочу отослать Надежде, а она мне не родственница. Не жена. Как быть? — сразу оживился Воронцов, не любивший неясностей.

— Загвоздка, — задумался майор Орлов. — Может, не спешить с деньгами-то, не опережать события?

— Надо помочь! Малец без отца,— уверенно сказал Воронцов.— Вы же читали письма...

— Все это так,— кивнул Василий Иванович.— Ладно, поговорю с начальником колонии. Постараюсь убедить. Но, главное, не подведи меня. Я верю в вас.

— Я же дал слово! — отрубил Воронцов и, успокоившись, спросил: — Почему вы мне во всем верите?

Майор Орлов загадочно улыбнулся:

— На это вы сами себе ответьте. Поразмыслите на досуге. А без веры в человека нельзя жить. Подумайте и о нераскрытых преступлениях...

* * *

Через несколько дней, находясь в промзоне, Василий Иванович отыскал в бригадирской Ермолаева.

— Вы подумали, кого поставить бригадиром вместо себя?

— Трошина... А может, Валевского? — неуверенно предложил тот.

— Нет! — решительно возразил Василий Иванович.— Трошин слишком молод, а Валевский хорош как специалист на своем месте. Так что подумайте еще...

— Тут, я слышал, капитан Корнейчук хочет Песцова поставить бригадиром?

— И что?

— Не уважают его в отряде,— тихо произнес бригадир.— Все больше думает о себе, осторожный такой...

Вопрос о том, кто будет бригадиром, обсуждали на очередном собрании после подведения итогов трудовой недели.

— Вы знаете, что Ермолаев на днях покидает нашу колонию,— начал Василий Иванович.— Своим трудом и поведением он искупил вину и теперь направляется на одну изстроек народного хозяйства. А что, если поставить на его место Воронцова? Уже прошло достаточно времени с тех пор, как он вышел из ПКТ, и работает хорошо. Замечаний не имеет.

Василий Иванович понял, что слова оказались для всех полной неожиданностью. Воронцов—закоренелый преступник, отпетый, конечный человек, и это не укладывалось в сознании ни у активистов, ни у отрицаловки.

Да и сам Воронцов опешил, не знал, как реагировать на услышанное. Его охватило смятение, потом желание сопротивляться: «Нет! Этого никогда не будет!» Но именно в тот самый момент он словно споткнулся о взгляд Орлова. Тот смотрел на него с добрым прищуром и в то же время требовательно.

В помещении наступила неожиданно тишина. По лицу Воронцова начальник отряда прочел все, что тот сейчас испытывал, и, не дав ему опомниться, сказал:

— Воронцов, ваше мнение потом. Пусть сначала выскажутся другие.

— Он работу знает,— начал Ермолаев.— Уважают его...

— Главное — «стаж» большой,— не без иронии бросил Пастушкин.

Большинство осужденных одобрительно загудели. Доволен был и Василий Иванович, на то он и рассчитывал — предложение обескуражило Воронцова, но соответствовало интересам отрицаловки: ведь Иван для них свой. Воронцову не откажешь в умении да и желании работать. А если учесть, что он лидер, авторитет, то сможет взять

бригаду в руки. Возможно, тогда и сдвинется сознательность отрицательки с мертвой точки.

— Теперь давайте проголосуем. Кто за? — призвал Орлов.

Руки большинства осужденных стремительно взлетели, другие потянулись нерешительно, третьи — будто через силу.

Март — утро года, так окрестил Воронцов первый месяц весны, будоражащей мысли и чувства. Работа захватила его так, что и не заметил, как в будничной круговерти дел прошла неделя. Вечером, накануне отъезда Ермолаева, бригада устроила проводы — сидели пили чай. И в это время Воронцова вызвал Орлов.

— Ну вот, можно считать, ты теперь настоящий бригадир. Руководить людьми, конечно, нелегко, по себе знаю. Особенно поначалу.

Воронцов слушал молча, не перебивая, лишь изредка останавливался на майоре заинтересованный взгляд.

Василий Иванович говорил так, словно перед ним сидел близкий человек и он делился с ним своими мыслями. Воронцов почувствовал это.

— Конечно же, и теперь еще не все удастся. Далеко не все, — вздохнул Орлов. — Долбиков уже совершил преступление по новой. Вы, наверное, уже слышали... Вот и задаюсь вопросом: а что будут делать на воле, к примеру, Пастушкин, Макеев, Желобов, да и многие другие из вашей братии, как считаете?

— Сложный вопрос...

— Вот так-то, Иван. — Орлов нервно постукивал пальцем по начатой пачке «Беломора». — И обрати внимание на наряды. Я сейчас по горло занят текучкой, руки не доходят до вашей зарплаты.

«Вот она, жизнь, как повернулась, — неожиданно подумалось Воронцову, когда он находился в бригадирской. — Свой кабинет, письменный стол... Скажи кто-нибудь об этом полгода назад — плюнул бы в глаза. И столько доверия и с одной, и с другой стороны. Как на распутье».

Василий Иванович прошел в комнату общего свидания, где осужденные в отгороженных оргстеклом кабинках в течение часа общались по телефону с родственниками. Василий Иванович сразу заметил радостное лицо Лебедушкина, говорившего с Наташей, которая, не слушая родительских запретов, все же приехала.

По письмам Василий Иванович знал, что Владимир спас Наташу от назойливых приставаний каких-то двух пьяных ухажеров. Дружба их продолжалась недолго — Владимир опять попал в колонию. Но отношения продолжались.

«Колесо», как величали Колесова, сидел вечером в окружении Воронцова, Лебедушкина, Канделаки и другой «братии». Он рассказывал очередную прибаутку о происхождении «фени», таких слов, как «кент, ксива, мазя, нещтяк», вспомнив при этом Шекспира. Раздался взрыв хохота, и никто не заметил, как вошел начальник отряда. Он попросил вызвать к нему Сорокина. Того отыскивали лишь перед отбоем, и Василий Иванович решил поговорить с ним завтра, на объекте.

Каково же было его удивление, когда он, обойдя открытые полигоны для заливки бетона, увидел, что на рабочем месте нет ни Пастушкина, ни Сорокина. Он подошел к одной из пропарочных камер и увидел, как Воронцов ломом вскрывает форму, попутно давая указания звеньевому Лисину. Воронцов его не заметил, он, подтянувшись на руках, выпрыгнул из пропарочной камеры и заспешил на соседний полигон, где заливали кольца. Работа ювелирная, не глядишь — оставишь пустоту. Воронцов умело держал вибратор и управлял сердечник. Майор Орлов наблюдал за ним, стоя у стеллажей. Вдруг что-то коснулось его ног, и он увидел собачонку. Лохматый щенок доверчиво принюхивался к сапогам, виляя хвостом.

— Гуляш, Гуляш,— позвали из-за стеллажей, и щенок побежал, играя толстенным тельцем, на голос.

Василий Иванович пошел за щенком и столкнулся с корейцем Кимом, отбывавшим наказание за изнасилование. Тот испуганно встrepенулся, прищурился, зрачки глаз у него сузились, и наконец-то растерянно поздоровался.

— Странная кличка у собаки. Ваша?

— Да нет,— заюлил тридцатилетний Ким.— Водитель привез. Скоро заедет за щенком.

— Сколько щенку?

— Четыре месяца, гражданин майор.

— Отдайте щенка обратно! Не обманываете? А то мой Полкан постарел, некому лаять во дворе.

Кореец доверчиво заморгал ресницами:

— Водитель придет — отдам.

— А почему не на рабочем месте?

— Бригадир велел пересчитать ригеля для вывозки.

— Идите. Пойдите. Щенку надо бы дать собачью кличку..А то придумали съедобную. Гуляш — как-то непристойно.

Майор Орлов разрешил идти. Щенок, то и дело оглядываясь на майора, побежал за хозяином и скрылся среди стеллажей.

Майор Орлов подозвал Воронцова и без обиняков сказал:

— Бригадир должен в первую очередь следить за людьми. Работа должна быть на втором плане. Где Пастушкин, Сорокин?

Воронцов кинулся было идти искать, но начальник отряда велел проверить заливку ответственной конструкции двенадцатиметровой плиты перекрытия, а сам направился в административный корпус.

Приближалось время обеда, и Василий Иванович решил осмотреть раздевалку. Пройдя длинный коридор со встроенными вдоль стены ячейками для переодевания, он прошел в душ и увидел примостившегося у батареи Пастушкина. Судорожно дергаясь, он раскладывал перед собой веер карт с обнаженными женщинами. Почувствовав, что кто-то вошел, он попытался одним махом собрать карты и набросить на себя телогрейку. Но от движения воздуха пиковая дама с пышной грудью опустилась осенним падающим листом у ног начальника отряда.

— Бесстыдник... Порнография! — возмутился Орлов, и посыпалась серия вопросов. Пастушкин, глупо тараща глаза, ответил:

— Это однография. Порнография — это когда на картинке он и она.

Пастушкину пришлось признаться, что картинки ему дал один из вольных водителей, через которого он раньше от матери получал деньги. А за отлынивание от работы и порнографию он отправился в штрафной изолятор.

Вскоре прозвучал гонг, начался обед. Василий Иванович зашел на четвертый этаж к заместителю директора завода. Когда он подошел к кабинету, оттуда слышался чей-то голос. Он постучал. За дверь наступила тишина. Он еще раз постучал, мгновенно сообразив, что что-то не так. Майор, имитируя шаги, сделал вид, что уходит. Через несколько минут тихо щелкнул замок, и в открытую дверь высунулась лысая голова Сорокина. Столкнувшись лицом к лицу с Орловым, Сорокин ретировался, отдал начальнику отряда ключ и нехотя стал оправдываться. Он путался, пытаясь объяснить, как изготовил ключ, зачем проник в кабинет. Майор протянул ему письмо из Ростова, которое вызвало у него подозрение. В послании туманно сообщалось, что какая-то Мария Грошева должна ему, Сорокину, в чем-то помочь, а за остальным делом не станет. Сорокин на ходу придумал, что Мария — это его любовь и он хочет с ней расписаться, а в колониях бракосочетание не запрещено, и категорично отрицал, что с кем-то говорил по телефону. Он-де молился. Читал вслух молитву. Ведь сегодня был церковный праздник — день благовещения Пресвятой богородицы, и надо замалчивать грехи, чтоб очиститься и пораньше выйти на свободу. Сидя перед начальником отряда, ему все же пришлось очищаться от грехов в своих объяснениях, как изготовил ключ и как собирается жить дальше.

На воле Сорокин совершал кражи автомашин, и только марки «ГАЗ-24», наряжался в милицейскую форму и, украв очередные три машины, присваивал себе по звездочке. Угнав семнадцать машин, он «дослужился» до звания «майора» и, конечно, оказался за колючей проволокой.

— Так, значит, «майором» на воле были,— заметил Орлов. Сорокин опустил голову с залысынами.— Почему так скромно? Можно было и подполковником стать.

Сорокин натуженно сопел.

— Как же вас раскрыли-то? — Орлов знал, что Сорокин прекрасный мастер подделывать документы.

Тот кашлянул в кулак:

— Да баба одна сглазила. Я ее для солидности в машину, а она «явку»¹ написала. Если в деле женщина, значит, могила.

— А теперь жениться решил? — удивился Орлов.— Посылочек, свиданий захотелось?

— Это мое дело, гражданин майор. Я, может, перед ней виноват и вину хочу искупить,— быстро ответил он.— Поэтому и в бога уверовал, и молюсь. А в актив по религии нельзя вступать.

В тот же вечер пришлось Сорокину идти в штрафной изолятор и отсиживать пятнадцать суток, где он мог ежедневно молиться и соблюдать через день пост. Но в изоляторе Сорокин уже забыл о боге. Он вспоминал о нем по необходимости и стал искать свой единственный шанс: не собирался он покоряться судьбе и отсиживать двенадцать лет.

* * *

В разговоре с Василием Ивановичем Желобов не раз ссылался на романтику преступного мира. При этом он оправдывал свои преступления социальной несправедливостью. Ершистый осужденный порой просто не хотел выслушивать начальника отряда. И все доводы о

¹ Явка — явка с повинной, чистосердечное признание.

добре и зле, будто горошина, отскакивали от упрямой стены. Василий Иванович решил вспомнить историю и рассказать о социальных причинах зарождения воровства. Но беседу начальник отряда начал с другого. Желобов зло прищурился, отвечал смело, но, когда тема коснулась главного, задумался.

— Много я не буду рассказывать. Скажу одно, а вернее, хочу спросить главное. Вот если бы война началась, пошли бы воевать за Родину или нет?

Желобов удивился, затем вспомнил себя мальчишкой, играющим в войну в форме красноармейца, заботливо перешитой матерью ему, десятилетнему мальчишке, из остатков дедовского обмундирования.

— Ну, конечно, пошел бы. Может, я героем был бы, а эти тихони в плен бы посадавались,— возмутился Желобов.

Василий Иванович добродушно рассмеялся.

— Вот вы и ответили на все наши вопросы. Вы нарушили первую заповедь вора, и вам, как советскому гражданину, лучше отказаться от пережитка прошлого.

Желобов, слушая начальника отряда, не знал, как реагировать, и от растерянности и удивления раскрыл рот. Он уже походил на мальчишку, застигнутого врасплох, хотя ему было уже двадцать восемь.

Оказывается, он и не знал, что воровство как идейное направление родилось до революции как дочернее течение анархизма и было протестом против социального неравенства. И пережиток прошлого после революции не сразу был вырван с корнем. Во время войны для многих наступило прояснение, когда горе народное коснулось и преступного мира. Многие преступники надели погоны и с честью защищали Родину. А после войны тяга к легкой наживе осталась, возвращались в лагеря, и здесь произошел раскол в течении воров. Те вору, кто воевал за Родину, стали зваться «суками» и были отвергнуты ворами-«волками». Ибо для сук, собак есть дом. Родина, которую надо защищать, а бездомные волки... Волка ноги кормят, а не дом. Перечислив глупые заповеди воров о том, что вор не должен иметь ни прописки, ни семьи, ни дома, ни работы, одно гастролерство и малину, Василий Иванович все же вбил в Желобова главную идею, что воровство сродни злу, а не добру. Желобов сидел поникший и пока не хотел понять, что никакой жизненной правды за воровской идеей нет, осталось лишь одно глупое бахвальство. Коснулись и сегодняшней темы «неоворов», и Василий Иванович уже без труда отвечал на все вопросы, посоветовав осужденному быть человеком, слушать людям и не быть волком.

Желобову, как он ни противился, пришлось надолго задуматься.

* * *

С особым волнением Воронцов ждал свидания с Надеждой и ее сыном Федькой и не верил, что может увидеть их воочию. Боялся и того, что Надежда, увидев Воронцова, испугается... Он как мальчишка последние дни потирал шрам в надежде, что он станет приметнее и, отчаявшись, замыкался. Не верил он и Володьке, и другим, кто говорил ему, что шрам не уродует его, а, наоборот, даже красит. И правда, привыкнув к лицу Воронцова, шрам не утешал, а делал его лицо более мужественным.

Но вот и настал день свидания, и Воронцова будто придавила к земле тяжесть-кручина.

* * *

На вахте Василий Иванович пригласил в кабинет приехавшую Надежду Карпову, оставив Федю порезвиться в коридоре с другими детьми.

— Я знаю, что вы можете разочароваться,— немного сконфужено произнес майор Орлов.— Но все равно спасибо вам.

Надежда сбросила с головы платок, обнажив аккуратный пробор.

— Только прошу вас, поделикатнее с ним. Он только сейчас обрел веру в себя. И все же... Жалость тоже неуместна.

Надежда смотрела прямо, строго и сказала:

— Тут дело не столько во мне, сколько в сыне. Он повлиял на мальчика. У них возникла своя переписка... Сидит вечерами, собирает высланный Иваном конструктор.

Надежда от своего признания смутилась и зарделась. Василий Иванович задумался над тем, как вот эта женщина взяла и перетряхнула Воронцова в своих письмах, и будто заново рождается человек.

* * *

В длинной комнате общего свидания осужденные вмиг разбежались по кабинам, радостно захохотали, а Воронцов все собирался с духом. Он казался в эти мгновения самому себе страшнее черта, но отступить уже некуда. Еще шаг — и перед ним кабина, телефон, а за оргстеклом — испуганный взгляд Надежды. И лопнула со звоном, оборвалась внутри него натянутая струна. Он машинально провел ладонью по шраму, прикрыл левый глаз и попытался улыбнуться. Но Надежда окаменела. В соседних кабинах хохотали, причитали, всхлипывали, а они все не решались заговорить. Федька быстро сообразил, что надо поднять трубку, но Воронцов не спешил, все глядел и глядел на Надежду, такую родную и желанную, а сейчас отчужденно-недоступную.

Надежда глядела на него, и зародившееся с первого взгляда чувство невосприятия этого человека крепло с каждой секундой. Он оказался не таким, каким не раз представлялся во сне. И бережно взлелеянная за семь месяцев мечта о тихом семейном счастье рушилась с неотвратимой силой, оставляя взамен одно леденящее слово — чужой!

Да, все оказалось совсем не так, как думалось, как загадывалось.

— Дядь Вань, мы приехали к тебе.

— Молодцы, я очень рад! Как, мамку слушаешь?

— Слушаю,— засмеялся Федька, с пугливой уважительностью поглядывая на его шрам. Федьке Воронцов нравился.— А чего тебя не отпускают домой?

— Ты лучше расскажи, как конструктор поломал,— улыбнулась Надежда, и Федька принялся объяснять, а она все глядела на Воронцова широко печальными глазами, в которых угадывалась и острая жалость! Воронцова это угнетало. Он спешил переключиться на Федьку, с которым становилось легко и просто. Когда же Федька заметно исчерпал свои впечатления, Надежда мягко, но уверенно отобрала у него трубку.

— А теперь давай-ка я поговорю...

Воронцов уловил в трубке ее горячее дыхание, и голова пошла кругом, будто прикоснулся к ней. Наконец она с придыханием заговорила, а у Ивана предательски повлажнели глаза, и он стал тереть лоб, стараясь прикрыть свою слабость. Надежда глядела на его стриженую голову, на схваченные густой сединой виски — все вдруг помутнело, расплылось, словно не ее глаза застила пелена, а кто-то бездумный облил водой оргстекло, за которым склонил голову в ожидании приговора своей судьбе одинокий человек. Ее пронзила до боли жгучая жалость к нему, удушливым обручем стиснула горло:

— Ты успокойся, Иван... Тебе можно все это передать?

Он, пересилив себя, поднял голову:

— Можно, Надежда. Спасибо тебе...

И они начали говорить по-будничному просто, словно старые друзья-приятели, которые давно не виделись. Потом трубку вновь выхватил нетерпеливый Федька:

— А ты к нам приедешь?

— Приеду, приеду,— успокоил его Воронцов.— Обязательно приеду! — Он взглянул на Надежду и пожалел о таком наглом, как ему показалось, обещании, но та лишь улыбнулась краешком губ.

Тут предупредили, что свидание подходит к концу, и Надежда выхватила у сына трубку:

— Ты, Иван, побереги себя... Мы будем тебя помнить...

А Воронцов, словно прощаясь навечно, неотступно следил за каждым ее жестом, за каждым движением губ, старался приметить каждую черточку ее красивого лица, чтобы унести с собой в памяти и сберечь на долгие годы. Он глядел на нее изучающе открыто и уже не стеснялся.

Телефон отключили на полуслове. Федька ему еще что-то кричал, прилипнув носом к оргстеклу, но слов не разобрать. Надежда, обхватив руками уголки цветного платка на груди, застыла в молчании, неотрывно глядя на него. Воронцов взмахнул напоследок приветливо рукой и, пятясь, покинул кабинет.

Он знал, что такими они запомнятся ему навсегда. Мать и сын, печально и серьезно взирающие на него не как на преступника, а как на человека, попавшего в беду.

* * *

Рыхлый снег легко проваливался под сапогами на спортивной площадке, куда забрел Воронцов. Он свернул с дорожки и, проваливаясь по колено в снегу, торил путь к одинокой скамейке у турника. Ему хотелось уединения, чтобы успокоить себя, переосмыслить и пережить все заново.

Он сгреб ладонью снег со скамьи и тяжело плюхнулся на нее, пытаясь прийти в себя. Одна выкуренная сигарета, вторая, третья, но обрести душевное равновесие не удалось. И он так сидел, тупо уставившись в волглый снег. В душе неизъяснимая горечь. Тут в пору другому бы завывать, облегчить свои страдания. А он сидел не шелохнувшись, тело сковало тупой окаменелостью. Знает он — потеряна Надежда, и ее имя — символ оставшейся жизни.

Неизвестно, сколько бы он так просидел, если б не Володька. Он, видать, давно его разыскивал. И завидев Воронцова, ринулся напролом по снежной целине к скамейке. Молча присел рядом, ни о чем не спрашивая. Он уже уловил настроение Бати и обо всем догадался. А спустя время тихо попросил:

— Пойдем, Батя, чайку попьем. Простудишься ведь...
Воронцов глубоко вздохнул, с трудом, точно больной, поднялся и пошелся, чуть пошатываясь, за Володькой в барак...
В барак его ждал начальник отряда майор Орлов.

МИНИ-ДЕТЕКТИВ

УБИЙЦА И ПРИВИДЕНИЕ

В Бостоне средь бела дня была ограблена богатая квартира, расположенная на одной из центральных улиц города. Грабитель задушил хозяйку — двадцативосьмилетнюю жену американского консула, приехавшую из Японии, чтобы родить ребенка на родной земле. При вскрытии было установлено, что женщина беременна двойней. Получалось, что убийца лишил жизни сразу трех человек. А мог лишить и четвертого — шестилетнюю дочь консула, которая вовремя спряталась за портьерой и стала невольной свидетельницей ужасной сцены.

По подозрению в совершении этого тягчайшего преступления полиция задержала рецидивиста Джэффа Гоффера, в котором маленькая Бэсси опознала убийцу своей матери. Других улик раздобыть не удалось. Преступник между тем категорически отрицал свою вину, а когда следователь на него особенно наседали с вопросами, меланхолично зевал и советовал ему вместе с сыщиками убираться ко всем чертям. Так продолжалось три месяца.

Полиция Бостона все же была убеждена, что Джэфф и есть убийца. Но для привлечения его к суду доказательств явно не хватало. Мало ли что может сказать маленькая перепуганная девочка! Тогда один из сыщиков, некий Чернз, придумал, как можно заставить Гоффера сознаться. Он проведаль, что арестованный — человек малограмотный, а потому очень суеверный. На этом и решил сыграть блюститель закона. Он раздобыл одну из последних фотографий убитой и заказал с нее кинофильм. Фотоснимок при пересъемке на киноленту время от времени слегка поворачивали, поэтому при воспроизведении пленки казалось, что молодая женщина на экране движется и даже говорит.

Ночью, когда Гоффер безмятежно спал, в стене его камеры были просверлены два отверстия, в одно из которых просунули объектив «кинопроектора», а в другое — микрофон усовершенствованного диктофона, улавливающего и записывающего каждый даже еле слышимый звук. Затем в камеру напустили пары магния, безвредного для человека, и включили проектор.

Разбуженный шумом Гоффер проснулся и увидел, что в воздухе у противоположной стены камеры колышется фигура убитой. Тут же раздался глухой голос:

— Зачем ты убил меня, Джэфф? Бог не простит тебе этого злодеяния! Ведь ты погубил еще и двух ни в чем не повинных малюток!

За привидение говорила приглашенная Чернзом женщина, стоящая за дверью камеры. Присутствие в воздухе паров магния придавало темной камере, которую прорезал яркий луч, особо зловещий вид.

Гоффер пришел в неопределимый ужас и стал умолять привидение простить его, но оно продолжало парить в воздухе, храня гробовое молчание. Тогда убийца начал в истерике кататься по полу камеры, оправдываясь перед убитой и неосознанно раскрывая при этом подробности совершенного преступления. А диктофон записывал каждое его слово.

Гоффера привели в чувство, а потом вызвали на допрос. Он был так потрясен встречей с привидением, что во всем сознался. Теперь в руках полиции было достаточно улик.

Е. ИЩЕНКО

ЗАКОН ПРОТИВ РАЗВОДОВ

Статистика браков и разводов в Венгрии вряд ли отраднее, чем в других европейских странах, включая СССР. Например, в 1986 году в стране было зарегистрировано 72 500 браков и 30 тысяч разводов. Получается, что распадается каждый второй брак. Вряд ли обрадуют и такие цифры: с 1980 года число заключаемых браков в Венгрии сократилось на 20 процентов. Растет число неполных семей. Сейчас 15 процентов венгерских детей живет в семьях с одним родителем. Кроме того, вследствие неурегулированных семейных обстоятельств насчитывается более 30 тысяч детей, находящихся на государственном обеспечении; 40 процентов малолетних преступников — дети разведенных родителей.

Конечно, причин создавшегося положения много. Не о них сейчас речь. Речь пойдет о том, как в Венгрии пытаются решать проблему разводов юридическим путем. При этом неизменно подчеркивается, что право может играть лишь ограниченную, вспомогательную роль в урегулировании отношений двух людей в браке.

С 1987 года в Венгрии вступили в силу новые положения Закона о браке и семье, принятые Государственным собранием страны. Какие же цели преследует изменившееся законодательство о семье, что ждут от него юристы?

Моя собеседница — адвокат Жужанна Поша выделяет два направления. Первое — стимулирование к принятию более обдуманных решений в вопросах брака. Для этого возрастной предел для вступающих в брак женщин повышен с 16 до 18 лет (для мужчин этот возраст и ранее составлял 18 лет); срок обязательного ожидания перед заключением брака продлен до трех месяцев; приняты также конкретные положения, касающиеся системы консультаций для вступающих в брак, и введено предваряющее бракоразводный процесс заслушивание в суде. Все это, по мнению специалистов, должно заставить вступающих в брак, как говорится, «семь раз отмерить»...

Что значит заслушивание в суде? Как говорит Жужанна Поша, это совершенно новое положение. В отличие от прежней практики в этом акте не могут участвовать ни юридические представители разводящихся сторон, ни народные заседатели. Судья встречается с супругами с глазу на глаз. Его задача проинформировать их, имеется ли юридическая возможность для расторжения брака и с какими последствиями сопряжен развод. Таким образом, еще до формального начала процесса — официальной подачи заявления о разводе — супруги поделятся своими проблемами, приведшими к такому решению. Вполне вероятно, что такая возможность для кого-то станет шагом к примирению.

Кроме этого, измененный закон о браке и семье уделяет больше внимания имущественно-правовым вопросам, касающимся семьи. Сейчас в Венгрии в собственности населения находится 20 процентов национального достояния. Взрослый венгерский гражданин рас-

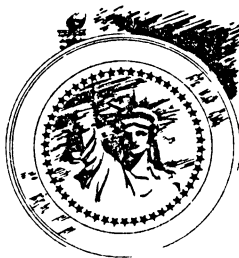
полагает собственным имуществом (земельный участок, квартира, автомобиль, мебель, драгоценности и т. д.), в стоимостном отношении отвечающем доходу за шесть—десять лет. Как правило, больше всего проблем при разводе возникает по поводу раздела имущества. Новый закон предусматривает заключение имущественно-правового договора, что-то вроде брачного контракта, в котором при вступлении в брак будущие супруги регистрируют, кто из них является собственником тех или иных вещей совместного имущества. Если супруги пожелают, они могут договориться о том, что приобретенное вместе имущество не обязательно будет общим, любая из сторон может сохранить за собой отдельное имущество и в своих интересах распоряжаться им. В дальнейшем развод по обоюдному согласию сторон будет возможен лишь в том случае, если стороны договорятся не только расторгнуть брак и придут к соглашению о судьбе детей, но и разделят имущество. Некоторые полагают, что это усложнит расторжение брака. Ранее при обоюдном согласии можно было развестись сравнительно быстро, за несколько месяцев, однако дело о разделе имущества иногда затягивалось на долгие годы.

Но если все же семью спасти не удалось и ребенок остается без того или другого родителя, то новый закон призван обеспечить прежде всего интересы и права ребенка. В будущем все существенные вопросы, касающиеся детей (выбор фамилии, места жительства ребенка, учеба и выбор профессии), родители должны решать вместе и после развода. Суд предоставляет родителям право решать по взаимному согласию, в какой форме живущие отдельно отец или мать будут поддерживать связь с ребенком (право на свидание сохраняется). В обоснованных случаях суд и только суд, подчеркивает моя собеседница, может лишить отдельно проживающего родителя права на поддержание контактов с ребенком. Вопрос о том, с кем из родителей остается ребенок после развода, решается с преимущественным учетом интересов ребенка.

Что касается одной из наиболее «больных точек» — алиментов, то отныне разведенные родители платят на одного ребенка не одну пятую часть полных и регулярных доходов, а 15—25 процентов заработка, получаемого на основном месте работы. При этом учитываются потребности ребенка и тщательно исследуется материальное положение воспитывающего его родителя. В этом решении реализуется и защита интересов родителя, который оставляет квартиру ребенку и бывшей жене и платит алименты. Дело в том, что родитель, оставивший квартиру, зачастую оказывается в трудном положении. Учитывая это, в дальнейшем жена или муж, сохранившие право на квартиру, должны заплатить ушедшему значительную компенсацию: треть стоимости жилья, поскольку, по закону, одна треть принадлежит ребенку (детям) и одна треть оставшейся стороне.

В последние годы в Венгрии было принято немало законопроектов, касающихся семьи и воспитания детей, включая меры в области здравоохранения, социального страхования. Изменение Закона о браке и семье дополнило эти меры защитой единства семьи.

Ф. ЛУКЬЯНОВ,
специально для «ЧиЗ»

ПРЕЗИДЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ — ВЗАЕТЫ И ПАДЕНИЯ, ИЛЛЮЗИЯ И РЕАЛЬНОСТЬ

Странная, поддельная, иллюзорная — примерно такие определения использовали американские журналисты, пытаясь дать характеристику нынешней избирательной кампании в США. Почему? Коротко ответ мог бы прозвучать так: нынешняя предвыборная кампания оказалась обделена истинными лидерами, истинными страстями и истинной борьбой вокруг острейших проблем, стоящих перед Америкой. Видимо, есть смысл поразмышлять об этом и более подробно, «в деталях».

«Деталь» первая — и достаточно очевидная. Ни один из участников кампании не мог претендовать на роль явного «фаворита публики». Ни один не смог предложить радикальных программ, новых идей, которые вдохновили бы нацию, разбудили мысль и воображение избирателей, определили ход борьбы. И ни один из них, увы, не обладает столь мощным личным обаянием и политической страстью, какие знала Америка у братьев Кеннеди и Мартина Лютера Кинга. Страна испытывает острую тоску по сильной яркой личности.

Отсюда длинные ностальгические статьи, приуроченные к двадцатилетию убийства «Бобби» — Роберта Кеннеди. Отсюда всплеск эмоций в адрес убитого тогда же, двадцать лет назад, М. Л. Кинга. И практически единственный человек, породивший вокруг себя атмосферу окрыленности — негритянский проповедник Джесси Джексон, — в значительной мере обязан этому своей прямой причастностью к судьбе Кинга.

В результате недавних опросов общественного мнения вдруг выяснилось, что сегодняшние американцы не способны назвать в качестве своих «героев», «кумиров» никого, кроме «Бобби» и Кинга. Последние двадцать лет последовательно обрушивали на рядового американца только разочарования в своих политических лидерах — вплоть до «ирангейта» Рональда Рейгана. (К слову сказать, за годы его правления более ста высокопоставленных правительственных чинов было уличено в незаконных махинациях и изгнано в отставку.)

«Деталь» вторая — возможно, самая существенная. Эта избирательная кампания, особенно на своем начальном этапе, была на редкость аморфна, бессодержательна. Америка еще очень хорошо помнит, какими яростными были предвыборные баталии шестидесятых годов, какие страсти кипели вокруг вьетнамской трагедии и движения за гражданские права негров. Существовали «лакмусовые» вопросы, ответы на которые сразу проявляли позиции кан-

дидатов в «отцы нации», отбрасывали их на тот или иной полюс политической борьбы.

Конечно, и сейчас есть «водораздел» между позициями двух партий по очень серьезным проблемам — как внутри-, так и внешнеполитическим. Зато гораздо труднее сформулировать различия между конкурентами внутри партий. Проблемы наркомании, СПИДа, бездомности, дальнейшего повышения налогов, кризиса системы образования, наступления иностранного капитала столь очевидно остры, что каждый, кто помышляет об успехе на гоночной трассе выборной кампании, спешит многократно заявить о своей готовности если не покончить, то неустанно бороться со всеми этими бедами. Практически каждый стремится доказать, что именно он сможет одолеть наркоманию и СПИД, почти каждый клянется, что не будет повышать налоги — или будет, но только в самом крайнем случае...

«Их речи звучат многозначительно,— пишет журнал «Ю. Эс. Ньюс энд Уорлд Рипорт» о претендентах на президентское кресло.— Они прекрасно описывают проблемы первостепенной важности, но обычно предлагают лишь третьесортные решения этих проблем. Они говорят либо одно и то же — либо вовсе ничего». «Было бы ошибкой считать, что права на президентство можно автоматически добиться, выиграв определенное число первичных выборов,— вторит журнал «Тайм».— Такой выигрыш всего лишь заставит остальных избирателей прислушаться к голосу претендента на главный приз. Суть же в другом — чтобы было что сказать!»

А ПРЕТЕНДЕНТЫ КТО!

Вот этой самой сути и не хватало большинству тех, кто вступил в гонку весной 1987 года. А потому — «на безрыбье» — вместо соревнования идей и борьбы позиций любопытствующий зритель много месяцев подряд мог наблюдать с помощью телеэкрана или страниц журналов и газет за конкурсом на самую «безгрешную» биографию и чуть ли не пролетарское происхождение, самый солидный послужной список и самую добрую репутацию семьянина, самую безоблачную улыбку и самую эффектную фотографию. Мелькают снимки возможных кандидатов в лидеры нации: Гор рядом с мощным быком, Буш в кабине бомбардировщика, Хейг с поросенком в руках, а Дукакис на фоне изящной лошадики. «Свои в доску» ребята. Впрочем, этими играми здесь мало кого удивишь, они вполне традиционны для американских избирательных кампаний.

Традиционно и многое другое: мощный штат профессиональных помощников при каждом из основных претендентов на высший пост страны, эффектные рекламные ролики, посвященные кандидатам (их число, естественно, находится в прямой зависимости от денежных фондов заказчиков), теледебаты, интервью в прессе и прочая атрибутика любой предвыборной кампании в США.

Нельзя не помянуть в этом разговоре и того, насколько четко сработало в нынешней президентской гонке одно из основных правил здешней политической жизни: нерасторжимая взаимосвязь понятия «успех» и «деньги». Мы, по счастью, все дальше уходим от примитивного сведения всех причин и следствий любых событий «на гнилом Западе» к разговору о «тугих кошельках». Конечно же, все куда сложнее и многозначнее. Но то, что этот фактор — в чис-

ле решающих, сомнению не подлежит. И, кстати, сами американцы не слишком смущаются, говоря об этом.

Вот, к примеру, журнал «Ю. Эс. ньюс энд Уорлд Рипорт» в начале процесса первичных выборов пишет об «имперских» (то есть самых сильных, могущественных) кандидатах: «Мы умственно, физически и эмоционально готовы к марафону,— говорит старший советник Дукакиса Николас Митрополус.— Забудьте об умственном и эмоциональном! Пятнадцать миллионов долларов, семьдесят центров по ведению кампании в девятнадцати штатах страны и 375 штатных служащих — не нищенский арсенал борьбы!» Тогда, в феврале 1988 года, у демократов на втором месте после Дукакиса по сумме средств, собранных на проведение кампании, стоял Гепхард — 7,9 миллиона долларов. У республиканцев впереди всех шел Буш — 25,4 миллиона долларов, за ним Робертсон — 22,9 миллиона долларов. Вряд ли нужно пространно комментировать эти цифры. Кстати, любопытно, что личное состояние, принадлежащее лидерам партий, оценивается в американской прессе практически одинаково: у Дукакиса — 2,3 миллиона, у Буша — 2,2 миллиона долларов. И то, что именно они выиграли дорогостоящий марафон, говорит само за себя. В целом на нынешнюю избирательную кампанию истрачены небывалые суммы. В феврале 1988 года журнал «Ньюсуик» сообщал, что к тому моменту кандидаты (всего их было 13) собрали на ведение борьбы сто миллионов долларов. Обеспечение их охраны стоило налогоплательщикам еще примерно тридцать миллионов долларов.

Нельзя сказать, чтобы многие месяцы завершающейся избирательной кампании изобиловали открытиями, эмоциональными всплесками, бурными событиями. Гораздо больше было жалоб на безликость участников борьбы, их неспособность высечь искорку воодушевления у слушателей и зрителей. И все же эта кампания пережила свои моменты взлета, дни кипения страстей, всплеска самых противоречивых чувств. Этим она обязана, по-моему, прежде всего двум людям: Джесси Джексону и Гэрри Харту.

ПРЕЗИДЕНТ — НЕГР! НИКОГДА!

Между ними мало общего. Убеждения, темперамент и даже цвет кожи — разные. Близость, видимо, в другом — в масштабе личности, в нестандартности поведения. Оба они явно «выламывались» из общей ровной картины, упорно формулировали собственные правила борьбы — оба проиграли, хотя и по-разному, с неравными потерями. Скорее всего потому и проиграли, что слишком уж явно опрокидывали общепринятые мерки, шли на риск открытой конфронтации с соперниками, таили в себе постоянную опасность неожиданных поступков. Такой вот американский парадокс: единодушная «романтическая» тоска по ярким личностям — и столь же единодушная боязнь этих самых личностей, когда речь заходит о сиюминутной реальности выбора президента. Яркая личность — это пусть останется «для мечтаний», а «для жизни» Америка выбирает того, кто кажется посolidней. Так спокойнее, явно меньше риска.

Феномен проигравшего негритянского проповедника Джесси Джексона — возможно, самое интересное из всего, что выплеснула на поверхность избирательная кампания 1987—1988 годов. Впрочем, проигрыш в данном случае — слово вряд ли подходящее. То, чего

добился этот «проигравший», стоит многих побед. Его борьба за лидерство в демократической партии — вещь поразительная, неслыханная для Америки, повергшая многих в состояние почти шоковое.

Конечно, имя Джексона не вчера появилось в списке наиболее известных политических фигур страны. И четыре года назад он тоже участвовал в избирательной кампании. Но тогда во всем этом было гораздо больше символики, чем реальной борьбы за власть. Джексон справедливо считал, что активное участие в шумном многомесячном процессе отбора кандидатов в президенты дает возможность громко заявить о себе, о своей позиции, за которой прежде всего — интересы и судьбы миллионов соотечественников с черным цветом кожи. Так его и воспринимала Америка — как негритянского лидера, которого поддерживают почти все негры страны и практически никто, кроме них. О реальных претензиях на президентство или даже на лидерство в демократической партии речи просто не могло быть. И ситуация эта, вполне укладывавшаяся в привычные рамки политической многоголосицы Соединенных Штатов, ни у кого не вызвала ни бурного восторга, ни явного беспокойства.

Во время нынешней кампании произошло нечто из ряда вон выходящее. Не то чтобы Дж. Джексон уверовал сам и убедил кого-то, что может стать следующим президентом страны. У него хватало политической трезвости осознавать почти полную иллюзорность такой возможности. Суть в другом: негритянский проповедник, отрекаясь от статуса лидера негритянского, заявил о своем праве на статус лидера национального. Он без заискивания предложил белым американцам свою готовность отстаивать их интересы — так, как понимает эти интересы он, Джесси Джексон, полноправный гражданин своей многоцветной страны. Взамен он просил их поддержку — их голоса. Просил — и был услышан! Именно это и потрясло Америку — осознание неслыханного факта: значительное число белых американцев предпочло негра Джексона всем белым претендентам на лидерство.

Но и это еще не все. Весной 1988 года страна пережила еще большее потрясение. На первичных выборах в Мичигане Джексон одержал столь внушительную победу, что вдруг оказалось: его шансы стать кандидатом в президенты от демократической партии реальны. Пусть момент этот длился недолго — дальнейшая борьба Джексона была не так триумфальна, но все же его хватило для переосмысления страной самого понятия американской демократии.

Послушайте, какие серьезные размышления звучали в те дни со страниц уж никак не левого журнала «Тайм». Мне кажется, они достойны пространного цитирования. «Любой американский ребенок может вырасти и стать президентом. Это идеалистическое мнение родилось когда-то как часть катехизиса демократии. Но пока многие поколения американцев твердили его наизусть, оно деградировало в сказку для детского сада. Взрослые люди, конечно же, знают правду. Президентство предназначено для белых людей, занимающих высокие посты и почти всегда избегающих выражать приверженность настроениям или делу, которые не укладываются в рамки общепринятого.

Но случаются порой редкие моменты, когда истины, казавшиеся очевидными, начинают пересматриваться. Такая переоценка — процесс медленный, не всегда сразу ведущий к драматическим последствиям. Но сам акт размышления над прежде непредставимой воз-

возможностью оставляет неизгладимый след. Пусть на поверхности жизнь идет по-прежнему — все же зерно брошено и в один прекрасный день может прорасти.

Кампания Дж. Джексона весны 1988 года — один из таких моментов. ...Впервые за всю историю нации крупнейшая политическая партия столкнулась с серьезнейшим вопросом: что будет, если избиратели-демократы и в самом деле назовут черного человека своим кандидатом в президенты?

Этот вопрос был бы взрывным, даже если бы кандидат был вполне «удобной», «безопасной» фигурой — человеком, который занимает все «правильные» посты и «правильные» позиции по всем проблемам и отличается от «норм большинства» лишь досадной случайностью — цветом кожи. Но этот кандидат бросает вызов сразу всей укоренившейся системе ценностей. Потому что Джексон, незаконный сын малолетней матери-одиночки, — пламенный проповедник, который вознесен к вершинам нации, пройдя путь протесторечий и мятежа. И сейчас он возглавляет левое крыло популистского движения, которое противопоставляет высокомерию «центристских» сил политической жизни США.

Пространные комментарии по поводу феномена Дж. Джексона появились во всех солидных американских газетах и журналах. Обойти эту тему оказалось просто невысказано. Разными были тон и выводы публикаций. Общими — некое ошеломление уже происшедшим и растерянность перед тем, что еще может произойти. Стала вдруг до неприличия очевидной еще одна простенькая «деталь» американской демократии образца 1988 года: кандидат-негр вполне устраивал всех в качестве участника «игры в президента», но никак не в роли ее победителя. Жгучее слово проповедника служило приправой к явно пресноватым витийствам всех остальных претендентов на главный приз. В результате общее «меню» предвыборной кампании выглядело более разнообразным. Но никто не предполагал чрезмерного увлечения нации этой самой «приправой». Лишь появился намек на такие «излишества», только забрезжило, затеплилось предположение о шансах Джексона на выдвижение в качестве кандидата от демократической партии — и официальная Америка без тени смущения начала вдавливать избирателям мысль о том, что страна еще не готова (1) к такому «новшеству» — президенту-негру. И, похоже, никому не было стыдно, когда лидеры демократической партии в растерянности вопрошали: неужто и впрямь придется выдвигать Джексона?! А как не выдвинуть, если наберет большинство?!

В 1972 году Дж. Джексон говорил: «Я не доверяю ни белым республиканцам, ни белым демократам. Я хочу создать партию черных». В 1988 году пафос его речей сводился к другому: «Знаете ли вы, что сейчас мы боремся прежде всего против насилия экономического? Это не противостояние черных и белых, это борьба неимущих с имущими». Меняется Джексон. Меняется Америка. «Сегодня Америка, — говорит проповедник, — обращает меньше внимания на цвет кожи, чем это было четыре года назад. Сейчас наконец-то я, по-моему, добрался до цели, к которой вел нас Мартин Лютер Кинг, до вершины, где обо мне будут судить не по цвету кожи, а по моим личным достоинствам».

Трудно сказать, в какой пропорции находятся в этих словах желаемое и действительное. Джексон не стал даже напарником победившего Дукакиса, то есть кандидатом в вице-президенты. Идео-

логически он был явно ближе к нынешнему лидеру демократической партии, чем весьма консервативный сенатор Л. Бентсен. Но Дукакису и самому приходится отбиваться от упреков в излишнем либерализме, а потому он предпочел не обострять ситуацию союзом с мятежным Джексонсом. И все же присутствие негритянского лидера на всех этапах предвыборной кампании, его влияние на ход и атмосферу борьбы небывало ощутимы. Зерно брошено и, быть может, рано или поздно прорастет.

ЧТО СЛУЧИЛОСЬ С ФАВОРИТОМ

Гулливер в окружении политических лилипутов — так был назван журналом «Тайм» бывший сенатор от штата Колорадо Гэрри Харт. В апреле 1987 года он был бесспорным фаворитом, «впереди бегущим» среди кандидатов-демократов, по самым авторитетным опросам общественного мнения, намного опережал всех своих соперников. А потом последовало «свободное падение в стиле Харта», от которого у страны захватило дух. Меньше чем за неделю «Гулливер», в сущности, был политически уничтожен и прекратил борьбу. (Это случилось через 25 дней после того, как Харт официально объявил о начале своей предвыборной кампании.)

«Следующий президент Соединенных Штатов только что убит средствами массовой информации», — заявляет один из активистов кампании Харта. «Гэрри Харта политически забросали до смерти камнями», — вторит ему бывший редактор журнала «Нью Рипаблик» Хендрик Херцберг. «Ну вот и опять наш политический процесс «очищен», — горько шутит в «Тайм» обозреватель Уолтер Шапиро, — еще один еретик затравлен и изгнан из общественной жизни».

Не будем гадать о возможных чисто политических мотивах изгнания с подступов к Олимпу власти Гэрри Харта. Хотя стоит упомянуть, что он считался не просто инакомыслящим, но еще и слишком либерально мыслящим. Оставим открытым вопрос, кому могло понадобиться подбросить журналистам подробности личной жизни Харта. Очевидно то, что репортеры с радостной готовностью в эти подробности «вникли», охотно включились в элементарную слежку за сенатором (печально-забавные представления о журналистской этике!) и получили искомый повод если не для огня, то для дыма. Причем любопытно, что откровенная слежка за Хартом не вызвала ни у кого мыслей о посягательстве на свободу личности. Зато когда речь заходит, скажем, об ограничительных мерах против курильщиков — вот тут незамедлительно раздается возмущенный вопль защитников этой самой свободы. Такая своеобразная логика...

На пресс-конференции в Нью-Гемпшире кандидату в президенты был задан лобовой вопрос: изменял ли он своей жене? Видавшая виды, жадная до скандала Америка все же слегка остолбенела — ничего подобного никто из живущих не помнит. Конечно, здешним репортерам не привыкать копаться в биографиях и фактах сугубо личной жизни политических деятелей. Но до этой памятной пресс-конференции все-таки существовала некая зыбкая грань дозволенного вторжения в чужую частную жизнь. Перейдя ее, журналисты породили шквал противоречивых эмоций и реакций — от шоковой растерянности до яростного возмущения. На страницах прессы хлынул поток размышлений о возможных последствиях репортерской вседозволенности. Но все это чуть позже. А прямым

результатом рокового вопроса стала азартная травля Харта журналистами и его выход из игры, принявшей явно оскорбительный для него характер.

Неужели Харта погубила приверженность американцев «чистоте нравов», их особая требовательность к моральным качествам своих политических и духовных лидеров? Если бы так! Увы, за всем этим шумным скандалом было не стремление к очищению, а скорее некая странная смесь ханжества и жажды зрелища «душевного стриптиза».

Гэрри Харт «провинился» гораздо худшим грехом, нежели супружеская неверность. Суть в том, что он не пожелал обсуждать свои семейные проблемы со всей нацией (а журналисты в США свято убеждены, что именно их нация уполномочила проводить «предварительное дознание» по «делу» каждого претендента на высший пост страны). Попытка защитить достоинство — свое и своей семьи — дорого обошлась низверженному «Гуллверу». Харта не простили и то, что он бросил вызов репортерам, заявив в канун скандала: «Можете следить за мной — мне все равно!»

Пресса вынесла свой приговор бунтарю задолго до начала первичных выборов. Так что у самих избирателей даже не было возможности повлиять на его судьбу. Правда, в декабре 1987 года Харт предпринял последнюю отчаянную попытку вернуться в предвыборную гонку под новым лозунгом «Пусть решит народ».

«Это будет кампания, какой вы никогда еще не видели, — обещал он, — потому что я иду прямо к людям. У меня нет ни штаба, ни штата. У меня совсем нет денег. У меня нет никаких советников и консультантов. Но у меня есть нечто лучшее. У меня есть сила идей, и я способен управлять этой страной». Увы, пример Харта лишь подтвердил давно известное правило: не обладая мощным механизмом для ведения предвыборной кампании в США, не заручившись вниманием средств массовой информации (а тем более — пойдя на конфронтацию с ними), думать об успехе наивно.

Харту действительно было что сказать, но слушателей у него не оказалось. Он был кандидатом, который, говоря словами уже упоминавшегося У. Шапиро, «посмел быть иным, который потребовал, чтобы политический мир принял его на его собственных условиях — или не принимал вовсе. И в конце пути он остался один».

«Демократия требует отчетности» — примерно так пытались объяснить репортеры свое копание в частной жизни Харта. «Претендуя на пост президента, ты теряешь право на тайну даже сугубо личную». Ничуть не смущаясь, пресса уравнила «грехи» Харта с «ирангейтом» Рейгана и Буша, начисто стерев грань между государственной проблемой и семейным конфликтом. И, кстати, удивительный парадокс: то, что Буш был вовлечен в крупнейший политический скандал, отнюдь не помешало ему стать официальным кандидатом республиканцев на пост президента. Более того, когда относительно либеральный тележурналист Дэн Разер в интервью с Бушем сделал слишком явный акцент на причастность последнего к «ирангейту», официальная Америка аж задохнулась от возмущения. Так что требование «отчетности» действует в американской демократии весьма избирательно.

«Сенсация Гэрри Харта» породила не только азарт травли и крики «ату», но и серьезные размышления о сути процесса избирательной кампании. Сам Харт, полный весьма естественного негодования, высказывался, пожалуй, резче всех: «Всем нам придется

серьезно задуматься над тем, как мы выбираем национальных лидеров... Система выдвижения кандидатов в президенты — это просто издевательство... Она превращает прессу этой страны в охотников, а кандидатов — в мишени... И если она будет продолжать разрушать неприкосновенность и честь людей, то в конце концов такая система разрушит и саму себя».

Жесткие формулировки Г. Харта обычно объясняли его личной обидой на прессу. Но и у «сторонних наблюдателей», следивших за «кульбитами» многомесячной предвыборной гонки, накопилось немало сомнений по поводу того, насколько она соответствует своему предназначению. В идеале считается, что избирательная кампания должна выявить и «поднять» к вершинам политической лестницы людей, наиболее способных управлять государством. События нынешнего предвыборного марафона отбросили его немыслимо далеко от этого идеала. Эпизод с Хартом обострил ситуацию, сделал ее оскорбительно очевидной.

Испуганные кандидаты кинулись доказывать избирателям, что в их биографиях нет «темных пятен», что они готовы вывернуть душу наизнанку и продемонстрировать ее любопытствующим. Республиканец Боб Доул рассказывал о физических увечьях, полученных во время войны. Вице-президент Джордж Буш делился со слушателями подробностями личной трагедии — смерти дочери. Среди кандидатов-демократов Ричард Гелхард повествовал о серьезной болезни своего ребенка, а Джо Байден потрясал рассказом о гибели в автокатастрофе жены и дочери. Неясным было одно — какое все это имеет отношение к президентству, к сложнейшим проблемам американского общества, которые предстоит решать будущему главе государства.

Серьезных претензий к системе выборов в США у самих американцев накопилось немало. Можно назвать хотя бы одну.

Многих беспокоит падение числа граждан, участвующих в выборах, — в последний раз была с трудом преодолена пятидесятипроцентная отметка. «Однажды мы оглянемся, — размышляет сенатор Монтниэн, — и обнаружим, что в президентских выборах участвовало меньшинство населения страны. Что же мы скажем тогда самим себе?!»

«ЭТОТ БЕЗУМНЫЙ, БЕЗУМНЫЙ МИР»

Вполне обоснованные обвинения звучат по поводу изнуряющей продолжительности предвыборного марафона. Некоторые серьезные политические деятели просто не могут полностью посвятить месяцы и месяцы жизни избирательной кампании — предпочитают вовсе не участвовать в ней. «У меня рухнуло два моста, — говорит губернатор штата Нью-Йорк Марио Куомо, — и чуть ли не весь мир заметил это. Невозможно всерьез заниматься сложными проблемами — одновременно встречаться с избирателями Нью-Гемпшира или Айовы».

Система выборов в целом все чаще кажется сомнительной даже самым «лояльным» американцам. «Наша сложная и запутанная избирательная система не способствует демократии, — пишет журнал «Тайм», — последовательные попытки реформ создали иллюзию народных выборов, но лишь иллюзию, а не реальность... Если бы какое-то государство третьего мира изобрело такую систему и навязало ее своему народу, американцы могли бы вполне логично сде-

лать вывод о том, что это государство попирает демократию. ...То, что должно быть открытым поиском наиболее достойных кандидатов, превращается в унизительный марафон. То, что должно помогать сплочению партии, становится борьбой, ее разделяющей. И самые талантливые лидеры предпочитают остаться на обочине, лишь бы не включаться в этот процесс в духе Кафки».

В самые напряженные месяцы и недели предвыборных сражений жизнь кандидатов порой близка к какой-то фантазмагории. За неделю претендент в сопровождении своей команды исхитрится облететь три штата, втиснуть в каждый день максимальное число пресс-конференций, встреч с самыми влиятельными людьми штата (или города), интервью и выступления по местному телевидению. «Здравствуйте! Мне уже пора ехать дальше» — так журналисты в шутку обозначили схему поведения кандидатов во время их появлений на публике. Нередко они ограничиваются стремительной пресс-конференцией в аэропорту и летят дальше. Случались — и не раз — досадные оплошности, когда кто-то из кандидатов допускал «географические неточности», вконец запутавшись в калейдоскопе городов и аэропортов. Все это — серьезное испытание на прочность для участников марафона. Но есть ли тут прямая связь с их пригодностью на роль главы крупнейшего государства? В этом многие начинают сомневаться.

Когда читатель будет держать в руках этот журнал, финал спектакля под названием «Президентские выборы. Год 1988-й» уже свершится. В центре внимания на сцене останется один человек, остальные отступят в тень. Странно, но говорить о победителе почему-то не так интересно, как о проигравших соперниках. Почему? Вероятно, потому, что он играл — выиграл — при слишком уж педантичном, дотошном соблюдении всех правил политической жизни Америки. В его поведении не было места ни для элемента неожиданности, ни для импровизации, зато и рискованных ошибок не было. Самые большие деньги и мощные аппараты для ведения борьбы. Наличие соответствующего «списка прошлых заслуг». Отсутствие резких формулировок, которые, не дай бог, могут кого-то отпугнуть. Паническая боязнь даже тени скандала. Ставка именно на длительную, осторожную борьбу по принципу «тише едешь — дальше будешь». И в результате — вполне закономерный успех.

Можно сказать, что предвыборная борьба 1987—1988 годов становится уже прошлым, историей. Были в ней элементы серьезного политического процесса, но была и скандальная брань. Были признаки явного балагана, типично американского шоу — но были и моменты истинного драматизма, даже трагизма. На каких весах взвесить чего больше? И стоит ли вообще размышлять об этом? Наверное, все-таки стоит. Потому что, в сущности, это размышления о том, что такое демократия по-американски, которую мы давно научились привычно и лихо клеймить и гораздо реже пытаемся понять.

С. СУХАЯ,
специально для «ЧиЗ»

Пунктирная линия

ПОВЕСТЬ*

Большая прихожая, обитая малиновой кожей или кожзамени-
телем, с огромным трюмо и напольными часами, с покрытым лаком
паркетом совсем не подтверждала мыслей, навеянных запущенным
садом.

— Сюда, пожалуйста, в кабинет,— пригласил хозяин, открыв одну
из трех дверей, ведущих из прихожей. И спросил, покосившись на
Корнилова: — А этот товарищ тоже из прокуратуры?

— Простите, я не всех представил,— сказал Медников.— Игорь
Васильевич Корнилов — начальник отдела Управления уголовного
розыска.

Широким жестом Поляков пригласил всех садиться, а сам остал-
ся стоять, опершись локтем о книжную стенку. Крепкий, подтяну-
тый. Спросил с иронией:

— И кого же я убил?

— Может быть, и вы присядете? — сказал Медников.

Поляков сел.

— Неделю тому назад на Каменном острове был убит Капитон
Григорьевич Романычев...

— Убили Капитона?! — нахмурился Поляков.— Кому помешал
старик?

Корнилов понял, что они уедут из Гатчины с пустыми руками, но
все же поинтересовался:

— Вы его знали?

— Мне кажется, я знал его всю жизнь.

— Гражданин Поляков, сейчас я начинаю официальный допрос.
Вы знаете, есть некоторые формальности...

— Да, да, знаю. Ответственность за дачу ложных показаний.
Правда, только правда, ничего кроме правды...

Медников положил перед Поляковым бланк допроса.

* Окончание. Начало в №№ 9—11.

— Распишитесь, пожалуйста, что вы предупреждены об ответственности.

Поляков расписался.

— Теперь назовите свою фамилию, имя, отчество...

На вопрос о том, как состоялось знакомство с Романычевым, Поляков ответил беспроницаемо: в сорок втором году, на Андреевском рынке. Оба пришли покупать жмых, попали под бомбежку, вместе прятались в подьезде соседнего дома. Это было так похоже на правду. Кому придет в голову спрашивать, есть ли свидетели?

С Климачевым он знаком не был. И Корнилов понимал, что взрослые дети покойного зампреда райсовета о Полякове от отца никогда не слышали. Да и с Романычевым он уж лет пятнадцать не встречался. Так, открытки к празднику.

— А Капитон Григорьевич вас поздравлял? — спросил Медников.

— Изредка присылал весточку.

— Не сохранили ни одной открытки?

— Нет.

— В прошлую субботу днем вы были в центре Гатчины?

Поляков задумался:

— Да, я ездил на центральный переговорный пункт. У нас не работал телефон, а я должен был позвонить сыну. Это междугородный телефон на улице Ленина.

— Вы не встретили Романычева?

— Товарищ следователь, я же сказал — последний раз...

— Встретили или нет?

— Нет.

Медников бросил быстрый взгляд на полковника — Корнилов согласно кивнул. Пора было задавать главный вопрос.

— За несколько дней до смерти Романычев сделал признание, что в годы войны вместе с вами и Климачевым, умершим в 1976 году, печатал фальшивые продовольственные карточки. Чтобы скрыть преступление, вы оклеветали Бабушкина, начальника цеха типографии имени Володарского.

— Товарищ следователь, это уже переходит всякие границы! — Поляков говорил спокойно, но чувствовалось, что негодование вот-вот вырвется наружу. Петр Михайлович походил на оживающий вулкан.

— Входили вы в преступную группу?

— Нет, нет, нет! Ни в какую группу я не входил. Никакого Бабушкина не знаю и не знал! — Поляков перевел дыхание. — Что ж это Капитон?! Сбрэндил на старости лет? Зачем он меня оговорил? Да и себя тоже. Дайте мне хотя бы прочесть, что он там накорябал! Поверьте мне, товарищи — этот дед и кошки не обидит.

— Капитон Григорьевич сделал мне устное признание, — сказал Корнилов. — И накануне того дня, когда должен был принести письменные показания, его убили. Кстати, ни ему, ни вам признание ничем не грозило. По этому делу срок давности истек. Много лет назад.

— Чепуха какая-то... Я понимаю — поступил сигнал. Ваша обязанность — проверить. Но приезжать в таком составе? Официальный допрос! Я ведь, товарищи, на больничном. У меня давление высокое. Как это с точки зрения законности?

— Да ведь и событие чрезвычайное. Убийство, — сказал Медников.

— Да ладно, — махнул рукой Поляков. — Это я уж так, к слову.

Но и вы меня поймите — такая нелепость! Хорошо, хоть жены нет. Ей совсем нельзя волноваться.

На все остальные вопросы Поляков отвечал коротко: «нет», «не знаком», «не встречался».

Заканчивая допрос, Медников обратился к полковнику:

— Игорь Васильевич, у вас нет вопросов?

— Всего один вопрос. Петр Михайлович, в уголовном кодексе имеется статья о пособничестве в убийстве. У вас нет опасений, что убийца назовет ваше имя...

— Нет! — резко бросил Поляков, и впервые за весь допрос не смог справиться с обуревавшими его чувствами — посмотрел на полковника с ненавистью.

— Не торопитесь говорить «нет». Подумайте. Прошное вам не грозит ничем. Но если вы кому-то сообщили о намерениях Романычева идти с повинной, а этот «кто-то»... — Корнилов не закончил фразу. — Кстати, два дня назад к вам приезжал журналист Лежнев?

На бритой голове Полякова проступили капельки пота. Он вынул из кармана платок, медленно провел по голове. И, наконец, ни на кого не глядя, выдавил:

— Нет. А теперь я бы хотел отдохнуть. Голова раскалывается.

Медников закончил составление протокола, молча дал подписать его хозяину дома.

В саду пахло скошенной травой и дымком — за невысоким палисадником, у соседей, стоял на крыльце самовар с высокой трубой. Шофер спал в машине, откинув спинку кресла.

Первым нарушил тягостное молчание Мирзоев. Спросил, ни к кому конкретно не обращаясь:

— Что-то знает этот человек? Да?

— Знает, да не скажет, — хмуро бросил Корнилов.

— Умный мужчина, — продолжал Мирзоев. — И как держится! Как держится! Генерал!

Медников и Корнилов ничего не ответили.

Они подъезжали к Пулкову, когда Медников сказал:

— Складно врал кандидат. На вопросы отвечал, словно семечки щелкал. — Похоже было, что следовательно все это время обдумывал ответы Полякова.

— Да ведь он всю жизнь готовился на эти вопросы отвечать.

— Нет, Игорь Васильевич, не верю я, что убийца — человек из прошлого. Ради чего ему убивать?! Причин не вижу. Да и в конце концов у Полякова же алиби. Как и у Бабушкина, у стороны, в некотором роде пострадавшей.

Машина уже миновала здания обсерватории, установленный на постаменте танк. С горы открылась не слишком веселая перспектива — расплывшиеся серые пригороды, гигантские трубы ТЭЦ, белесое размытое небо. И купол Исаакя не золотился над городом, кутался в знойную дымку.

— Про сторону — это вы хорошо заметили, — сказал Корнилов, отрывая взгляд от расплывающегося по окрестностям города. — Пострадавшая сторона... Сторона, нанесшая ущерб... Но ведь есть еще третья сторона в процессе, Михаил Павлович.

Корнилову неожиданно вспомнилась детская считалочка: «Вышел месяц из тумана...» Легкая улыбка тронула его губы и тут же погасла. Глаза потеплели. Он достал из кармана несколько листов бумаги, протянул Медникову:

— Почитайте.

Следователь быстро пробежал их. С недоумением посмотрел на Корнилова.

— Ничего загадочного, Миша! Эти три списка составлены по разным поводам. В одном — абоненты читального зала архива, в другом — жильцы резервного фонда, в третьем — ветераны прокуратуры. Казалось бы, что в них общего?

Медников слушал внимательно, не сводя с полковника напряженного взгляда.

— Есть общее! Звонарев! Эта фамилия повторяется во всех трех списках.

— Тепло, очень тепло,— проронил следователь. Но Корнилову почудилось, что Медников еще не догадывается о самом главном.

— Да не просто тепло, Михаил Павлович! Обжигает! Вы же знаете — документы предварительного следствия в деле Бабушкина отсутствуют. Папки с делом Климачева в архиве нет! Случайность? Мы даже не знаем фамилии того, кто вел эти два дела о производстве фальшивых продовольственных карточек. Но в списке тех, кто запрашивал судебные документы блокадной поры, есть фамилия Звонарев.

— Дальше?

— Среди тех, кто пользовался резервным жилым фондом в доме № 17 по улице Гоголя, а значит, прекрасно осведомлен, какое удобное место для расправы — пятый этаж с глухими старухами в квартире, тоже Звонарев!

— И он же среди ветеранов прокуратуры, работавших в годы блокады! — тихо сказал Медников.

— Впечатляет?

— Впечатляет. А если учесть, что Звонарев иногда появляется у нас в прокуратуре...— Медников покачал головой.— На торжественных собраниях бывает, на лекциях. С людьми общается...

— Теперь вся надежда на то, что мы сможем при обыске найти у него какие-то улики,— сказал Корнилов.— Диктофон Лежнева, бумаги старика Капитона, пистолет...

— Просто в голове не укладывается,— в голосе Медникова полковник уловил нотки тревоги.— Надо посоветоваться. Все-таки наш бывший кадр.

— Боюсь, завтра будет поздно. Звонарев не сидит сложа руки. И Поляков может ему просигнализировать.

— Кстати, Игорь Васильевич,— спросил следователь,— а вам не кажется странным: Романычева убили куском трубы, а в Лежнева стреляли?

— Начни на Каменном острове стрельбу — постовые сбегутся, охрана с госдач. А вот с Лежневым осечка вышла. Я думаю, Звонарева возраст подвел. Дрогнула у него рука. Не попал в сердце!

Дом номер 39 по Пятой линии Васильевского острова Бугаеву был знаком. В нем, в большой коммунальной квартире, когда-то жил его школьный товарищ. Лет десять назад он со своим семейством получил отдельную квартиру на проспекте Художников. «На выселках»,— шутил Бугаев. Он побывал у приятеля на новоселье, и с тех пор их дружба стала почтово-телефонной: по праздникам они обменивались поздравительными открытками, изредка перезванивались.

А на встречи уже не хватало времени. Да, наверное, и сил. Приятель ездил на службу через весь город. А дома двое маленьких детей, поблизости прекрасный парк, где по воскресеньям супруги гуляли со своим потомством. Бугаев не был обременен семьей, зато служба не оставляла ему свободного времени.

«Если бы Игорь здесь жил по-прежнему,— с сожалением подумал майор, оглядывая мельком трехэтажный серо-желтый дом,— можно было бы зайти к нему в гости на часок, ничего не объясняя, оглядеться, как следует...»

Прежде всего следовало выяснить, где находится сорок вторая квартира. Серо-желтый дом только с улицы выглядел скромно. Ворота вели в проходные дворы — их было три, и по ним можно было попасть на Шестую линию. А во дворах — флигеля и флигельки с единой нумерацией квартир.

Бугаев любил Васильевский остров: старые дома на засаженных липами линиях и такие вот проходные дворы с крошечными сквериками. В этих сквериках всегда сидят флегматичные старухи, приглядывая за развешенным на веревках бельем, за детишками, гоняющими по двору на ярких, новеньких велосипедах. В проходных дворах Васильевского острова можно было совсем забыть, в каком городе ты находишься. И если бы не новенькие велосипеды у ребят, да не несколько пыльных автомашин, то забыть и о времени, в котором живешь.

В одном из таких уютных сквериков на Васильевском прошло детство Семена. Но если бы кто-то спросил, почему так тянет его побродить по тихим линиям и переулкам «Васина» острова, майор не смог бы этого объяснить. Да и как расскажешь про свои смутные ощущения? Почему здесь легче дышалось? Из-за близости залива? Так его присутствие ощущается даже на Охте. Что так благотворно действовало на состояние его духа? Идеальная геометрия проспектов и линий? Отсутствие сутолоки? Может быть, ностальгическое чувство? Нет, эту причину майор бы с ходу отверг. Он считал, что ностальгия — привилегия стариков.

Бугаев оставил свои «Жигули» на улице, а сам вошел под арку ворот. Миновал зловонные, подтекающие баки с мусором, он попал в первый двор. Слева высилась высокая, с облупленной краской стена соседнего дома, справа — трехэтажный уютный флигелек с двумя подъездами. Табличка на одном из них сообщала, что сорок вторая квартира находится здесь. На втором этаже. Двор, как назло, был даже без скверика — голая асфальтовая площадка. Машина под брезентовым чехлом стояла у стены. И все — ни лавочек, так любимых старушками, ни стола, за которым пенсионеры резались в «козла».

Майор не спеша пересек двор. Мельком взглянул на окна флигеля, на дом слева. Его внимание привлекло небольшое окно в глухой и унылой стене. «Поди узнай, что это за окно! — подумал Семен. — Тут без дворника не обойдешься».

Второй и третий дворы были просторные, со старыми липами, с лавочками, детскими песочницами и столами для доминошников. Каменный лев с отбитым носом и незрячими глазами чутко вслушивался в детскую разноголосицу. Хвост его был боязливо поджат.

«Здесь мы с Филиным могли бы играть в шахматы хоть до полуночи! И никто бы не обратил на нас внимания».

Капитан поджидал Бугаева на Шестой линии.

— Шефа бы сюда! — сказал майор сердито. — Этот Звонарев как

будто специально выбрал себе такую квартиру, за которой не понаблюдаешь.

— Что-то же надо делать?

— И сам знаю, что надо,— Бугаев рассказал про окно в брандмауэре.— Пойду разыщу дворника из соседнего дома. Может, повезет — попадем в ту квартиру.

— Полковник же просил особо не проявляться.

— Просил, просил! Иди, пройдишь по дворам. Остынешь. И знаешь что? Позвони ты в эту чертову квартиру. Надо хоть представление иметь о том, кого караулим.

Заметив, что капитан сомневается, Бугаев сказал:

— Давай, давай, семь бед — один ответ. Купи только букетик, ты сейчас на влюбленного похож. Вид такой же малохолный. Цветочки у метро продают. Тут, рядом.

Корнилов не напрасно подтрунивал над майором. Бугаеву и правда везло на отзывчивых женщин. Но с дворником соседнего дома, Олей Петровой, студенткой географического факультета университета, ему пришлось непросто. Одинокое окошко в глухой стене было чердачным окном подведомственного Оле дома. Майору не удалось придумать никакой складной, хоть немного похожей на правду, истории, почему его заинтересовало это одинокое окно. И он начал туманно объяснять про интересы противопожарной безопасности.

Девушка, засунув руки в карманы розовых «бананов», терпеливо слушала его, а когда Бугаев закончил, сказала:

— Что вы, товарищ майор, лапшу мне на уши вешаете?! С каких пор уголовный розыск пожарами интересоваться стал? Да у нас свой пожарник есть — прапорщик Ниточкин. Между прочим, большой любитель овсяного печенья.

В упоминании о печенье заключался намек на совместные чаепития, и майор понял, что о противопожарной безопасности Оля знает больше, чем он.

— Олечка,— Бугаев постарался улыбнуться как можно обаятельнее,— вы правы. Но у меня служба такая — приходится темнить. Конспирация.

— Ай, ай, ай! А наш участковый инспектор говорит, что дворник — первый помощник милиции. И не держит меня за дурочку. Рассказывает обо всем.

— Ольга, хватит морочить мне голову! Показывай чердак! Ключ у тебя?

— Смотрите, какие мы крутые! — улыбнулась девушка, и майор понял, что она сдается.— А, может быть, вы за хорошим человеком охотитесь? И я должна помогать в вашем черном деле?

— Охочусь, охочусь! Только человек он плохой, даже очень плохой,— Бугаев подхватил Олю под руку и увлек за собой.

На чердаке было душно и пыльно. То и дело приходилось нагибаться, чтобы не задеть за натянутые веревки. Но белье на них не сушилось. Кое-где стояли сохранившиеся с войны ящики с песком, которым бойцы ПВО гасили немецкие зажигалки. Судя по острому специфическому запаху, теперь этим песком пользовались коты.

Пыльное окно выходило прямо на подъезд, где проживал таинственный Звонарев. Вечером, когда зажигался свет, наверное, было видно, что делается за легкими занавесками его квартиры. Но те-

перь там было сумрачно. И только в одном окошке горела настольная лампа. Окно это было плотно зашторено.

Девушка пыталась из-за спины Семена разглядеть, что интересует майора в этом унылом дворе.

— Оля, со временем я посвящу вас во все тайны,— сказал майор.— И надеюсь, вы будете угощать меня овсяным печеньем: Как пожарника и участкового инспектора. А сейчас займемся делом.

В это время во дворе появился Филин. В руке у него был букетик чохлых гвоздик. Он не спеша шел к подъезду.

— Смотрите, смотрите! — подтолкнул Бугаев девушку поближе к окну.— Видите этого ловеласа с цветами?

— Это он?

— Федот, да не тот,— засмеялся майор.— Сейчас он выкатится не солону хлебавши. Вы к нему подойдете... Только не во дворе, а на улице. И приведете сюда.

— Еще чего! — подозрительно сказала Оля.— Так он и послушается.

— Не бойтесь. Это мой товарищ. А цветы будут ваши. Правда, товарищ пожадничал, такие букеты дарят дальним родственникам. Идите, идите, за мной розы с Андреевского рынка.

— Ладно, товарищ сыщик,— улыбнулась Оля.— Только не курить! — Девушка, слегка балансируя по могучим чердачным балкам, скрылась в сумраке. Гулко хлопнула дверь, лягнула задвижка. «Что это она? — удивился Бугаев, закуривая сигарету,— заточила меня здесь навечно?»

Минут через пятнадцать Оля привела Филина.

— Все-таки закурили! — укоризненно сказала она, взглянув на майора, разгоняющего ладонью табачный дым. Глаза ее улыбались.

— Ничего, отчитаемся перед вашим пожарником,— пообещал Семен, искося поглядывая в окно.

— Если бы вы знали, как он мне осточертел! — вздохнула девушка.

— Филин, вручите Оле цветы,— скомандовал майор.— И отпустите ее готовиться к экзаменам.

— А я уже все сдала! — сообщила девушка, принимая букетик. Вблизи он выглядел не таким уж и чохлым, как показался майору издали.— И никуда я отсюда не уйду. А то вы спалите дом.— Она уселась на балку.

— Оля, давайте не будем ссориться,— сказал Бугаев.— А то я пожалуюсь вашему декану, и он не отпустит вас на практику в амазонскую сельву. Кстати, вы тут служите за жилье?

— Конечно. В нашей группе трое в дворники пошли. Хорошо,— смилостивилась она,— отдайте мне сигареты и спички, и я уйду.

— Мой коллега не курит! — сказал майор, выразительно глянув на Филина, и отдал девушке пачку «Кента» и зажигалку.

— Ого! Фирма! Я парочку выкурю?

— Курите,— разрешил майор.— Но в будущем вам придется бросить совсем. Я не люблю курящих девушек,— он подтолкнул Филина к окну.— Капитан, наблюдайте за объектом, а не присматривайтесь к симпатичной девушке. Оля! — крикнул он вдогонку дворничихе с географическим образованием.— Не трогайте задвижку, мы не сбегим!

Шло время. Старенькая дверь интересовавшего их подъезда изредка гулко хлопала, входили и выходили редкие обитатели дома. Но Звонарев не выходил. Филин рассказал, что на его звонок долго

не открывали. Пришлось звонить несколько раз. Потом дверь открылась на цепочке, и невысокий седой человек спросил, кого нужно. Филин назвал первое пришедшее на ум имя — Тамару, человек проворчал: «Ошиблись», — и захлопнул дверь.

— Похоже, он один в квартире, — высказал предположение капитан. — Встреть я его на улице — вряд ли узнаю. Очень уж щель узкая. Так, общий облик схватил — седой, невысокий, худощавый.

Рис. В. Родина.

И он снова ушел дежурить на улицу, оставив Бугаеву полпачки «Стюардессы».

В восемь часов Филин позвонил Корнилову и доложил обстановку.

— Если через два часа я не подъеду,— сказал полковник,— позвони снова.

Бугаев с трудом подтащил к окну ящик с песком и, проклиная чердак, на котором не было ни одного, даже ломаного стула, пристроился на уголке. В окнах постепенно загорались огни. Во многих квартирах мерцали голубым огнем экраны телевизоров. Часть окон не была занавешена, и майор видел, как в одной из кухонь, на третьем этаже, готовила обед крупная женщина в ярком переднике. Она делала все быстро, уверенно. Доставала с полка какие-то банки, что-то сыпала в кастрюли, резала капусту. Потом вдруг появилась в комнате, где мальчик лет десяти что-то рисовал на большом листе акварельными красками. Женщина долго стояла у него за спиной. Наблюдала. Потом ласково потрепала его лохматую голову и снова появилась на кухне.

В соседней квартире тоже горел свет: за столом сидела старушка, читала газету и рассеянно гладила сидящего рядом кота, потом согнала его со стола.

Еще одна женщина, совсем молодая, словно вихрь ворвалась в квартиру на втором этаже. Майор обратил на нее внимание, когда она легкой, быстрой походкой пересекла асфальтовый двор и вошла в подъезд, громко хлопнув дверью. Семену показалось, что с ее приходом свет в квартире зажегся одновременно в двух комнатах и кухне. Девушка стремительно вытащила из холодильника какую-то еду, поставила на плиту кастрюлю, наскоро поела и исчезла в ванной. Лишь в квартире Звонарева не было заметно никакого движения. Все так же горела настольная лампа за зашторенным окном, а в остальных окнах было темно.

Около десяти на чердак пришла Оля. Принесла бутерброды с колбасой и маленький термос с кофе. Отдала майору потощавшую пачку «Кента».

— Ладно уж, курите. Не то я все выкурю.

— Золотая женщина,— похвалил Бугаев.— И кофе, Ольга, у тебя прекрасный. Не знал, что у дворников хватает зарплаты на «Арабику».

— Плюс стипендия, плюс родители.

— Родители — самый большой плюс? Завидная невеста!

— Приличных женихов нет. Дружить постелями — это пожалуй-ста.

— Как это — постелями? — изумился майор, считавший себя знатоком не только «блатной музыки», но и сленга современной молодежи.

— Да все так же! Сегодня мы спим в твоей постели, завтра в моей. Акселераты — хлюпки! А!..— Она взмахнула рукой, давая понять, что ей даже говорить на эту тему противно.— Показали бы лучше, за кем следите? — Из-за спины майора девушка взглянула в окно. А в это время стремительная особа, выйдя из ванной, остановилась перед большим трюмо. На ней было только полотенце, закрученное на голове в виде тюрбана. Она поленилась задернуть шторы, а может быть, намеренно не сделала этого.

— Вот вы чем тут занимаетесь! — с гневом набросилась на майора Оля.— А я-то уши развесила.— Она схватила Бугаева за рубашку

и дернула так, что отлетела пара пуговиц.— Убирайтесь отсюда вон!

Семен поставил стакан с расплескавшимся кофе на подоконник, схватил девушку за руки, крепко сжал запястья:

— Дуреха, не кричи. Ты моему честному слову веришь?

Оля молчала.

— Да подумай ты, милая,— ласково сказал он,— если я тут стриптизом любуюсь, то мой товарищ ради чего по улице слоняется? — Он отпустил девушку, достал из кармана портативную рацию, щелкнул тумблером:

— Птичкин, не скучаешь без меня?

— Скучаю по сдобной булочке и кофе.— Филин чувствовал, что майора подкармливают.

— У меня без перемен,— сказал Бугаев и, выключив рацию, взялся опять за кофе.

— Может быть, отнести ему бутерброд? — уже миролюбиво спросила девушка.

— Бутерброд может помешать моему другу в исполнении служебного долга.

— А вам не мешает?

— Каждому свое.

Оля опять заглянула в окно. Красавица, вышедшая из ванной, сушила волосы феном. По-прежнему перед зеркалом.

— И вам нравятся такие шкидлы? — Молодая дворничиха, оказывается, не чуралась лексики своей бабушки.

— Ольга, иди учить географию,— строго сказал Бугаев.

— Я уже докладывала — у меня каникулы.— Но, взглянув еще раз в окно и презрительно фыркнув, она все-таки ушла.

В десять часов Филин позвонил Корнилову. Телефон шефа не отвечал. Дежурный сказал, что полковник давно уехал в прокуратуру.

Девушка с третьего этажа закончила свой туалет и стремительно удалилась, процокав каблучками по остывшему асфальту. В одной из комнат и в ванной она забыла выключить свет.

Мальчишка, занимавшийся живописью, с воплем радости исчез в соседнем дворе.

Его мать разговаривала по телефону.

Старушка продолжала читать газеты, а голодный черный кот, наверное, пытался вспомнить, как ловят мышей.

В квартире Звонарева все было без перемен.

25

Заместитель прокурора города Кулешов был знаком с Корниловым. Давно-давно, когда навещать винный магазин еще не считалось предосудительным, они столкнулись у прилавка. Разговорились. Выяснилось, что коньяк покупали к «случаю»: у обоих тот день был особым — праздновали юбилеи. Корнилов — пятидесятилетие. Кулешову исполнилось шестьдесят.

— Эх, работенка наша собачья! — посетовал Кулешов.— Всю жизнь торопимся и никогда не успеваем. Еще бы минут пятнадцать — и остались бы без выпивки! А ведь гости, наверное, уже собираются.

— Собираются,— ответил Корнилов, хотя никаких гостей он в тот день не приглашал. Тяжело болела мать — какой уж тут праздник! Но вдаваться в подробности ему не хотелось...

В кабинете у Кулешова стояла новая мебель. Стулья были очень неудобные. Высокие, жесткие и скрипучие. Даже у полковника, — с его-то ростом! — ноги едва доставали до пола. «Интересно, — подумал Игорь Васильевич, — он сам такие выбирал или бестолковый завхоз закупил первые попавшиеся?» Судя по тому, что кресла здесь и вовсе отсутствовали, можно было предположить хитрый умысел. Полковник представил себе, как неуютно чувствует себя в этом кабинете какой-нибудь коротышка-подследственный. Как ерзает он, пытаясь дотянуться ногами до пола.

Сам Виктор Петрович долго и тягуче поучал кого-то по телефону, как внимательно следует относиться к приему граждан.

— Эх, и народец у нас! — сказал он, положив трубку. Но вдаваться в подробности не стал. — Извини, что задержал.

— Пустяки! — отозвался Корнилов и улыбнулся. — А я вот сижу и гадаю: на чем ты сидишь?

Кулешов оживился.

— На таком же стуле, как и ты! Хороши стульчики, а? Это надо такое придумать! Я на фабрику звонил, пригрозил привлечь их за перерасход древесины. И что, ты думаешь, директор ответил? По статистике, говорит, рост человека увеличился на двадцать сантиметров. На акселератов, значит, работают. Но у своего стула я ножки укоротил. Пришел рано утром, принес лобзик и отпилил тайком, — он весело рассмеялся. — Только не подпиливать же все! — И без перехода спросил: — А ты с чем пожаловал?

...Внимательно, не перебивая, заместитель прокурора выслушал Корнилова. Долго рассматривал листочки с фамилиями. И по тому, как небрежно бросил их на стол, Игорь Васильевич понял: не убедили они Кулешова.

— А кроме подозрений и совпадений, есть конкретные факты?

— Я же о них сказал!

— Нет! Это фантазии. Интуиция — дело хорошее...

— Оставим в покое интуицию! — недовольно прервал заместителя прокурора Корнилов. — Поговорим о фактах... Да, их очень мало. Если говорить о прямых уликах — их и вовсе нет. Но основания для допроса и обыска есть! Предварительное следствие по делу Алексея Дмитриевича Бабушкина было проведено преступно небрежно. Цель? Выгородить истинных виновников. И сделал это Звонарев. Материалы предварительного следствия пропали.

— А каким образом журналист вышел на Звонарева? — перебил полковника Кулешов.

— Позвонил председателю совета ветеранов. Я выяснял, — Корнилов нахмурился. — Мы должны были подумать об этом раньше. Но ведь и в голову не пришло, что преступник — следователь!

— Да! — многозначительно сказал Кулешов. — С журналистом вы дали промашку...

— Наверное, ты прав. Но сейчас нельзя терять времени. Если мы проведем у Звонарева внезапный обыск, будут доказательства. Логика подсказывает...

— Игорь Васильевич, логика — оружие обоюдоострое. Мне, например, она подсказывает совсем другое.

— Что же, если не секрет?

Кулешов встал, достал из кармана сигареты, но не закурил, сказал тихо:

— Ты только не подумай, что я честь мундира защищаю. Слышал, наверное, как мы у себя со всякими подонками поступаем?

Но тут другое дело. Ты во время блокады где был? — спросил он неожиданно.

— До осени сорок второго — в городе.

— Ну, а я воевал под Москвой, — сказал Кулешов. — Но и для меня блокадные годы — символ. Сам знаешь какой! Святое понятие. Сколько о том времени написано! И вдруг следователь прокуратуры, блокадник, покрывал мародеров, брал взятки! Честных людей посылал на расстрел!

— Да ведь кого только не было в Ленинграде! И шпионы ракеты пускали. И воры карточки крали, — спокойно сказал Корнилов. — В блокадном городе люди жили, а не святые.

— Святые не святые, а ленинградская блокада вошла в историю. Стала легендой. Зачем же ее разрушать? Что будет думать о нас молодежь? Много у нее идеалов осталось?

Корнилову стало скучно.

— Может быть, оставим молодежь в покое? Пусть думает о нас что хочет, — заметив, что Кулешов собирается возразить, Игорь Васильевич примирительно поднял руку: — Ладно, ладно, молодежь во всем разберется сама.

Виктор Петрович вдруг начал тихонько насвистывать, рассеянно глядя на собеседника. За долгие годы знакомства Корнилов уже привык к тому, что эти, как он выражался, «свистульки» означают у Кулешова высшую степень сомнения. Наконец он снова сел на свой укороченный стул, закурил и сказал:

— Думаю, что все это фантазии, полковник, фантазии! — И поглядел на Корнилова с легкой — то ли она есть, то ли ее нет — улыбочкой. Улыбочка эта всегда раздражала Корнилова. Он был уверен, что такой улыбкой может улыбаться человек, ничего не принимающий близко к сердцу.

— Старика убили на Каменном острове обыкновенные грабители, — продолжил Кулешов, — и я не удивлюсь, если узнаю, что и про его сакваж с деньгами они ничего не знали. Нынче могут из-за червонца пырнуть ножом! Да и Медников не исключает случайного грабителя...

Корнилов согласно кивнул, и Кулешов, вдохновляясь все больше, спросил:

— Тебя не устраивает погром в квартире старика? Да разве мало мы с тобой знаем немотивированных поступков? Предположим, залез отпетый алкоголик. Его бутылка интересовала, а не стереомагнитофон! Причем бутылка не в перспективе, не деньги на бутылку, а водка в натуре! И сейчас, немедленно! А бутылки нет! Он и пошел крушить. Знаем мы психологию этих, так сказать, людей!

— Психологию мы знаем, — вздохнул Корнилов. — Людей не знаем.

— Узнаю любителя парадоксов. Но... с задержанием Звонарева повременим! Нужны доказательства. Пойми — случай особый.

— Не понимаю! Если бы Звонарев не был бывшим работником прокуратуры, ты бы тоже сказал «повременим»?

— Если честно — не сказал! — Лицо Кулешова исказила болезненная гримаса. — Знаешь, что? Подожди до завтра. Я посоветуюсь с прокурором.

— Медников решил, что надо с тобой посоветоваться, ты — с прокурором! Ну-ну, советуйтесь, — сказал полковник, поднимаясь. И, уже взявшись за ручку двери, добавил: — Виктор Петрович, поменяй стулья. Это же орудие пытки!

В одиннадцатом часу в подъезд зашла пожилая женщина. С маленькой черной папкой в руке. Вскоре она вышла. «Разносчица телеграмм»,— подумал Бугаев. К ним в дом приходила разносчица с такой же потертой черной папочкой. Майор связался по радиотелефону с Филиным, попросил догнать женщину, узнать, в какую квартиру она принесла телеграмму. «Пусть шеф ругается, но бывают же непредвиденные обстоятельства!— успокоил он себя.— Тем более что в тайну переписки вторгаться мы не собираемся».

Вскоре Филин доложил: телеграмму доставили Звонареву.

Только майор выключил радиотелефон, как на чердаке скрипнула дверь и мелькнул узкий луч фонарика. Ольга привела Корнилова. Фонарик светил плохо, и полковник раза два чертыхнулся, споткнувшись обо что-то.

— Давайте руку,— предложила девушка.— Да ведь не так уж и темно!

«Действительно,— подумал Бугаев.— Совсем даже не темно. Белье ночи, черт возьми, а полковнику, видите ли, ручку подают».

Игорь Васильевич сунул Семену увесистый пакет, и майор, нащупав мягкие булочки, мысленно простил шефу его хождение за ручку с девушкой. И понял, что сидеть на чердаке придется ночь.

— Которые окна?— спросил Корнилов.

Бугаев объяснил. Сказал про телеграмму.

— Самовольничаешь,— констатировал Корнилов. «Голос у него был усталый.— Сейчас заеду на почту, узнаю, откуда телеграмма. А ты, Сеня, сиди. На смену Филину придет Алабин. Филин все-таки на ногах».

Бугаев промолчал.

— Не дает пока Кулешов разрешения на задержание и обыск. Посоветоваться, видишь ли, надо!— сообщил Корнилов ворчливым голосом.

Ольга, тихо стоявшая рядом, деликатно кашлянула.

— Оленька, а вы еще здесь?— удивился полковник.— Обратно я сам дорогу найду. Ну, да ладно, сейчас вместе пойдем. Майор вас не обижает?

Девушка хмыкнула.

— Ее обидишь!— буркнул Семен.

Корнилов нагнулся к самому уху майора и прошептал:

— Дядя этот вел следствие по делу старшего Бабушкина. Всю жизнь в прокуратуре прослужил.

Бугаев удивленно присвистнул.

Полковник вынул из кармана конверт.

— Здесь его фото. Лет десять назад фотографировался.

— Зря шепчетесь. Я все равно все слышалась,— сказала Оля и засмеялась.

— Ее надо к нам на работу брать,— тоже прошептал майор.— Звукоуловителем.

— Неостроумно.

«Бывают же такие контактные люди!— думал Корнилов про Семена, спускаясь вместе с девушкой по лестнице.— Пять минут проведет с человеком — и уже друзья».

...В девять утра полковник позвонил Кулешову. Длинные гудки. Он набрал номер приемной.

— Виктор Петрович на совещании,— ответила секретарша.

Настольная лампа в квартире Звонарева горела всю ночь. Не погасла и утром. Впрочем, майор не мог бы в этом поклясться. Несколько минут он вздремнул. Незаметно для себя.

В половине десятого Бугаев отметил на «объекте» некоторое оживление. Пожилой мужчина, наверное, пенсионер, проживающий на первом этаже, под квартирой Звонарева, быстрым шагом проследовал в соседний двор. Майора удивили два обстоятельства: чрезвычайная спешка и наряд пенсионера. На нем были пижамные полосатые штаны и пиджак с орденами и медалями. В магазин идти он не мог, так как сумки у него не было. Вызывать «скорую» жене? Если у ветерана не было телефона в квартире, мог бы позвонить от соседей.

Сомнения мучали майора недолго. Через пятнадцать минут пенсионер проследовал обратно, конвоируя меланхоличного молодого человека в спецовке, с облезлым чемоданчиком в руках. По старым понятиям это был водопроводчик, на языке технической революции — слесарь-сантехник. Майору стали понятны и пижамные штаны — срочность мероприятия. Оглаживая небритую щеку, Семен подумал, что, будь рядом молодая дворничиха, можно было бы послать ее на разведку, не привлекая ничего внимания. Но если говорить честно, происшествие майора не взволновало. Ему хотелось спать, и он воспринимал действительность словно бы сквозь дрему, умиротворенно. Вспомнив про Олю, он почему-то представил себе мамино лицо в тот момент, когда он сообщил бы ей, что женится на дворничихе! А потом добавил, что дворничиха заканчивает университет...

Но через минуту он забыл и про Олю, и про маму, и про свое нестерпимое желание спать. Пенсионер уже без медалей вместе с меланхоликом-сантехником дружно кричали, стоя под окнами Звонарева:

— Юрий Кононович! Юрий Кононович!

Голос у пенсионера оказался на редкость сильный и красивый, а водопроводчик простуженно хрипел. Выдохшись, крикуны скрылись в подъезде.

Майор включил радиотелефон:

— Василь, у «домоседа» в квартире что-то случилось. Я сейчас буду...

Затекшие ноги повиновались плохо. Бугаев не стал дожидаться лифта — размялся, прыгая по ступенькам. Через несколько минут он уже стоял на лестнице у сорок второй квартиры. Народу здесь собралось довольно много, так что на майора никто не обратил внимания. Решался вопрос, ломать ли дверь к Виктору Кононовичу. Оказывается, квартиру ветерана залило водой. Слесарь-сантехник, несмотря на свою меланхоличную внешность, проявил завидную твердость и взламывать дверь без милиционера или управляющего домами отказался.

Пока они спорили, появился участковый милиционер, молодой парень с пушистыми усами, вызванный Алабиным. Его появление было воспринято как само собою разумеющееся. Дверь взломали.

Наверное, Алабин успел предупредить участкового, потому что тот вошел в квартиру один, наказав сантехнику стоять на пороге и никого не пускать. В квартире было тихо. Не слышалось даже шу-

ма воды, льющейся из незакрытого крана. Почему-то притихли и все собравшиеся.

Через минуту участковый появился в дверях. Лицо у него было взволнованное. Он оглядел столпившихся у дверей жильцов и сказал, обращаясь к Алабину:

— Случилось несчастье...

28

Когда совещание закончилось, Кулешов задержался в кабинете прокурора.

— Что-нибудь срочное, Виктор Петрович? — спросил Новосельцев.

— Срочное, Виталий Владимирович. По делу об убийстве на Каменном острове.

— Есть новости?

— По-моему, нет. Но милиция считает, что есть. Вышли на одного пенсионера...

— Ну и дельце! — усмехнулся Новосельцев. — Одни пенсионеры.

— Этот пенсионер — бывший следователь прокуратуры. В блокаду вел дело о фальшивых продовольственных карточках. Корнилов просит санкции на обыск, а улики никаких.

— Но все же? — насторожился прокурор. В который уже раз Кулешов с некоторой ревностью отмечал, что имя полковника действует на Виталия Владимировича магически. «Учился у Корнилова, что ли?» — с раздражением подумал он. Игорь Васильевич уже долгие годы читал студентам юрфака криминалистику.

— На этот раз у нашего главного сыщика больше предчувствий, чем серьезных улик. Основная, с позволения сказать, улика: в деле о фальшивых карточках исчезли листы предварительного следствия и кое-какие другие материалы. А этот бывший следователь десять лет назад работал в архиве. Писал воспоминания. Но ведь после него там столько людей перебывало!

— Исчезли листы из одного дела?

— Отсутствует еще одно дело, которое вел Звонарев. Но со сдачей блокадных архивов было много трудностей. Гибли люди, не только документы...

— Звонарев — знакомая фамилия, — сказал прокурор, вспоминая.

— Он работает в нашем совете ветеранов, Виталий Владимирович. Ситуация очень деликатная. Если мы ошибемся, тень упадет не только на одного человека, но и на всех, кто работал в те годы.

— Ну и хватили вы, Виктор Петрович! — прокурор взглянул на Кулешова с иронией. — Это какую же надо иметь фигуру, чтобы тенью своей заслонить остальных!

Кулешов промолчал.

— А со Звонаревым, — уже серьезно сказал прокурор, — в деликатной, как вы говорите, ситуации нужно поступить деликатно. Но по закону. Какие же еще у Корнилова «предчувствия»?

— Журналист Лежнев собирал материал для очерка об истории с Бабушкиным и перед тем, как его тяжело ранили, выяснял, кто еще жив из прокурорских работников блокадных времен.

— И вышел на Звонарева?

— Так считает Корнилов.

— Предчувствия у Корнилова серьезные, — сказал прокурор. —

Могут и оправдаться. Почему бы не задать вашему Звонареву несколько острых вопросов?

— Он не «мой», Виталий Владимирович,— обиделся Кулешов.— И я не против допроса. Но делать обыск?!

— Да! Делать обыск! — отрезал прокурор.

— Понял, Виталий Владимирович,— скучным голосом сказал Кулешов и поднялся.— Сейчас позвоню Корнилову. Пошлю с ним Медникова. Он ведет дело.

«Что молодым наше прошлое! — думал заместитель прокурора, идя по коридору в свой кабинет.— Они больше заботятся о сегодняшнем дне, о своем престиже. Не понимают — бросая тень на прошлое, ставят под сомнение настоящее. Настоящее-то из этого прошлого выросло».

Телефон Корнилова молчал. Дежурный по Управлению уголовного розыска доложил, что полковник уехал на Васильевский остров на происшествие. Вместе со следователем Медниковым.

29

— Самоубийство,— сказал врач, когда Корнилов, пройдя через крошечную прихожую, очутился в кабинете Звонарева.

На диване накрытый простыней лежал хозяин квартиры.

«Если ничего не найдем, ниточка прервется»,— подумал Игорь Васильевич, наблюдая, как методично просматривает одну книгу за другой эксперт Коршунов.

— Судя по всему, проглотил пять — десять таблеток снотворного,— продолжал врач. Говорил он тихо, словно боялся помешать экспертам и следователю.— И запил коньяком. Молодой, может быть, и выдержал...

Початая бутылка коньяка стояла на журнальном столике, и Медников готовил коробку, чтобы упаковать ее. Рядом лежали бело-зеленые упаковки от таблеток.

— Можно увозить? — спросил врач у Корнилова, показав на покойника.

— Если у следователя нет возражений...

— Нет. Я уже спрашивал.

Корнилов перешел в следующую комнату. Здесь Бугаев потрошил шкаф с одеждой. В его движениях не было методичности эксперта, перебиравшего книги. Он хватался то за одну вещь, то за другую, то стоял в раздумье, но Игорь Васильевич знал, что майор ничего не упустит.

Старушка с жадными глазами (понятая, решил Игорь Васильевич) смиренно сидела на стуле, встречая каждую новую вещь приценивающимся взглядом.

Увидев полковника, Бугаев оставил одежду. Взял со стола и молча протянул Корнилову коробку из-под кубинских сигар. Полковник открыл крышку. И без экспертизы было видно, что в коробке долгие годы пролежало оружие. Судя по легкой засаленной выемке — пистолет.

— Понятно...— невесело сказал Корнилов и подумал о том, что сам пистолет, наверное, уже заносит невским илом.— Телеграмму, конечно, не нашли?

— Нашли,— усмехнулся майор.— Лежала на самом видном ме-

сте. «Дорогой Юрий Кононович сердечно поздравляем с юбилеем помним все хорошее Бабушкины».

— Неплохо.

— Я связался с ребятами из Гатчины,— сказал Семен.— Попросил срочно выяснить, кто ее подавал.

«Ничего они не выяснят,— подумал Корнилов.— Ни-че-го. Этот Поляков прошел не только огонь и воду...— Он вдруг сразу потерял интерес к делу.— Какая разница, сумеем мы доказать, что Звонарев убил и Борю, и старика, или не сумеем. Теперь это всего лишь формальность. А дело Бабушкина так и останется непересмотренным».

Ему захотелось плюнуть на все и уйти. И главное — молчать. Ни с кем ни слова. День, два... Пока не появится снова желание заговорить. Корнилов вспомнил, что однажды уже испытал такое состояние. В детстве. В сорок пятом. У матери украли продовольственные карточки, и Игорь купил на Сытном рынке буханку хлеба, истратив все имеющиеся в доме деньги. По дороге домой он даже отщипнул вкусную корочку — никак не мог удержаться. А когда стал резать хлеб, нож скользнул по буханке и порезал палец. Еще не веря в предчувствие, не обращая внимания на льющуюся кровь, Корнилов содрал корку и увидел под ней деревянный брусок.

— Сеня, ищи диктофон,— сказал он тихо.— Ищи ключи от машины. Ты знаешь, что еще искать! Дача у него была?

— В Сиверской.

— И там все перекопаем! — Корнилов говорил, превозмогая в себе желание молчать.

30

Телеграмма Звонареву была отправлена с вокзала Гатчина-Варшавская. Телеграфистка вспомнила, что ее принес мальчик лет двенадцати. Никаких особых примет — мальчик как мальчик.

В графе «Обратный адрес» стояло: «Гатчина, проездом. Бабушкина».

Ни сберкнижек, ни особых ценностей у Звонарева не оказалось. Только несколько золотых монет старой чеканки.

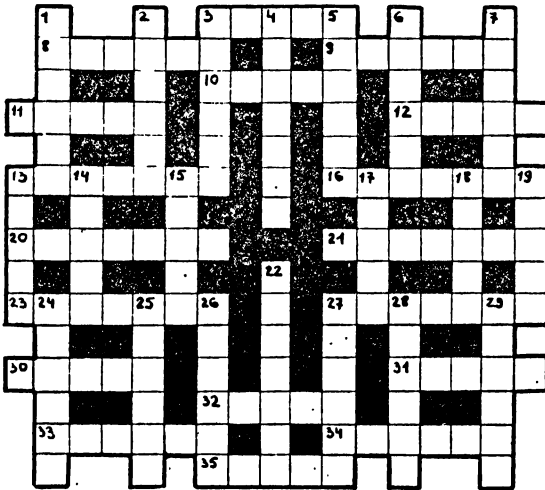
Дача Звонарева стояла на отлете от поселка. Невзрачный бревенчатый домик с подслеповатыми окнами. Полтора десятка вымерзших яблонь придавали участку заброшенный вид. Да и внутри дома царило запустение: годами не мытый пол, обрывки старых, истлевших занавесок на окнах. Несвежее белье на постели. Подпол был забит продуктами. Сотни банок с консервами, со сгущенным молоком. Бутылки подсолнечного масла, жестяные банки с оливками. На всем лежал густой слой коричневой пыли. Как будто хозяин уже давно потерял интерес к своим запасам.

Но следы недавнего пребывания хозяина на даче все же имелись: прямо на грядках чернело большое кострище. И соседи подтвердили, что Звонарев приезжал днями, проводил в доме уборку, жег костер.

У Корнилова мелькнула мысль о том, что в этом костре сгорел и диктофон Лежнева. Но как ни просеивали пепел, никаких следов его не нашли. Только несколько металлических пуговиц и на стальном колечке — ключи от машины.

Ключи эти подошли к машине Бориса Лежнева.

ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ ПРАВО?

По горизонтали: 3. Бегство из мест заключения, плена. 8. Переводной вексель. 9. Одна из форм безналичных расчетов между социалистическими организациями. 10. Немецкий социолог, историк, экономист и юрист, автор сочинения «Хозяйство и общество». 11. Выкуп за невесту. 12. Римский император, при котором были сокращены налоги, проведен аграрный закон. 13. Кодекс правовых норм внутренней жизни русского духовенства. 16. Международный договор. 20. Деятель российского революционного движения. 21. Империалистический блок Великобритании, Франции и царской России. 23. Русский, советский писатель, автор романа «России верные сыны». 27. Беспроцентный кредитный билет, выпускаемый банком. 30. Советский дипломат, с 1967 по 1976 г.— постоянный представитель СССР при ООН и в Совете Безопасности. 31. Донской казак, предводитель гольтыбы в Булавинском восстании. 32. Народное собрание у древних греков. 33. Ежегодный отдых, предоставляемый рабочим и служащим с сохранением среднего заработка. 34. Товары, продукты как платежное средство взамен денег. 35. Местонахождение учреждения, предприятия или местожительство лица.

По вертикали: 1. Английский экономист, один из крупнейших представителей позднего меркантилизма. 2. Побудительная причина, заинтересованность в совершении чего-либо. 3. Участник трех российских революций, один из руководителей Сормовской демонстрации 1902 года. 4. Мать отца или матери. 5. Поручитель. 6. Отношение к социальным явлениям, человеческой деятельности. 7. Установленный размер заработной платы, оклад. 13. Римский юрист, один из представителей классической римской юриспруденции. 14. Младший княжеский дружинник на Руси. 15. Обстоятельство,

исключающее пребывание обвиняемого лица на месте преступления в момент его совершения. 17. Доход, не связанный с предпринимательской деятельностью и регулярно получаемый в форме процента с предоставляемого в ссуду капитала. 18. Народный артист СССР, снимавшийся в фильмах «Русский вопрос», «Человек с ружьем». 19. В России улучшенная грунтовая дорога, соединяющая важные населенные пункты. 22. Таможенный осмотр. 24. Русский дипломат, думный дьяк и глава Посольского приказа. 25. Форма борьбы капиталистов против рабочего класса. 26. Деятель японского и международного коммунистического движения. 27. Сравнительный итог прихода и расхода. 28. Денежная единица Древней Руси. 29. Общепринятый порядок, традиционно установившиеся правила общественного поведения.

Составитель Т. Белая

г. Ленинград.

**Ответы на кроссворд,
опубликованный в № 11 за 1988 год.**

По горизонтали: 7. Эмбарго. 8. Экспозе. 10. Замор. 11. Видок. 15. Приличие. 16. Чимароза. 20. Денисов. 22. Гетто. 23. Выкуп. 27. Почесть. 32. Приданое. 33. Детектив. 35. Лидин. 36. Лучко. 39. Доверие. 40. Дигесты.

По вертикали: 1. Миграция. 2. Фактория. 3. Эмиссия. 6. Изворот. 12. Лидер. 13. Шериф. 14. Жаков. 17. Местком. 18. Корысть. 24. Пират. 25. Чехов. 26. Сигел. 28. Минаков. 29. Политика. 30. Рескрипт. 31. Штаудте.

По дугам: 4. Расист. 5. Опцион. 9. Конвенция. 19. Репрессия. 21. Коррупция. 34. Карцер. 37. Дуайен. 38. Симпозиум.

Содержание журнала «Человек и закон» за 1988 год

РЕШЕНИЯ XXVII СЪЕЗДА КПСС — В ЖИЗНИ!

Айзин С. Инструкция и обструкция	1
Александрович С. Щекино: уроки эксперимента	2
Алфимов П. В идеале — да! А в жизни?	1
Проценко А. Легенда об идеальном поселке	1
Юферев А. Копеечный счет	1

ПЕРЕСТРОЙКА: ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ И ПРАВО	
Булдашов В. На пути к полновластии	11
Булдашов В. С «отклонениями» или по схеме	7
Ваксян А. Что он может, заводской юрист?	12
Двиганцев С. Акционеры? Почему бы и нет?!	9
Демин В. Новое в законодательстве о труде	5, 6

Дьяченко А. Сей дар окупится сторицей	3
Каким станет уголовное законодательство? Беседа с первым заместителем министра юстиции РСФСР Ю. Севериным	4
Опасность — в промедлении. Беседа с председателем Совета колхозов Вологодской области В. Логиновым	7
Панков А. Хозяйева	11
Перламутров В. Работник или хозяин?	6
Проценко А. Выбор	5
Розанов А. Расплата за поиск	4
Романов С. Экстремальная ситуация	10
Сахаров А. Гласность требует правды	8
Снопцов Л. Инициатива плюс расчет	3
Укреплять законность	7

Шахов В. Выборы руководи- теля	9	местителем прокурора РСФСР А. Бутурлиным	11
Шкурно С. Кто хозяин предприятия?	8	Проценко А. Услуги и кон- куренты	4
Шкурно С. Совет трудово- го коллектива	5	Селезнев В. Нужен конт- роль	1
ЗАКОН, КОЛЛЕКТИВ, СПРАВЕДЛИВОСТЬ		Селиванов В. А где юрис- консульт?	3
Виноградова В. Стена	5	Табарный В. И не только анонимки...	9
Горин М., Минбашиев А. На скамье подсудимых — бракоделы	2	Тимофеев А. Вместе мы победим инерцию	2
Моргунов П., Юферев А. Проклятая «царица»	8	Тучкова Э. На повестке дня — пенсионная ре- форма	8
Юферев А. По расчету Бондаря	4	Хускивадзе О. Нужен союз единомышленников	6
ДИСКУССИОННЫЙ КЛУБ		Чтобы победило дело. От- клики читателей на письмо В. Корчагина	8
Адвокат: что он может? Что он должен! «Круг- лый стол» журнала	11	Шахов В. Все, что не про- тиворечит закону	2
Албогачиев М. По живо- му... сквозь Кавказ	11	ПРАВОВОЙ УНИВЕРСИТЕТ	
Александрович С. Кто и что?	5	Бриллиантова Н., Зай- кин А. Трудовой дого- вор	9, 12
Александрович С. Решать самим	6	Годунов Н. Осужден ус- ловно	3
Андреев В. Не было бы пе- рекоса	1	Есипенко Д. Закон колхоз- ной жизни	12
Анисин Н. «Разумное, доб- рое, вечное»?	3	Комиссаренко И. Если со- вершен прогул	3
Безуглов А., Хазин М. Диалог на не совсем обычную тему	12	Комиссаренко И. Трезвость нужна всем	9
Власть и право. «Круглый стол» журнала	10	Литвинова Г. Как разраба- тывали Конституцию	7
Григорьев Н., Диванова Т. Прямое включение	4	На страже здоровья. Бесе- да с Министром здраво- охранения СССР Е. Ча- зовым	2
Гудилин А. Спорить ли с начальником?	9	Приходько И. Возрождение кооперативов	8
Дацкевич А. За чей счет убытки?	3	Приходько Т. Как приобре- сти дом в деревне	5
Доверять и проверять. Бесе- да с сотрудниками Ин- ститута государства и права АН СССР Н. Беля- евой, М. Бирюковым	5	Савичев Г. Кто получит но- вую квартиру	1
Егоркин В. Что может кооп- ератор	1	Савицкий В. Жалоба в суд на... начальника	2
Зорин Б. За что наказали врача?	6	Самогонщиков — к ответу! Беседа с членом Верхов- ного Суда СССР Р. Бризе	6
И строгость, и гуманность. Беседа с заместителем на- чальника Управления МВД СССР Л. Фроловым	10	Суханов Е. Меняю квар- тиру	4
Казнить или миловать? Мнение читателей о при- менении уголовного на- казания	7	Шафир М. Первая Совет- ская	7
Корчагин В. Игра вместо дела?	1	ЮРИДИЧЕСКИЙ ВСЕОБУЧ: ОПЫТ. ПРОБЛЕМЫ	
Кузнецов Н. Вокруг рынка	5	Требков А. Юридический всеобуч — общегосудар- ственная программа	6
Лившиц Р. Нужны ли пе- речни	7	Новое в законодательстве	
Лысенко В. Выборы по-но- вому	4	Анонимки — в корзину	4
Миронов М. Кто конкрет- но виноват?	11	Афанасьев О. Сад-огород	7
Петров Н. Что важнее?	1	Бородин Л. С соблюдением установленного поряд- ка...	11
Презумпции невинности — быть! Беседа с за-		Будущим студентам	6
		Варламова Н. В проигры- ше... игроки	11

Варламова Н. Услуга кооператорам	1
Владимиров С. Ответственность за поправки	4
Деньги вместо «Запорожца»	7
Дополнительная пенсия	3
Есипенко Д. И станут подворья богаче	4
Каратеев Л. И труд, и учеба	10
Каратеев Л. О служебных командировках	7
Корягин В. Осторожно: СПИД!	1
Контроль и предостережения	8
Льготы воинам-интернационалистам	5
Льготы женщинам. Беседа с консультантом юридического отдела ВЦСПС	1
В. Зинченко	1
Мартынов В. Приглашает ЖСК	8
Мартынов В. Строим свой дом	7
Настоящее и будущее Сберегательного банка	2
Об условиях и порядке оказания психиатрической помощи	3
Приходько Т. Где прописка? Где жилье?	9
Повышены пенсии колхозникам	3
Сухарев И. Оплата труда адвокатов	12

ПРАВОВЫЕ КОНСУЛЬТАЦИИ

Новарчук А. Женские вопросы? Не только	3
Поговорим о разном	5
Приходько Т. Если возник спор по жилью	2

ЗАОЧНАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ КОНСУЛЬТАЦИЯ

Дела житейские	9
Нарышев М. Забота о ветеранах	10
Новарчук А. Инвалиды с детства: правовое положение	10
Почему сделка недействительна	7
Разъяснение дает юрист	6
Спор с ЖСК	6

РУКОВОДИТЕЛЮ О ЗАКОНЕ

Головина С. Повышение квалификации	12
Копылев В. Приказ по личному составу	11
Сафиуллин Д. Доход от хозрасчета	9
Сафиуллин Д. Как получить зарплату	8
Сафиуллин Д. Право быть самостоятельным	7

Учимся демократии. Беседа с секретарем Мордовского обкома КПСС	6
П. Грузновым	10
Шахов В. Кто главнее?	10
Юрист консультирует директора	7—12

ЮРИДИЧЕСКИЙ ПРАКТИКУМ

6—12

МОЛОДЕЖИ О ПРАВЕ

Гришаева В., Косякова Н. От детского сада — до вуза	6
Иванов С. С тимуровским бескорыстием	10
Исаков В. Воинская служба	11
Исаков В. Проступок	10
Исаков В. Это надо знать школьникам	9
Косякова Н. Зависит от преподавателя	10
Тарасов Н. Берегите природу	7
Тарасов Н. Продают ли подарки?	12
Хочу заработать сам. Письма школьникам комментирует Н. Шайкенов	8

ОТ А до Я

Непрерывный стаж	1
Ночная работа	2
Общая собственность	3
Обязанность доказывания	4
Организованный набор рабочих силы	5
Подозреваемый	6
Подсобное хозяйство (личное)	7
Подсобное хозяйство предприятия	8
Получение незаконного вознаграждения	9
Постоянные комиссии Советов	10
Потерпевший	11
Появление на работе в состоянии опьянения	11
Правовая инспекция труда	12

ПРОЧИТАЙТЕ — МОЖЕТ ПРИГОДИТЬСЯ

Долг платежом красен	8
Испытательный срок	10
Прерванный рейс	9
Случай в общечитии	6

СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА

Александрова Л. Мама на работе	11
В квартире отказать	7
Галина Н. Хотя до свадьбы далеко	12
Стоякин Г. Для мамы и дочки	8

Стоякин Г. Чтобы справиться новоселье	9	Обухов В., Симонян Г. По неотложным обстоя- тельствам...	10
ИГРОТЕКА «4 и 3» 7, 9, 10, 11		Остановиться над про- пастью. Беседа с кино- режиссером Б. Токаре- вым	11
СУДЕБНАЯ ХРОНИКА		Осторожно: «дедовщина»! Беседа с доктором юри- дических наук В. Мас- ловым	9
Ветров П. Зелье вместо сахара	3	По долгу мужества. Беседа с начальником Управле- ния военных трибуналов С. Максимовым	2
Злополучная покупка	7	Приходько И. По какой цене?	10
Личные молочные реки	2	Пустите горожанина в се- ло. На вопросы читате- лей отвечает Главный государственный инспек- тор Госагропрома СССР Е. Гайдамако	11
Мионов М. Под маской «индивидуалов»	10	Радько Н. Наши чужие дети	1
Наказан за самогон	2	Спокойная сила правды. Беседа с заместителем председателя Верховного Суда РСФСР Н. Сергее- вой	5
Наказаны за самогонова- рение	4	У нас в гостях «Ветеран» Утверждать порядок в Вооруженных Силах	12
Натальева В. Бойкая тор- говля	3	Фурман М. Мои коллеги криминалисты	8
Неудачливые спекулянты	5	Хромова К. Милосердие — дело общее	6
Ребрий А. Преступная не- брежность	12	Чепенес Е. Тяжелый слу- чай с легким платьем	7
С конфискацией иму- щества	2		
Через забор... в колонию	6		
КНИЖНАЯ ПОЛКА 4, 6, 10, 11, 12		ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК «4 и 3»	
Гладков Т. Рассказывают чекисты...	1	А в душе — боль	8
Стрелков В. «Пирамида»	9	Андрющенко В. Наказы- вать строже	10
НЕТРУДОВЫМ ДОХОДАМ — НАДЕЖНЫЙ ЗАСЛОН		Васильев А. Сколько поло- жено ребенку?	9
Вансян А. Там, где начи- нается асфальт	6	Волуевич А. Не будьте категоричны	10
ПЬЯНСТВО — ПОД ЗАПРЕТОМ ЗАКОНА		Килограмм сахара за ... 15 рублей?	3
Аносов А. Получка — день тяжелый	1	Кравец С. Хозрасчет по- колюбакински?	4
Аносов А. Сивушная эпи- демия	3	Лаерт И. Не оскорбляйте мужчин	10
Аносов А. Хмельные ви- ражи	5	Новорожденная — на скамье подсудимых	6
Корюнов А. Бутылка за обедом	2	Моя заповедь	8
ЭКСПЕДИЦИЯ «ВОЛГА»		Письма об Анне В. и ее ро- дителях	2
Александрович С. Лимит доверия	9	Рысай Л. Вырастить чело- века	1
СОБЕСЕДНИК		Тимошенко И. Заставить платить?	9
Гутионтов П. А бил ли мальчик?	6		
Жунов Ю., Логинов В. Нов- городская драма	9	ИЗ ЗАЛА СУДА	
Заслон дурману. Беседа с первым заместителем председателя Верховно- го Суда СССР С. Гусе- вым	4	Доронина А. После кайфа	10
Каратеев Л. Отцы и... жены	4	Кузин С. Все на продажу	10
Лопатенко Н. В «ночное»... на мотоциклах	2	Мионов М. Покровитель	8
Лопатенко Н. Стоит стена в Бережанах	11	Москаленков Б. Компания Страх	8
Лякетене Д. Людям нужна справедливость	3		
Мазанько М. Почему заго- релся «Рубин»?	1		

ПО СТРАНАМ И КОНТИНЕНТАМ

Владимиров С. Выгодно всем	2
Георгиев В. ООН и борьба с наркоманией	3
Колосов Ю. Права народов планеты	9
Лунянов Ф. Закон против разводов	12
Кувшинников А. Ответный удар «империи»	1
Петров Г. Тайна бизнесмена	8
Поляков Ю. Два подхода к правам человека	2
Седых И. Схватка со спрутом	5
Сергеев В. Ау, полицейский!	7
Сухая С. Президентские выборы — взлеты и падения, иллюзии и реальность	12

ТАМ, ГДЕ ПОПИРАЕТСЯ ПРАВО

Крестьянников В. Люди «второго сорта»	6
Львов Е. Бомба в подарок	4

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Ларин А. О «судебных убийствах»	11
---------------------------------	----

СУДЕБНЫЙ ОЧЕРК

Александрович С. Беда Москаленков Б. Оборотень в белом халате	10
Сергеев В. Тени	4

ПУБЛИЦИСТИКА,
ПОВЕСТИ, РАССКАЗЫ

Аносов А. Судьба моя военная	2
------------------------------	---

Высоцкий С. Пунктирная линия	9—12
Журавлев В. Жизнь и смерть Х. Розыбаевой	7—9
Захарова Л., Сиренко В. Браслет иранской бирюзы	1—2
Зернов И. Легко ли стать виноватым?	1
Костомаров Л. Капля меда из горького хмеля	12
Литвинова Г. Весна надежды нашей	3
Любить человека, служить Отечеству!	5
Петухова Л., Юферев А. Исполнители и дирижер	3
Поволяев В. Все одинаково важно	1
Столяров К. Изолятор	3—4
Троицкая М. И вновь вернутся птицы...	3
Файбышенко Ю. В тот главный миг	5—8

ФЕЛЬЕТОН

Александрович С. Бабушка и сотки	4
Добровольский Е. Фужер печали	3
Кредов С. «Золотые» наперстки	11
Падар А. Лучший подарок...	10
Редькин А. Гуляй, Вася!	8
Смирнова С. Лавина корысти	9

ЮМОРЕСКА

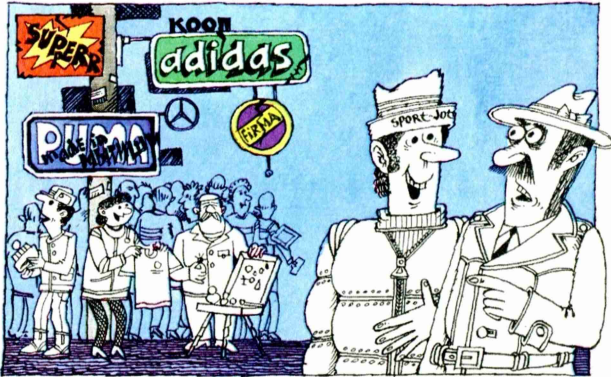
Иоселевич Б. Бдительность	5
Калужный Д., Поротова И. Домовый арбитраж	2
Крупко В. Когда сон — в руку...	6

ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ ПРАВО?

Кроссворд	1—12
-----------	------

Сдано в набор 22.09.88. Подписано в печать 18.10.88. А 12311. Формат 84×108¹/₂. Печать офсетная. Усл. печ. л. 6,72. Усл. кр.-отт. 7,56. Уч.-изд. л. 9,40. Тираж 10 300 000 экз. (1-й завод: 2 600 000 экз.). Заказ № 3114.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП. Москва, А-137, улица «Правды», 24.

- Это центр международной торговли!
- Нет, кооперативной...

- А шапка новая!
- Только что бегала...

Рис. С. Богачева

Цена 60 коп.

Индекс 71075.

«Человек и закон».
1988, № 12, 1—128.

Колл. РМ

